

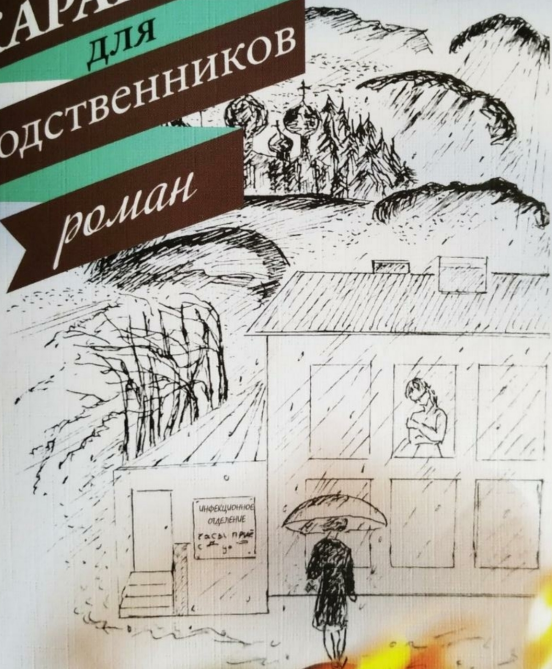
Алла Эльч

КАРАНТИН

ДЛЯ

РОДСТВЕННИКОВ

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алла Эльч

Карантин для родственников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58113966

SelfPub; 2020

Аннотация

" Карантин для родственников" – роман о людях говорящих, но редко слышащих друг друга. Матери и дочери... Зятя и тещи... Поиск любви – уход от ненависти. Основное действующее лицо – писательница Елена увлекательным образом ищет ответ на вопрос, как выйти из затянувшегося конфликта. В помощь ей не только текущие события, но воспоминания прошлых жизней... Книгу отмечает предельная искренность повествования, где драматическое соседствует с комическим. Содержит нецензурную брань.

Рабочие куски памяти иногда расфасовываются в ящики. В данном случае цвет ящичков варьировался от светлого до темно-янтарного. Удачлив тот день, когда воображение позволяло видеть их отчетливо. В такие дни Елене казалось, что она даже ощущает запах виртуального комода, напоминающий сандаловое дерево. Но главная фишка – каждый ящик имел перегородку, где левая часть представлялась больше правой. Именно она была рабочей – служила пристанищем для мыслей, приходящих на бегу. Конечно, не для всех, только о знаковых событиях жизни Елены. Эти мысли сами вызывали ящики родственной темы, ныряли в них, и – до лучших времен. Избавляясь от излишества быта, писательница тогда с азартом уходила в работу. Смутные видения озарялись светом интуиции. Вопрос: почему то или вот это случилось именно так, а не иначе, обрстал плотью ответа. Интересный факт: чем интенсивнее велась работа в левом отсеке ящика, тем четче становились картинки в правой его части. Потрясающее зрелище – видеть некоторые зарисовки прошлых жизней, напрямую связанных с событиями нынешней жизни на Земле...

Ящики, работая по принципу «все свое носим в себе», были незаменимой находкой. Но в каком порядке представить накопленный материал, где место первому ящику или тридцать пятому, Елена еще не знала. Будучи всегда под рукой, виртуальный комод укреплял память. Являясь то записной

книжкой, то рабочей тетрадью, он становился черновиком будущей повести, или, если повезет, романа.

Часть первая

Помня, как отец твердил еще с вечера: «Смотри, сама не вздумай! Подведешь всех под монастырь...», ключи от квартиры Ника отдала через охранника. Оказаться в данный момент лицом к лицу со свекром, бывшим фээсбэшником, владельцем частных охранных предприятий, – стать мартышкой в животе удава. Когда-то поджарый, сейчас располневший, но до сих пор несловоохотливый, Анатолий Дмитриевич своим рентгеноскопическим взглядом походил на детектор лжи. А в этот день на противостояние попросту не было сил. Бессонная ночь: поспешный сбор вещей (к восьми утра ждали контейнер). Каждый раз, замирая от шумно двигающегося лифта, прислушиваясь к звукам на лестничной клетке, Ника опасалась: не дай бог явятся Роговцевы, тогда туши свет! Андрей уже три дня не просыхал. То кричал в телефонную трубку: «Ты мне жизнь искалечила... из-за тебя, сука, пью!», то слал одну за другой эсэмэски – любовные стихи, написанные в пылу угара. Свекровь вещи начнет делить: крик пойдет с руганью. А здесь Олечка, Данилка, родители...

Отдав ключи, выбежав из офиса, она рванула к остановке.

Резкий звук мобильного – свекор. Отключила и – в первый попавшийся автобус.

В этом городе Ника жила всего пару месяцев. Пока дошло, что села не в ту маршрутку, с остановки на остановку... – время, время! А еще дождь вперемешку со снегом. Ветер апрельский, но как будто февраль. Весна малокровная выдалась. Подняв ворот пальто, сумкой прикрывая грудь, распирающую от молока (пора кормить Данилку), она битый час плутала по какому-то микрорайону в надежде найти нужное агентство. Промокнув под дождем, наследив в приемной, на вежливо-холодное «слушаю вас» села на стул. И прорвало: слезы, рыданье через спазм горла. Глотая воду, кратко обрисовала главное. Дети – четырехлетняя Ольга и месячный Даниил. Ушла от мужа – пил. Приехали мама с папой помочь с переездом. Билеты взяли на завтра. Нужно получить послеродовые деньги. Помогите, Христа ради!.. Деньги выдали без проволочек.

Анатолий Дмитриевич крутил на пальце переданную связку ключей. Негодование: «Ах ты, Вероника, ну ты дрянь вероломная, раньше все: папа, папа... а тут ключи подбро-

сила, струсила...» сменилось болью понимания. В висках застучало: «Все, Андрюха, сынок единственный, сукин сын – допрыгался! Бросила-таки тебя жена, детей забрала. Ну, Андрей-Андрюня, толку, что два высших образования: политолог и юрист. Не зря тебя Елена назвала трепачом в законе. Ну, сватья... писательница, чертова баба. А ведь я, сам дурак, вызвал ее. Думал, придет – поможет. Помогла... Ну, сынок, говнюк. Говорил тебе: потерпи недельку-другую, пока теща с тестем в гостях. Уедут, все устаканится. Никуда Ника теперь уже с двумя детьми не денется! Вы что, первый раз собачитесь?! Да за эти пять лет раз десять разбегались. И ничего – я разруливал. Закидоны ваши утрясал. Я для вас – все! Две фирмы раскрутил. Покоя ни днем, ни ночью. В город перевез, квартиру за три лимона – пожалуйста. Живите, детей растите! Иномарку? Нет проблем! Жратва... шмотки... ни в чем не нуждались! Все для вас!.. А вы – уроды!»

Проглотив таблетку, он ослабил ворот рубахи. Но мысли напирали: «Олечку черта с два теперь увидишь! Внушенька, подсолнушек, воробушек...» С фотографии на рабочем столе смотрели большие зеленоватые глаза в длиннющих ресницах.

О Данилке, родившемся месяц назад, Роговцев сейчас не вспоминал. Видел внука пару раз, на руки не брал. Может, имя это... ведь уверен был, что в честь его, Анатолия Дмитриевича, назовут. Впрочем, дело не в имени. Хоть убейте, не понимал, а потому, несколько раз срываясь, в сердцах бро-

сал беременной снохе: «Зачем второго-то рожать?! Живете, как кошка с собакой. Скандал на скандале!..» Не понимал. Губы на полноватом лице скривились, жесткая линия выдавала потаенную мысль: видать, права была Галина, люто невзлюбившая Веронику. Не о такой снохе мечтала: «... мерзавка! Вошла с голой задницей в порядочную семью, а корчит из себя... Подумаешь, университет! Сейчас юристов развелось – как собак бездомных...» Вспомнил Роговцев, как три года назад подбивала жена через старые связи в ФСБ упрятать сноху в психушку, а внучку Олю забрать к себе...

Галина Филипповна без стука, прихрамывая на левую ногу, вошла в кабинет. Через толстые стекла очков встревоженно потянулась к мужу:

– Зачем вызывал?

– На, стерва, держи! – он швырнул через весь стол ключи. Издав глухой звук, они упали на пол. – Что? Добилась своего: Ника с детьми и с родителями – тю-тю, сбежала!

– Толя! Толя, успокойся, твое давление... ты, как рак, красный...

«Да тебе хоть платиновая. Ни одну Андрюхину девку ты, Галка, привечать не станешь. У этой нос курнос, у той попа с кулачок, или у родителей ни шиша...» – еще лет пять до

женитьбы сына сказал Роговцев. Как отрезал.

Андрей, высокий, в отца плечистый, с цветом глаз выцветшего неба, страдал влюбчивостью. Если прикипал, то, казалось, с потрохами. Лев по знаку зодиака, рожденный в Год кролика, он был щедр, настойчив. Душа компании, мог жениться не один раз. Но мать, как сторожевой пес, всем его подругам учиняла от ворот поворот. Сынок, в качестве протеста, стал зависать в ночных клубах. Завел подружку с исколотыми венами. Дальше – глубже. Драка с однокурсником. За привод в милицию младшего Роговцева могли отчислить из университета (карьера политолога полетела бы под хвост...). Вмешался Роговцев-старший. Все утряс. Диплом Андрей получил. Но был выслан отцом из Новосибирска в районную Сосновку, к бабушке Клаве. Та пичкала своего Андрюньчика пирожками да пирожными. Вечером отзванивалась дочери Галине, давая отчет, как у дитяти день прошел. И только когда баба Клава заголосила, что внучек каждый день полторашкой пива балуется, а ее посылает куда подальше, опять вмешался отец. В политологи просунуть сына не смог, но в сельхозколледж учителем истории – получилось. В этом колледже Андрей познакомился с Никой. Мать была далеко, бабушка подслеповата, потому и сладилось.

При первой встрече с Никой у Галины Филипповны заныл

зуб: « Высокая. Смазливая. Волосы светло-каштановые ухоженные. Родинка как мушка над верхней губой. Фигуристая, ишь в брючках попа какая... Зубы белые, но щель впереди, пусть небольшая, все равно изъян. Подумаешь, в шахматы играет. Согласилась на ничью с Дмитриевичем. Кобель старый, специально маху дал. Мне, мол, эта зеленоглазая нравится. Андрюха, женись! Пора!..»

А когда выяснилась материальная сторона, от злости задергался глаз. Как-то Ника, уже родив Олечку, задала све-крови вопрос:

– За что вы меня так не любите?

–А за что тебя любить?! – брызгая слюной, Галина выплеснула накопившееся:

–Ты же к нам, в семью, обманом! Ты что о своей родне пела, а? Предприниматели! Мы-то думали: породнимся с приличными людьми. А на деле что?! Они, оказывается, предпринимают попытку выжить! Что взяли на базе, то и продали. Чаем да кофе торгуют! Предприниматели курам на смех. А мать твоя куда там – поэтесса! Книжки пишет, хоть бы одну продала, дарит всем. Мы в вашу семью все! А твои ни копейки! Нашли отговорку: еще есть сын, доучивать надо. Если б знала, что за родня, не допустила бы – костями легла! Да что теперь говорить...

– Ах ты, гадина, охмурила моего мальчика, втерлась в семью, а теперь так с нами поступать?! – Галина ехала в злополучную квартиру. Голова раскалывалась, холодели руки, вновь заныл зуб.

... – Мама! Она мне вчера по телефону сказала, что подумает и, может, простит! – Андрей метался по квартире. Заглядывал в опустевшую детскую: ни кроваток, ни шкафов. Взгляд скользил по совсем недавно наклеенным обоям. Со стен на Андрея смотрели смеющиеся буратины, озабоченные папы карлы.

– Говорила: у родителей нет денег. Я надеялся, да и отец говорил, что она в ту нищету больше не ткнется! Мать, да они вещи забрали, значит, насовсем?! Значит, не блефовала!

Присев на диван, он опять срывался с места, быстро мерил шагами зал, спальню. С недоумением глядел то на огромную кровать с голым матрасом, то на окно, с которого сняли шторы. Света в комнате теперь хоть отбавляй...

Однако для полноты повествования вернемся в раннее утро этого же дня.

Едва начало светать, Ника вызвала такси. Данька крепко спал в переносном коробе. На удивление тихо дала себя

одеть заспанная Оля.

– Мам, как приедешь, сразу отзовишься. Так, что еще?.. В этой сумке памперсы, ползунки, в этой – детское питание. Присядем на дорогу. Ну, с богом. – От бессонной ночи Нику шатало.

Таксист, на вид кавказец, лет тридцати, вез Елену с детьми, но как-то странно. Оговоренные двадцать минут растянулись до сорока. Позже выяснилось: была необходимость объезда (ремонт дороги). Но в тот момент волнение, отягощенное страхом, рисовало в голове женщины черт знает что. Водитель, спиной почувствовав напряжение пассажирки, поинтересовался, мол, зачем так рано, да еще с детьми. Олька, все время молчавшая, вдруг вмешалась: «А я не дочка – я внучка!» Таксист зацокал языком: «Какая молодая бабушка! Такую бабушку можно еще и...» На лбу женщины выступила испарина. Вскоре они подъехали к частному дому. Николай Федорович уже стоял у ворот: «Ну, слава богу...»

Дом, крайний на этой извилистой улице, возвышался на пригорке. С левой стороны, если спуститься вниз метров двести, шумела остатками льда река. За рекой в томлении по весеннему обновлению редел лес.

– Олечка, чего боишься? Это дядя Коля, он тебе игрушки покупал! Давай, заходи в дом, смотри, какой котенок... – Елена заносила сумки. Опустив голову, упрямо не желая переступить порог, Оля стояла на крыльце.

Хозяева спешили на работу:

– Лена, еда в холодильнике, молоко на столе, если что – звони. Да не трясись, не волнуйся, все обойдется...

Данька, привыкший к маминой груди, не сразу приложился к бутылочке с молочной смесью. Но насытившись, улыбался в своих младенческих сновидениях. Олечка играла с котенком. Елена отзвонилась Нике: «Доехали, нормально». Теперь – ждать. Даст бог, с контейнером проблем не будет. Матерь божья, помогай! Чтоб без шума и пыли...

Вечером, часам к восьми, истопили баню. Хозяин дома постарался: веники березовые, дубовые; дал хвойный настой брызгать на камни. Распаренные, помолодевшие, отпустившие свои страхи, сели за стол. Отварной картофель, огурчики, жареная рыба, в рюмках чуть-чуть кедровки.

– Господи, думала, сойду с ума. Страху натерпелась! Пока мама с детьми доехала, таксист – джигит, руки в наколках... А когда вещи с квартиры выносили... Папа, какой ты молодец! Ребята-грузчики быстро, слаженно: раз-два – контейнер погрузили. Жуть, как боялась, нарисуетя Андрей с родней – все! Мордобой конкретный! Свекруха – бешеная. Вызвали бы полицию. Свекор на уши обычно всех ставит... – Ника потянулась к отцу:

– Пап, мне тоже немного плесни. Да помню я, что Даню

кормить. Ну, ладно, ладно. А когда ключи от квартиры передавала, все поджилки тряслись, тошнить начало! Деньги выбивала с истерикой... Потом, представляете, села в такси, назвала адрес и отрубилась – уснула! Очнулась, когда шофер на ухо гаркнул: «Приехали!». Господи, неужели все позади?!

Телефонный звонок с заставкой песни: «Я люблю тебя жизнь...». Федорович кашлянул в трубку, пару минут слушал, изредка вставляя:

– Да, я слушаю, слушаю...

Вдруг коротко, неожиданно для присутствующих:

– Я не скрываю, они у меня.

Елена вскочила, замахала руками.

– Андрей, а кто тебе не дает? Приезжай. Но – утром. Все устали. Веронику? Нельзя, спит. Утром, все утром, – Николай Федорович залпом выпил стакан воды.

– Значит так, пробили они вас по своим каналам. Знают день, когда уезжаете, даже места в вагоне, – взъерошив волосы (обычное дело, когда нервничал), он осадил Елену взглядом, – не паникуй, все идет по плану. Илья, пошли, выйдем на воздух.

– Какой воздух? Рассказывай! – побледневшая Ника стояла в проеме двери.

– А что говорить, сначала свекровь твоя орала как дикая кошка, что в суд пойдет из-за вещей. Говорит, не развелись, а контейнер вывезли. Про какую-то шубу кричала. Потом Ан-

дрей выхватил трубку, давай милицией пугать. Мол, втихую не даст вывезти детей. Кажется, даже заплакал, прям всхлипывал. Говорит, дайте хоть с дочкой попрощаться. Я и сказал: пусть приезжает.

Часа в два ночи Елена встала в туалет, на кухне горел свет, дверь приоткрыта:

– Коля, не усложняй, не пойдут они на такое. Хотя... кто знает?... Роговцев в прошлом в госбезопасности...сейчас ЧОП держит...Согласен, могут... могут! Подойдет какой-нибудь «шкаф», Ольку в охапку да в машину. Ника тормознется, без дочки не уедет...

– Илья, я тебе потому и говорю: пусть эти раздолбаи ждут нас на перроне. А мы часа на два раньше пригородной электричкой проедем до другой станции. Сядем там, где не надо ждать никакой подляны. Как говорится, береженого бог бережет.

– Так, мужики, спать! Все разговоры – утром...

Из-за непривычно низких дверных проемов этого дома Андрей вошел сгорбившись. От него веяло жаром: воспаленные глаза, отрывистая речь. Озираясь по сторонам, прошел в зал. Скользнул невидящим взглядом по дивану, где спал Данилка. Оля с радостным криком «Папа!» кинулась к нему, но тот отстранился: «Потом, Оля, потом...» Из небольшой

комнаты выглянула Ника. Они уединились. Оляка заплакала. Илья вывел ее на кухню: «Ой, смотри, у нас здесь котенок голодный, давай ему молока дадим...»

Елена присела на диван около спящего Дани. Молочный запах и – выбитость из колеи. В голове начали прокручиваться события трехнедельной давности.

Нет, она не вспоминала, как два дня с пересадками ехала в поезде, радовалась: наконец-то сложилась поездка. Появились какие-то деньги, чтоб явиться с подарками, устроить праздник. Бабушка приехала! Пирогам в доме запахло. А главное, Вероника вот-вот второго родит, опять прокесарят. В первый раз с Олей помочь не удалось. Вроде рвалась поехать, но то свекровь в больницу положили, то отопление в квартире прорвало. Илья на вахте – пришлось самой крутиться. Вырваться не смогла. В этот же раз складывалось все по-людски.

Не вспоминалась сейчас и первая неделя после приезда. Что тут вспоминать: засучив рукава, давай мыть полы, варить борщи да каши. Дочь на сохранении, дней десять осталось до родов. В больницу сбегай, в магазин сходи. Детсад закрыли на карантин: дома внучка по пятам ходит, то почитай сказку, то гулять пошли. С непривычки под вечер Елена валилась с ног. Опять же Пасха на носу, куличи печь надо. Стол по-человечески накрыть. Сваты приедут. А зятек отпуск на работе взял да – на диван, к телевизору: шелк- шелк

пультом. Ну, что такого она сказала? Звук сделать тише. Три раза пришлось повторить. Да чтоб с Олечкой пошел погулять. И началось... Память сейчас нарезала круги именно тех событий.

Ну, зятек: прыг-скок. С Еленой вежливо так: спасибо, Елена Львовна, пожалуйста, Елена Львовна. А придя к Нике в родильный дом, давай накручивать: мать твоя – то, мать твоя – се. Сил нет терпеть. Уйду жить к родителям. Дескать, права была мать, когда говорила: «Смотри, сынок, теща придет – заключает...»

А Веронике бы чушь в голову не брать. Как положено беременным, с лицом просветленным ходить. Так нет. То по телефону, то глаза в глаза норовит мать отчитать прокурорским тоном: «Мама, так нельзя! Не дави на Андрюшу, не командуй! Должна понимать: мы привыкли жить сами, а тут ты...». И у матери в ответ начинали дрожать руки. Значит, с утра до ночи на ногах, и слова не скажи? Что она – домработница бессловесная?! А вы, молодые, уважить не можете?! Просто потерпеть, если даже что не так. Мать с двумя пересадками к вам ехала. Если фыркнули друг на друга, ей уйти некуда!

А тут еще случай: и смех и грех. Как-то после очередного наезда Андрея да телефонно-словесной перепалки с матерью у Ники качнуло давление. Напрягся живот. Андрюху в родильном доме отругали: как не явится – жена в расстройстве. Придя домой, включив в себе оратора (политолог!), он

оторвался на теще:

– Да какая вы мать! Вероника всю жизнь от вас плачет! С дочерью не можете ладить! Вообще, как вам не стыдно?! Дочь замуж отдавали, даже приличного белья постельного не дали! Уехала от вас в каком-то затрапезном пальто. Одеть толком не могли! Ко мне все цепляетесь. Да вы в ноги должны кланяться моим родителям – трехкомнатную квартиру нам купили! А вы со своим мужем – правду отец говорит – себе на хвост наступаете. Ни заработать толком не умеете, ни жить, как надо. Сын ваш тоже, подумаешь, не курит, не пьет, в качалку ходит! Да! Я могу выпить! Нормальное дело, с устатку. А у нас – все! Пятница – питейный день. Отец мой, дядьки – все!.. Я знаю, это вы Нику настраиваете. Она мне: то нельзя, это нельзя. Завела моду – чуть выпил, сразу скандал! Уйти грозитя!..

Елена, опешив, молчала, но только минуту. Забыв извлеченный из какой-то умной книги совет, что *если выходишь из себя, то первым делом не забудь закрыть рот*, выдержка ее дала трещину:

– Ты кто? Да ты никто. Маменькин сынок. Избалованный сопляк! Учился, значит, учился – два института! А толку?! Вы чего в Новосибирск перебрались? Ты в Сосновке ни на одной работе зацепиться не мог. Пять мест сменил! То тебе не это, то – не так! А где попросту за пьянку в шею гнали, по статье грозили уволить. Папа твой все утрясал! Да ты...

И еще продолжала бы хлестать словами, но в детской за-

плакала Оля. Андрей, сорвав плащ с вешалки, хлопнул дверью. Ночуя у приятелей, домой явился через пару дней. У Елены после того разговора все из рук валялось. Ночью не давала спать внучка: жаловалась на живот. (На прогулке, гуляя с отцом, слопала два пакета чипсов, сосиску в тесте, и целый стакан пепси-колы!) Спасались отваром ромашки. К утру полегчало.

День пролетел как обычно. Навещала в больнице дочь, про скандал ни слова. Вечером, часов в восемь, позвонил телефон. Женский голос попросил Андрея.

– Его нет.

– А вы, наверное, теща?

– Она самая.

– Понимаете, такое дело, стыдно говорить...

– Девушка, давайте по существу, у меня тут ребенок...

– Постараюсь. Понимаете, Андрей у нас ночевал. Я – Тоня, жена Петра, они учились вместе. Понимаете, все было нормально, стол накрыли, выпили. Зять ваш стихи свои стал читать. Потом его понесло, Петьку тоже – в караоке орали до одиннадцати. Выпивка кончилась, они кинулись за пивом. Я просила: не надо! У нас соседи такие. Короче, легли в третьем часу. Утром встали, а он нам... простите, весь диван обмочил!.. Если такое недержание, зачем по гостям с ночевкой ходить?! И, вообще, он такое про вас говорил! Язык не поворачивается.

– Ну, что говорил, наверное, стерва, змея. Какими эпите-

тами может зять по теще пройтись?..

– Да он матом на вас!

– Девушка, дорогая, мне все это...

– Простите, я про другое хотела! Что нам теперь делать с диваном? Нюхать?! В однокомнатной квартире живем. Мы его как человека – на диван. Сами на полу легли. Он утром извинялся, про химчистку говорил, клялся, обещал до обеда. Я с работы отпросилась, ждала, ждала. И – никого, а уже вечер. Что делать?!

– А я вам подскажу. Телефон родителей Андрея у вас есть? Записывайте... Так вот, Тонечка, позвоните отцу, ни в коем случае матери – та все скроет. Отцу! И слово в слово опишите. Еще, пожалуйста, очень прошу: как бы между прочим, спросите, почему их сын не идет к врачу. Он ведь дома тоже как выпьет пиво – через минут десять в туалет. Иногда не добежит – брюки мокрые. Все расскажите отцу! Мне неудобно об этом... Поверьте, вы себе поможете. Дело доброе сделаете. Удачи.

Вдруг женщина очнулась от своих воспоминаний. В комнате, где находились Ника с Андреем, послышались шум, детский плач. Дверь резко открылась. Дочь, выталкивая зятя, сверкая сухими от гнева глазами, кричала: «Вон! Пошел вон, скотина...» Тот, пытаясь объясниться, тянулся к дочери: «Олечка, прости, я не хотел. Но ты сама видишь, мы с мамой разговариваем, а ты лезешь к нам...» В этот момент,

как бы требуя прекратить безобразие, заорал обкаканый голодный Данька.

На следующий день пошел дождь. Захватывая тротуары, потоки мутной воды неслись по разветвленным городским улицам. Перенасыщенное движение машин, вскрывая асфальтовые выбоины дорог, норовило с головой обдать брызгами неосторожных, впрочем, и осторожных пешеходов...

Боязнь пробок: на вокзал выехали за полтора часа. Доехали, на удивление, быстро. Состав подали по расписанию. Рассеялись прежние страхи: напряженная утомительность зала ожидания, болезненность прощания Андрея с Никой. Елена стояла недалеко, видела лицо дочери, усталое от недосыпания, от нежелания понимать остроту происходящего. Дескать, не я сама – это родители меня увозят. Изредка она вставляла какие-то слова, кивала головой в знак согласия. Андрей тогда пытался притянуть ее к себе. Ника, чувствуя пристальные взгляды отца, матери, отстранялась. От того, что уже ничего нельзя изменить, у нее подкашивались ноги.

Объявили посадку. Подхватив сумки, чемоданы, детей, направились к поезду.

– Елена Львовна, вы не думайте: мама с папой в машине остались. Они бы вышли вас проводить. Мед, что обещали, банку трехлитровую купили, я взять забыл... – голос зятя

дрожал. Лицо, покрасневшее от слез, кривилось от усилия не плакать.

И опять он что-то говорил Нике, забегая вперед, пытался заглянуть в глаза. Та отводила взгляд, молча катила за собой чемодан.

Места в конце вагона. В купе уже сидели двое мужчин лет тридцати: на столе бутылка коньяка, нарезанный сервелат...

– О, а мы тут не одни! – Елена занесла короб с плачущим Даней. Олька, громко потребовала сесть непременно у окна. Ника, в затылок которой горячим шепотом дышал Андрей: «Вероника, останься! еще не поздно!..» Гора сумок... Лица сидящих в купе вытянулись, выдав мелькнувшую одну на двоих мысль: «Екарный бабай, хотел же самолетом».

Поезд, усталый от длительной стоянки, тронулся. Со скрипом, тяжело (так люди разминают затекшие ноги), но уже через минуту-другую повеселел – набирал скорость. Андрей пару минут глядел в хвост уходящему составу, потом кинулся догонять тестя. Но тот с Федоровичем постарался затеряться среди людей в зале ожидания.

Через два дня Илья уехал на вахту, в Ноябрьск.

За окном вагона мелькали станции, похожие одна на другую. В купе все как-то утряслось. Попутчики отправились в вагон-ресторан, свои верхние полки занимали только ночью.

Женщины возились с детьми. Разговаривать не хотелось. Словесная выпотрошенность: обо всем вроде обговорено, но сплошная неясность, потемки.

Поезд въезжал в ночь. Темнота за окном изредка сменялась взрывом света и звуков от несущихся в такую же темноту других составов.

Ника, покормив сына, повернувшись лицом к стенке, спала. Успокоилась Оля. Целый час брыкалась, отвоевывая себе всю полку, упрямо бубнила: «Это моя кровать». Елена прилегла около уснувшей внучки. Мысли не отпускали: «Странное дело, ведь ехала к ним помочь. Помогла...»

Память высветила красное от возмущения лицо Роговцева-старшего: « Это ты во всем виновата! Спровоцировала! Я, дурак, еще просил, торопил, чтоб приехала, на помощь надеялся... Ты, сватья, провокатор!...»

Действительно, с приездом Елены за Андреем пошла, а вернее, погналась полоса неудач. Вроде неглупый, даже талантливый (некоторые его стихи брали за душу), он оказывался то лжецом, то трусом, то просто хамом. Речь не только о попытках столкнуть Веронику с матерью. Матрас, залитый

мочой, скандал с родителями по этому поводу, многое по мелочам. Был вообще сногсшибательный случай. Ника еще не родила, лежала в больнице. А тут день рождения Галины Филипповны. И сынок отколол номер собственной маме. Вечером звонит по телефону, что недалеко от дома на него напали какие-то люди. Говорит, вышел из машины, сделал пару шагов, вдруг его окружили трое, такие накачанные. Пригрозив ножом, повели в глубь парка. Но он молодец, врезав одному, другому – убежал. Его, правда, тоже смазали по щеке. И – досада: телефон, подарок отца стоимостью тридцать тысяч, обронил в драке. Родители, услышав такое, схватились за сердце. Отец сразу подумал о происках конкурентов по бизнесу. Мать билась в истерике, требовала приставить к сыну охрану, сменить детский сад для внучки. В общем, день рождения прошел – закачаешься.

Однако Елену что-то в этой истории смущало. Да, на щеке у зятя кровоподтек. Но плащ чистый, на подошве обуви не было земли. На следующий день, пригласив к завтраку, Елена завела разговор:

– Ты только, Андрюша, не кипятись, но думается мне, синяк ты получил в другом месте. Давай-ка я выдам свою версию. Да не горячись, разговор без свидетелей, пей чаек, бери блинчики. Так вот, после работы, выпив бутылку пива, ты заехал к Нике. Потом – домой, но пиво дало о себе знать. Не доехав до дома, остановился около ближайших гаражей. И – облегчился. А тут ребята местные, глядят: кто-то поли-

вает их гаражи, гадит, понимаешь ли. Давай разбираться с тобой. Ты им с перепугу телефон дорогущий и отдал. Твое счастье, сынок, что выкрутился, удрал, одним синяком отделался. Что скажешь? Ну, Андрей, будь мужчиной. Давай – правду. Что молчишь? А знаешь, кто тебя выдал? Оля, дочка твоя. Я, как-то ее в поликлинику возила, такси брала. Так вот, проезжая мимо гаражей, внученька моя пальчиком показала: вот тут мы с папой гуляем, и папа пись-пись делает. Что молчишь?

– Все так, Елена Львовна, – зять с интересом посмотрел на тещу, – только в одном ошибка. Пиво я выпил после свидания с женой. А в остальном вы Штирлиц.

– Ну, блин, не пойму! Кто тебя за язык дергал? Кто заставил краски сгущать? Такой спектакль устроил. В день рождения своей матери!.. Нет, ты мне одно скажи: почему врешь? Почему боишься сказать правду?!

– Почему вру?.. Отец... он меня всю жизнь... – не хочу, чтоб презирал... Ну, это долго объяснять. Да не хочу я ничего объяснять! Но вы обещали – отцу ни звука!

Роговцев-старший о подноготной этого случая не узнал. Однако дочери Елена выложила все, не скупясь на комментарии. А та не нашла ничего лучшего, как сорваться на мужа. И вечная тема: в старинных романах сказали бы, что подводная часть айсберга отношений тещи и зятя еще более утяжелялась неприязненностью, презрением друг к другу. Современная литература говорит проще: теща и зять достали друг

друга, ну полный пипец.

Примирение было однократным. В день появления на свет Данилки все целовались, обнимались. С цветами стояли под окнами роддома. Беготня по магазинам: кровать, коляска, распашонки. Все как у людей. А когда Нику с малышом забрали домой, Андрей упросил отца нанять домработницу, только чтоб теща убралась восвояси. Но тут сюрприз преподнес тесть. Нежданно-негаданно явился Илья: «Недельку-другую побуду, а потом сразу на вахту». И пошло – поехало. Андрей в яростном желании насолить теще ринулся в атаку. Плевать он хотел на ее до жути надоевшее: «Андрюша, тебе уже хватит! Выпил более чем достаточно!» Буквально затащил отца Ники поздним вечером на скамейку в сквер около дома. Поговорить по-мужски на тему, какой страшный человек его жена. Прикончив захваченную с собой бутылку пива, он округлил глаза:

– Илья Петрович! Как вы можете так жить? Вами манипулируют! Да кто хозяин в доме?! Да по столу кулаком – раз и все! Вон, мой отец давно мать поставил на место. Ее дело кухня, постирать, убрать! Нет, я, конечно, не дурак, понимаю: Елена Львовна – личность творческая. Книжки пишет, стихи. Я сам – поэт! Но она же танк! В чужом монастыре как слон в посудной лавке. А как с Вероникой обошлась?! Та в

положении, а она, мать называется! Ругала за то, за се. До сих пор воспитывает, как будто Нике десять лет! Представляете, говорит, надо выбросить микроволновку. Весь мир пользуется!.. А еще – помидоры импортные в супермаркете опасно покупать! Скрещены с геном жабы иль каракатицы. Всякую чушь несет про то, что у детей наших от такой еды могут быть генетические завихрения. Или вообще не быть потомства. Нет, представляете, чипсы нельзя, пепси-колу!.. А я – что? Жену защищал! А Елена Львовна ваша... она мне такого наговорила!.. Я... ее, честно вам говорю, боюсь...

– Я тоже, сынок, ее побаиваюсь, – усмехнулся Илья Петрович, – ну все, пошли домой. Давай утром, на свежую голову...

Но смехом дело не обошлось. Во втором часу ночи Елена услышала какой-то шум. Приоткрыла детскую. Оля спала, чуть посапывая носом. А из спальни Ники с Андреем слышались всхлипы. Сделав пару шагов, втянула в себя воздух – запах табака. «Ну, мерзавцы, а не дети! С вами ведь Данька...» – уже хотела открыть дверь, но рука мужа помешала. Ухо обдало горячим шепотом:

– Не вмешивайся, пусть сами... не заводи скандал. Идем спать, все разборки завтра...

Утром был забит последний гвоздь: Ника, с синяком под глазом решила уйти от Андрея.

«Тебя замуж силком выдавали?»— Елена, сидя на балконе с сигаретой в руках, мысленно разговаривала с дочерью:

— Как человека просили, не спеши! Ведь был горький опыт, вспомни первый аборт! И дело не в том, что родители того парня — алкоголики. Что ты не только на каблуках на полголовы выше. У тебя учеба в университете, а у него курсы шофера. Как же — любовь! А как он с тобой потом поступил?! Когда отслужил, пришел из Чечни — живой! Если у вас была любовь, разве послушался бы своих сестер: «Ринат, на кой ляд тебе эта дылда? Уж если жениться, то бери свою, татарку! Вон Венерка по тебе сохнет. Ее отец дом пообещал вам выстроить...». Что? Наигрался, и привет! Вспомни, сколько слез пролили с твоей беременностью. Грех на душу взяли, когда ты выскребалась — убила ребенка...

А сейчас, извини, замужем пятый год. Двое детей! Квартира — хоромы! Мы с отцом начинали с комнаты в общежитии. А вам все на блюдечке с золотой каемочкой. Две машины в гараже. Свекор с деньгами. Свекровь — стерва? Так не под одной крышей живете. Муж выпивает? Болезнь, лечиться надо. Борись! Что плачешь?! Говоришь, Андрей всю ночь спать не давал. Две пустых полторашки пива под кроватью. Табачный дым пускал на грудное дите. Обмочил постель, на балкон выбросила скомканное — воняет. Говоришь, перед тем как уснуть, сказал: уедут родители, ночевать будешь у канализационного люка. Мол, пить ему или не пить, не твое со-

бачье дело?..

Что теперь плакать? Раньше бы мозги включала... А теперь – вышла замуж – тяни свою лямку...»

Эти мысли ошалело пронеслись в голове Елены. Закрыв за собой дверь прокуренного балкона, войдя в кухню, она на Никино измученное, бессонное: «Мама, Христа ради, забери меня, сдохну!..», задержала дыхание и с легкостью единственного варианта выдала: «Все, дочка, едем домой. Пора положить конец дурдому. Отец! Подъем! Сегодня общесемейное собрание. Нет, не совет! Хорош из пустого в порожнее. Я звоню Роговцевым. Ставим перед фактом: Нику с детьми забираем! Андрея не будить, чтоб не смылся куда. Пусть родители полюбуются...»

Роговцевы приехали через сорок минут. Раздеваясь в прихожей, Анатолий не скрыл раздражения: «Мы с женой уже привыкли, а вы все колготитесь...» Затем заглянул в детскую. Ника, сидя лицом к окну, кормила Даню. Олечка, отбросив игрушки, подбежала, протянула руки. Рассеянно погладил по голове: «Ну, ну, играй, играй...» Потирая рукой левую сторону груди, направился в спальню. Открыл дверь, в нос ударил спертый воздух. Сын спал, раскинув руки и ноги на всю кровать. Пухлые чувственные губы его, расплываясь в улыбке, кривились, обнажая ряд ровных желтоватых зубов.

Галина, потирая влажные ладони, сидела в зале на диване. Роговцев-старший с чашкой крепкого кофе – в кресле. Илья Петрович, сцепивший пальцы в замок, Елена, поглаживающая сустав колена – на стульях. Вероника, скрестив руки на груди, стояла у окна. Вошел Андрей – умытый, побритый, в глазах веселая решимость (не впервой, пробьемся!). Театрально развел руками: какое собрание! Подмигнув матери, громко, риторически начал:

– И что теперь?! Вот эта женщина, – указательным пальцем ткнул в сторону Ники, – надеется, что я буду с ней жить?! После того, как вынесла сор из избы?! Устроила тут разборки! – Андрей входил в кураж. Но Елена, стукнув кулаком по своей коленке, обломала малину:

– Ты, зять – ни дать ни взять, молчи! Вероника, говори.

– Мама, ты, спишь? – голос Ники уставший, тревожный. За окном поезда светало.

С утра, почти до обеда, Елена стояла стражем у дверей в туалет (около туалета – курилка). Ко всем пассажирам, проходящим мимо, обращалась с пламенной речью:

– Люди добрые, не курите здесь! В нашем купе дети малые. Мальчишке месяц лишь от роду! Если вам так невтерпеж – идите в тамбур следующего вагона и дымите, сколько

хотите.

Вагон попался сочувствующий.

Покачивание поезда, спертость воздуха купе – идеальное снотворное. Маму и детей свалило с ног. Вероника отрешенно смотрела в окно. В голове крутилось прощание с мужем. Влажное прикосновение его горячих губ к ее рукам – поцелуи со слезами. Заплаканное лицо, щенячья преданность покрасневших глаз – таким Ника видела Андрея впервые. Горячий шепот в ухо: «... поверь мне. Одно, только, одно твое слово – жизнь в дальнейшем будет чудесной. Никто никогда тебе слова дурного не скажет!..» Напоминал об отце: «Ты для него как дочь. Каково теперь ему – сноха ушла – позор!» И опять Андрей переходил на себя, божился: «Больше ни глотка! Пить, курить – завязал! Только останься, не уезжай!» На его чувственно-откровенное: «Вспомни, Ника! как мы...» в низу живота становилось предательски тепло, влажно...

И она, если бы не этот поезд, ее родители, окажись где-нибудь с мужем один на один, ясное дело – осталась... Но колесо вертелось, а потому лучше не думать. Ибо страшно думать: что там, впереди, если здесь, в настоящем, земля безжалостно уходила из-под ног.

– Дочка, очнись! Пора Даню кормить.

Данька спасительным образом разгружал мать. Строго по времени с завидной жадностью опустошал груди от молока. А главное, на время кормления заставлял забывать все тревоги. Мол, умиляться, целуя пальчики ручек, ножек – это пожалуйста! А все дурные мысли, мама, выкинь из головы. Отдыхай, мамочка, около меня, набирайся сил...

– Измоталась ты, доня... бледная, вокруг губ желтизна, опять же полнота нездоровая...

– Да ты, мама, на себя погляди, кило двадцать, наверное, прибавила.

– Ой, когда на нервах – рот не закрывается, жую и жую.

– Ничего, мам, приедем домой, сразу в баньку. Гулять с детворой на воздухе. Мама, ну чего ты плачешь? Мам, ну не надо плакать...

Скорый поезд вновь врезался в ночь, ветреную, дождливую. Ника, уложив детей, спала. Елена грелась чаем, вспоминала... парк (там, в городе, где жила дочь). Место удивительное: деревья-великаны, в основном реликтовые пихты, сосны. А солнце! Бог ты наш, сколько солнца было в тот день! Глаза невольно слезились. Илья узнал – в парке открылся планетарий. (У себя дома, на балконе, он установил подзорную трубу с мощными линзами. Урезая сон, иногда часами любовался звездным небом...)

Около планетария, в кустах можжевельника, увидели лавочку. Рядом, протяни руку, пара высокорослых пихт, прогретых солнцем. Запах чудесный. Илья, словно ребенок, восторженно требовал от жены обнять янтарный ствол дерева, подпитаться от космоса...

На экскурсию в планетарий Елена не пошла. Подставляя лицо солнцу, вспоминала море... Крым... горячий песок пляжа небольшого городка Черноморское...

После прогулки по парку они заглянули в ближайший ресторанчик. Пили красное вино, ели отбивной рулет из курицы с миндалем, свежайшие эклеры. Затем, спускаясь к речному вокзалу, прошли по проспекту Мира, пестревшему рекламой. В одном из магазинов, неизменно ярких, нарядных, Илья купил нефритовые серьги (давняя мечта Елены). Предлагал ей, раскрасневшейся помолодевшей, уехать на теплоходе в какое-то (вычитал в расписании вокзала) местечко с живописным названием Рассказиха. Переночевать в гостинице или у кого-нибудь снять комнату.

Лена заливисто смеялась: «Илюша, ты сошел с ума...»

В Рассказиху они, конечно, не поехали. Ника замучила звонками: «Пап, мам, когда уже вы домой! Мы с Андрюхой уйти хотим на часок...» Но, возвращаясь, около автобусной остановки увидели двухэтажное здание со старинной лепниной. Неприметная вывеска музея. Хотя ноги гудели от усталости, зашли. И там, среди комнат со всякой старинной утварью, бубнами шаманов, картами путешественников, по кото-

рым глаза лишь скользили, увидели нечто, их потрясшее. На втором этаже, в небольшой комнатушке, стояли семь иконописных фресок, каждая в человеческий рост. Краски тусклые, иконы старые. Семь мужских ликов, каких-то старцев, в чьих глазах, если долго смотреть, была такая глубь... Елена особенно не могла отвести глаз от пятого в ряду лика; стояла и плакала, просила счастья для своей Ники.

Поезд рассекал ночь. В купе на столике в тусклом свете ночника серебром поблескивал подстаканник. Веки стали тяжелыми, в дреме она вдруг явственно увидела лицо того старца с иконы. Он улыбался, странно... лик его внезапно сменился младенческим лицом Дани... Елена ушла в сон.

Дорога с пересадками, куча багажа. Оля, за которой глаз да глаз. Ника, толку-то, что мама двоих детей: чуть что не так скажи – глаза на мокром месте. Как тут не взмолить: «Господи, помоги!..» Спасибо ребятам из соседнего купе. Подхватив сумки, чемоданы, подняли Елену с детьми в зал ожидания.

Казалось бы, чего проще: сиди, жди своего поезда. А тут на тебе – переход на новое время. Табло движения поездов бежит нескончаемой дорожкой с одной пояснительной надписью: извините за временное неудобство, на все вопросы

ответы в справочном бюро. А там очередь змеей длиннющей, выстоишь – упрешься в сухие два слова: «Ждите, объявят».

От нервного напряжения у Елены случился синдром глухоты. Илья звонит по сотовому – не слышит; люди вокруг шепотом говорят. Дурно стало до тошноты.

– Мам, ты чего? На воды попей, – в глазах Ники испуг, слезы просохли. – Олька! Сиди около бабушки! Я сейчас схожу, узнаю...

– Женщина, да не волнуйтесь вы так, – седой худощавый мужчина, часа три сидевший с двумя подростками на скамье напротив, присел рядом. – Вы в Самару едете? Так уже идет посадка. Видите, над лестницей табло: второй путь, третья платформа. Конечно, конечно, поможем.

Кто сумки, кто чемоданы; Оля без обычного нутья сама тащила какой-то пакет. Скорее вниз по лестнице. Несколько глотков относительно свежего воздуха – от глухоты не осталось следа. На ходу Елена цепко прошла взглядом: все на месте. Пятый плацкартный вагон, почему-то в конце поезда.

Еще в тамбуре резкий запах пива, сушеной рыбы, подвыпивший проводник. Пробрались в середину; два нижних боковых места. На одну полку сгрузили вещи, на другую приехали перевести дух. Даня, просыпаясь, кряхтел, требуя мамкину грудь. А у Елены с Никой вытянулись лица. Напротив

– мужики, человек десять. Плотно облепили стол: открытые консервы, сало, соленые огурцы, гора шелухи от воблы, полуторные бутылки пива.

– Ой, какая девочка, хочешь, дядя конфетку даст, – широкая улыбка на щетинистом лице. Ольга прижалась к матери, заорал голодный Данилка. Для Елены знак – пора в атаку!

Рассмотрев среди мужчин двух молодых солдатиков, она легко отыскала в вагоне их командира. От возмущения повысила голос:

– Сидите, значит, в карты играете! А солдаты с мужиками пиво пьют, развели свинство! Давайте меняться местами: мы сюда, вы туда. Ну, войдите в наше положение: двое детишек, а там такая вонь.

Лейтенант попался тщедушный, меняться отказался, но солдат приструнил. Оторвавшись от консервов и пива, те шмыгнули по своим местам.

Мужики выкатили глаза:

– Ты че, мать, шумишь? Мы с вахты, понимаешь, два месяца в отрыве – домой чешем... Ты, вообще, че хочешь? Обоснуй.

... – Ну, так бы сразу... Раз муж вахтовик – какие дела! Понятно, дети грудные, о чем речь? Мать, выбирай любые места!

И вот уже кто-то кого-то стаскивал с полок, безропотно освобождались два нижних и два верхних места. Женщины,

отгородившись от прохода простыней, вытаскивали из сумок провизию. На вопрос: «Девчата, помощь нужна?» улыбались вымученной улыбкой. Чья-то рука передавала цветные карандаши, альбом с раскрасками для Оли. Кто-то пытался напроситься в гости с куском сала:

– Та це ж з України, от кумы...

– Да шо ты пристал к ним со своим салом? Девчата, пива хотите? «Жигулевское»...

Сытые, подмытые внуки; копченая курица с пивом... и – спать! спать!

Часть вторая

Середина декабря. Луна – переполненная чаша...

К вечеру окна всех девятиэтажек микрорайона заливались электрическим светом. В большинстве подъездов, перебивая плохую уборку лестничных пролетов, плыли запахи пищи. Тяжелые – жареной говядины или баранины... норовили уйти к нижним этажам. Легкие запахи выпечки, блинчиков гуляли в средней части, не отходя далеко от своих квартир. На верхних этажах людской пищей особо не пахло, если только упущенное молоко.

Илья два дня назад вернулся с вахты. Сходя в булочную за хлебом и поднимаясь на шестой этаж, он чертыхнулся из-за сломанного лифта. Еще винный запах от разбитой бутылки около мусоропровода. Насвинячили на втором этаже, а

достается всей девятиэтажке. Зайдя в квартиру, опешил – дома тоже не слава богу...

Легче всего списать неурядицы на полнолуние. За сутки до него у Елены давление скакало. Боль головная – мысли (заразы) бросили якорь в прошлом, пригвоздили... спасу нет. Всю ночь с боку на бок – бессонница жуткая. Следующий день вразвалку прошел. А занимаясь ужином, разделывая рыбу – резанула ножом по пальцу. Ярко-красная дорожка залила ладонь, закапала на пол. Как назло, куда-то делась аптечка. Случайно в ванной нашла флакон перекиси. Останавливая кровь, разревелась:

– Бог ты мой, отчего у Ники такая жизнь?! На те же грабли, уже не пяткой – задницей! Ну, Анатолий Дмитриевич, сволочь, опять обманул! Как сладко пел по телефону: «Лена, пусть Вероника вернется, надо дать шанс. Дети без отца – преступление. Жить будут на новом месте. Андрея устроил в район, старых друзей привлек: выбил должность в прокуратуре. Квартиру дадут...» Ну и что?! Все – ложь! Как жили – так и живут... Теперь еще любовника завела. Господи, если Роговцевы узнают – башку свернут! Сколько говорилось: «Где живешь, гадить нельзя!»

– Это что за монолог, сама с собой, – Илья зашел в кухню. – Ой, а кровищи... Ты что тут, Ленка, дурную кровь пускала? А с рыбой что? Я, так понимаю, ужин накрылся? Так... на тебе для успокоения рюмку хереса. Не дрейфь, сейчас я

влет.

Через десять минут на сковороде шипело масло, жарились куски судака.

Елену после двух рюмок (херес, однако, не слабо берет...) развезло:

– Нет, ты мне скажи, почему дочь наша с рождения родителей ни в грош. Предательница! Помнишь, как она божилась: «Все, мама папа, клянусь – к Андрею не вернусь!» Мы такое пережили... столько нервов, лет на десять постарели. Ну ладно, вернулась ты к мужу. Так работай над ошибками, живи по-человечески! Ан нет, как будто чертенок в нее вселился. Всю жизнь она так! Помнишь, ей года три было, чуть с балкона не сиганула – ты ее за ногу поймал...

– Ленка, ты закусывай. Успокойся, чего уж теперь...

– Дай мне выговориться! Ты дома всего пару недель и – на вахту. Месяцами не вижу! Да если бы раньше дочь в ежовых рукавицах держал, мы бы в такой заднице не были!..

А мать твоя! Да она Нике с детства все разрешала – первая внучка! Помню, икру красную с пяти бутербродов сняла, на один кусок хлеба намазала, чтоб повкусней да пожирней внученька лопала. И слова не скажи, как же – свекровь! А я, дура молодая, мне бы вмешаться... а теперь вот разгребай завалы. Да ешь ты эту жареную рыбу сам! Я заливную хотела. Помнишь, как в той песне: «Свари, кума, судака, чтобы юшка была!..»

– Э, мать, да ты надралась. Быстро съешь бутерброд: мас-

ло, сыр; возьми шпротину. Вот, умница. – Илья открыл бутылку минеральной, налил в стакан.

Выпив воду залпом, пару раз икнув, Елена продолжила:

– Ну, Ника, ну дочь досталась... Помнишь, в тот раз стоило нам с тобой уехать всего на пару недель в Крым, и на тебе – снюхались! Ключнула на эсэмэски: «Никуся! Любовь моя...» Все забыла! Как пил, как бил. Приезжай, Андрюшенька, родная душенька, попробуем снова жизнь наладить. А он тут как тут – слезы... мимозы. На работу в Волжском устраюсь. Ага, сейчас у нас в райцентре в политологах нужда! Спец по трепу. Да ты, Илья, не уходи! Послушай, я тебе расскажу, как они тут первый раз встретились. Я зятючку сразу к нам в дом не разрешила. Они гостиницу сняли. А перед этим ты бы видел, как Ника себя в грудь кулаком била. Синяк был! Кричала мне: «Опять лезете в мою жизнь!» И я вазу хрустальную с серебром, что нам на свадьбу еще дарили, разбила. Все, говорю, гляди: вот как ваза вдребезги, так я тебе – все. Пуповину отрезала! Теперь сама живи, как хочешь! Да не надо мне воды! Завари чаю.

Елена размазывала по щекам слезы, потекшую тушь для ресниц. Внезапная резь (ой, в глаза попало!..) заставила умыться. Через минут пять, дую на горячий чай, она по-детски всхлипывала. Хмель постепенно улетучивался. Промытые холодной водой глаза потеплели:

– Да жаль, жаль их всех... Андрюха, когда вошел, уви-

дел Даню и в слезы. Уезжали, тому месяц всего, комочек, а тут хрюндель шестимесячный, розовощекий. А Олюшка, слов нет, от отца ни на шаг. Заглядывает в глаза: «Бабушка, папа с нами будет? Всегда? Да?». Господи, да что я враг? Конечно, живите. Квартиру сняли. Андрей меня, представляешь, мамой пару раз назвал. А Ника на глазах похорошела. Блузку мою, кружевную, забрала. Дурочка. Говорит: «Мама! Ты бы видела, как он на меня смотрит, мам, я с ним как первый раз...» Нет, конечно, если бы он здесь работу нашел, жили бы. Сад детский под боком, школа. Но работы-то нет. Что он слесарем куда пойдет – в ученики? Я Роговцеву только заикнулась, давай мол, сын твой на бирже труда переучится на что толковое. Куда там! Столько спеси. Из грязи в князи... Вот гад, всех обманул: «...сыну работу нашел престижную! В горном Алтае жить будут: природа там – красота...» Сволочь.

Среди страниц записной книжки Ника хранила черно-белую картинку рекламного объявления «...уютное место, оплата почасовая...» Окна той комнаты выходили на север. Протекший в левом углу потолок. На стенах старые обои. Стол, телевизор, широкая кровать.

– Вероника, сайт знакомств – такая отдушина! У тебя

что?– Люсьена, секретарь суда, (тридцатипятилетняя, дважды замужем) подняла брови.

– С твоим-то мужем придурком еще нет своей страницы?! Исправим!

В графе «О себе» Ника вначале написала: «Я не для всех». Позже стало стыдно, но ненадолго, ибо появилось: «Маргарита ищет Мастера, штукатурам и малярам не беспокоиться». В ее виртуальную дверь стучались, лезли с вопросом: «Где фото?» Фотографию не помещала. Как-то днем задремала, приснился Булгаков, грозящий пальцем. «Маргариту с Мастером» убрала. К вечеру в голову пришло: «Луна в тумане».

Он зашел на ее почту к обеду следующего дня: «Туманная ты наша, покажи личико». Через три дня новая попытка: «Ты что? Недоступная, как камень, холодная, как лед?». Она: «Мимо!». Он: «Я еще не целился». Ее фото подстегнуло, колесо завертелось:

– Слушай, а ты – красавица, нет слов!

– Люблю молчаливых мужчин. Мой муж на политолога выучился – рот не закрывается...

– У меня с женой тоже, говорить не о чем...

Через неделю Нику с подозрением на внематочную беременность увезли на скорой помощи. В сумку с зубной щеткой, халатом положила ноутбук. Он приехал к ней в больницу с веткой белой орхидеи и пакетом розового зефира. Первый раз поцеловались в отдельной кабинке кафе «Вечера на

хуторе». Под сладкую «Тамянку» весь вечер изливали душу на предмет бардака в семьях. Говорили, что сыты по горло. Тоскуя по жару новизны ощущения, тянулись друг к другу. А потом была комната «...уютное место, оплата почасовая...». Предательский блеск глаз, припухлость зацелованных губ, уход из дома под любым предлогом. Любовь крутили в гостинице, в машине, иногда рыжеволосая Люсьена на пару часов давала ключи от квартиры. После – возвращались: он к жене с тещей, она – к мужу, детям. И притупляя стыд, появился иммунитет на скандалы. Андрей запил? Да, что он раньше не пил?! Нашел причину, с работы уволили. В первый раз что ли? Да его трудовую книжку полистать – рябит в глазах. Дура! Поверила, вернулась в Новосибирск. Ключнула на сладкую наживку:

– Ника, все будет иначе! Ты, дети – главное нет! За работу держаться буду, от отца – ни копейки! Сами будем жизнь строить!..

Продержались всего-то полгода. А там Роговцев старший подложил сыну свинью. Возвращался старый ловелас от любовницы, его пьяного ограбили, чуть не прибили до смерти. Галина кинулась к сыну: «Андрюша! Папа пропал, ищи – ты знаешь где!..»

Сын, обзванивая знакомых, мотался по городу. Нашел полуживого родителя в квартире очередной пассив. Скорей в больницу, под капельницу. А через три дня (мать намекнула, что у Ники с кем-то шуры-муры) – сам напился до поро-

сячьего визга в каком-то баре; приставал к девчонке, у той дружок – бывший десантник. Выплюнул Андрюха зубы передние. Трещина переносицы, нос в гипсе. Любуйся, жена. Все пошло по-старому... Правильно, дважды в одно болото – диагноз.

А за тысячу километров от проблем Ники жизнь ее родителей, слава богу, текла своим чередом.

Сборник стихов тиражом в триста штук еще носил запах типографской краски. Презентацию наметили на пятницу. Кто и что – распределили с вечера. Елена с утра в парикмахерскую. Илья – торты, цветы: «Начало в двенадцать, успеет...»

За ночь небо затяжелело. С рассветом подмороженный воздух заискрился алмазной россыпью, а после стал жонглировать мириадами снежинок. Прикрыв шарфом брызнутые лаком волосы, Елена на маршрутке доехала до музейно-выставочного центра.

На стенах просторного зала обитало лето. Излюбленные пейзажи местных художников: сочная зелень долин, купающиеся в солнце подсолнухи, извилистые берега речки Чагры.

За легкой ширмой в правом углу просматривался во весь рост гипсовый, с немного поврежденным носом В.И. Ленин

(по четвергам здесь собирались коммунисты). Посреди зала стулья в шесть рядов, старенький стол, прикрытый куском красного бархата.

– Ух, ты, выюга поднялась, – Илья прикрыл форточку, – Лен, да не волнуйся. Придут те, кому надо прийти.

Презентация сборника стихов проходила по обычной схеме. Избитая форма представления автора другим лицом. Как правило, растянутый монолог: вот он наш уже признанный или только начинающий. Родился в таком-то году... прошел такой-то жизненный путь. И какая это радость наблюдать за его творчеством, как говорится, описывать жизнь – особый талант голос подает. Об этом таланте надобно говорить. И так далее...

Вступительная часть подобного рода – пространная словесность растягивающая время, была Елене не по нутру. Прикрывая улыбкой растущую досаду, в этот раз она поставила-таки жирную точку: « Присядьте, дорогой Яков Моисеевич. Позвольте мне самой... »

От того что читатель вот он, рядом – бери его тепленьким – из глаз Елены шел свет, энергетика зашкаливала. Речь завела о самой сути стихотворчества. Мол, это один из самых действенных способов выращивания крыльев, удерживающих над пропастью повседневности. Говорила о радости состояния быть передатчиком... звеном в цепи, где Высшее работает с Низшим...

Но внимание зала кое-где начинало зевать. Верный признак перебора. Домашней заготовкой прорезались вопросы к автору: «А вы, какой веры? В церковь ходите? Вообще, кто вы по жизни?...»

Милые люди. С этим бы ей самой разобраться. В последнее время в извилинах мозга Елены не на шутку заседала мысль: писательство кочует из жизни в жизнь. Яркое словесное творчество является опытом прошлых воплощений. Классно сочинять, одной жизни мало. Даже если жизнь – нагромождение событий...

Презентация набирала обороты. Желающие получили книгу в подарок (покупали очень редко). Прослушав излияния автора, что-то там восторженно в ответ пролепетав, большинство настраивалось поскорее выпить и закусить! А у виновника торжества отламывалась рука, попробуй-ка, подпиши пару стопок книг, непременно с указанием имен. Дорогому Аркадию Аркадиевичу, дорогой Марье Ивановне... И – резало слух нерусское слово «презентация». Почему не день рождения книги? Зачали ее, выносили. Родилась, слава богу. По русскому обычаю нормально накрыли стол. Выпив по бокалу шампанского за здоровье новорожденной, неслабо закусили бутербродами, где колбаса соседствовала с сыром.

И пошел разноречивой речей: восторженность пенсионерки Жариковой, учительницы русского языка: «...это классика, понимаете, шаг к Серебряному веку!..» Потное рукопожатие начальника отдела культуры Плясунова с благодарственным

письмом в деревянной рамке. Скрытая давняя его неприязнь прыснула фразой, обращенной к залу: « Все равно не понимаю, о чем она пишет...» Ухмылка поэта Путьейкина (отучившись на двухгодичных курсах литинститута им. Горького, как-то в разговоре с Еленой о Мандельштаме на ее восхищение заявил, что не любит еврейской поэзии). Жаркая защита литератора Сахарова. Чего, мол, непонятно?! Глубина налицо, а от выси дух захватывает. Да, кое-где надо с лупой в руках вчитываться. Так в этом весь смак!

Возражение кого-то со второго ряда, дескать, что это за поэзия, которую надо разжевывать. Проще писать надо, доступнее!

– А, по-вашему, мы должны питаться манной кашей?! Я за пищу для взрослых! – возмущенный голос молоденькой журналистки местной газеты.

Еще минут десять накала. После, ясное дело, опять выпивали, закусывали. Говорили о деньгах. О нищете людской зарплаты. (Спонсоров – раз-два и обчелся. Выпуская книгу, попробуй, – походи с протянутой рукой. И ведь не продашь, не просунешься на книжный рынок...) О счастье жить не в областном центре, где воздух – выхлопные газы, вода – только через фильтры. Ну, разве что путевое напишешь? Вот у нас, в райцентре, – сосновый бор, артезианская скважина... Потому пишем, пишем.

На посошок – чей-то чуть охрипший голос о роскошном букете цветов, подаренном Елене. Дескать, это безвкусица –

соседство белоснежных лилий и бордовых роз. И кто-то в ответ: «Да ни хрена вы не понимаете. Авангард!..»

Вечером звонок из Новосибирска. Вот чувствовала Елена: рано расслабляться. За тысячи километров дочка своей семейной жизнью достанет! Звонил сын: «Мам, тут дела – зашибись...» Голос Юры шел с помехами, плохая связь, но суть Елена уловила. Родной брат не может гостить у сестры. Нет, оно понятно – уже третий раз... Так ведь приглашали! Мол, отпахал месяц на вахте и приезжай. Говорили: живи как дома, не спеша подыскивай квартиру, бери ипотеку. Зарабатываешь, слава богу, Газпром. Не нахлебником приезжаешь: холодильник затариваешь, денег подбрасываешь. Долги кое-какие гасим. За твой счет в клубах нередко отрываемся. Андрей, снова безработный, третий месяц как сократили. Вкальвает одна Ника: помощник судьи, с утра до ночи на работе. Свекор денежный кран перекрыл. Хотели самостоятельности – вперед, с песней!

Справедливости ради надо заметить – Роговцев старший против Юры ничего не имел. А вот Галина... желчью баба изливается – посторонний человек в доме, Андрюшу стесняет! Он ей, матери, жалуется: «... родственничек, как у себя дома. Сам сопляк еще, а нотации читает – жизни учит!..» И Галина не выдержав, нарушила полугодичное молчание:

«Почему наша квартира стала гостиницей?! Найди жилье своему брату. Прекрати терроризировать моего сына! Как ты нас всех достала! Мерзавка! Оставалась бы жить со своими родителями...» На яростный выпад свекрови, Ника ответила хладнокровной мстостью. Несколько раз специально провоцировала мать Андрея на подобную мерзость словесного трепача. Записав на телефон, дала прослушать как мужу, так и свекру. Описывать последствие Никиной выходки – дурно-пахнущее дело (лай дворняжек, посаженных на цепь... пожелания друг другу не дай бог чего...). После скандала Ника с внематочной беременностью попала в гинекологию. Андрей сразу в тоску с рыбно-пивным запахом, да еще Юрка перекрыл кислород. Перестал брать в свою компанию: «...мам, понимаешь, после первой рюмки у него рот не закрывается. Поэт и политолог в одном флаконе – надевайте противогаз...»

Через пять дней Нику выписали из больницы. Придя домой, она устроила мужу грандиозную трепку. Выкрикивала в лицо, что он не поэт, а дармоед... ошалел от компьютерных игр. Прожигает время, валяясь с пультом у телевизора. От пива скоро грудь будет как у бабы. Анурез надо лечить. Сколько можно писать в постель?! Мол, на хрена ей такая жизнь, есть мужчины как мужчины...

Андрей, кровно обидевшись за поэта-дармоеда, ошарашенный нападками жены, скорей на электричку, в Сосновку. Заливать горе у бабки Клавды. На второй день, хорошо под-

датый, своим звонком Веронике, выбил табуретку из-под ног семейных отношений: «... чтоб я приехал в свою квартиру, а вашего духа там не было! Вон пошли!..»

– Никуша! Как здоровье? Когда из больницы выписывают?

–Мам... да нормально, сегодня уже домой.

– А как вообще жизнь?..

– Без проблем (еще бы! любовник есть; с подружками, холостячками силиконово-грудастыми, в японском ресторане по пятницам зависала...).

– А как дети?

– В детсаду. Все живы, здоровы. Мам, меня зовут, ну пока, пока.

– Ну, пока...

И – хватай быка за рога – на следующий день:

–Мама! Андрей с ума сошел! Сейчас пьет в Сосновке, у бабки своей. Я тебе многое не говорила. Мам, он меня с детьми выгоняет! Сказал, завтра приедет – чтоб духу нашего не было! И все, мам, из-за Юрки...

– Так... сено-мочало – начинай сначала. Собирай вещи, детей под мышку и прямиком к Федоровичу.

–Мам, а как быть с контейнером? Столько вещей!..

– Какой контейнер?! Это в тот раз тебе повезло. А сейчас в наволочки! В простыни – только необходимое! Вяжите узлы, такси вызывайте. На все про все вам два часа. Молись, чтоб свекор не узнал. Что ты за дура у меня такая, дочка...

– Андрюничик, плюнь ты на нее! Ишь, гадина, взяла моду, чуть что не так – сразу тикать к папе, маме. В тот раз всех на уши поставила, и опять! Андрюха, плюнь! Мы тебе найдем нашу, сибирячку. Ника твоя пришла. Пусть чешет к себе, мать ее так! Гольтьба. А у тебя квартира, две машины! Да она себе локти кусать будет. Выбрось из головы! Сейчас дай котлеток, у меня чекушка есть... – баба Клава, накрывая на стол, не закрывала рот:

– Женим тебя. Детки у тебя еще будут! Да не плачь... ах ты, моя кровинка... ох, она гадина...

Казалось бы, Елена звонила, предупреждала:

– Смотри, в дом не пускай. Как бы ни просил, с детьми попрощаться и все такое. Твое счастье, Роговцев в запое – не знает про эти дела... Так, деньги папа выслал, билеты берете. В дороге детей из виду не упускай!

– Да, мамочка, поняла, сделаю все как надо...

Кто бы сомневался. Ника сделала так, как ей надо: впустила Андрея попрощаться с детьми. Юра с Николаем Федоровичем вышли минут на десять во двор. Результат не заставил ждать:

–Мам! У нас билеты пропали! Андрей украл! Ма-ма-а-а-а!..

– Идиотка! Ты его в домпустила?

– Юрка барсетку с билетами на кухне оставил. А этот гад, пока я с Даней возилась, вытянул билеты и смылся! Ма-а-ма, что делать?!

Как в прошлый раз, тот же поезд увозил Нику с детьми. Юрий ехал с ними только до Тюмени, а там пересадка – на вахту. С местами в вагоне повезло: около проводника, а не вблизи туалета. Скорый поезд опять несся через ночь, затем – день... ночь. От окна в купе отражалось изнеможенное лицо Ники. Переваривался телефонный разговор с Андреем: кошмар с украденными билетами. Глупая смешная развязка. За час до поезда он, струсив, признался, что билеты с собой не забирал. Одну часть засунул за холодильник, другую во дворе за собачьей будкой.

Часть третья

Черноземная провинция российская: спасательный круг

относительно чистого воздуха, не до конца загаженных рек, как «ванька-встанька» домашних подворий с буренками, стадами гусей, обилием овощей без ГМО... Неистребимая живучесть от умиротворяющего звона колоколов небольших церквей. Если какая надобность притягивает в центр областной, так это как в воду нырять: набрать в легкие воздуха терпения и вперед! А потом обратно, с сумками, авоськами бегом на электричку, прочь от суматохи жестко заведенного маховика...

Слава богу, провинция широка в плечах. Если не перекрывать кислород – способна потрясающе дышать... Известное дело: чем дальше от сгущенности центра, тем воздух чище. В областных городах, подальше от Москвы, пробки лишь в зачатке. Когда, к примеру, иногородний писатель задумает попасть в областной Дом литераторов, что на улице Тенистой, так с вокзала минут сорок маршруткой к театру комедии. За угол завернуть – рукой подать до серого двухэтажного здания с массивной тяжелой дверью.

За десять лет ничего не изменилось. Скрипучая лестница... дубовые перила. Поднимаясь, Елена вспомнила как в той далекой середине августа она, сдерживая слезы, стремительно спускалась по этим ступеням. Разревелась, подходя к театру комедии. Душный, асфальтом пахнущий вечер.

Повышенный градус равнодушия прохожих. Вдруг пожилая женщина как кислородная маска: «Деточка, плюньте, все перемелется. Он мизинца вашего не стоит...»

Кто чего сколько стоит?.. И, спрашивается, кто толкнул Елену сказать самому Омутову, официальному наставнику литературной молодежи, что стихи его так себе? Перемешай со стихами таких же реалистов советского периода (сплошной инкубатор...) – не отличишь. Мол, не серебряный вы, Федор Филиппович, век. Не вдохновили. И, вообще, как это можно? Живя после великих мира сего (Мандельштама, Цветаевой, Пастернака...), так резко опустить планку. Свести откровения духа до уровня житейско-бытового. Этот ваш стих о корове, которой скармливают пучки сена, вытасченные с крыши полуразрушенного дома. Тема понятна – голодное полувоенное время: люди в связке со скотиной – тест на обоюдное выживание ... и ваша цель ясна – вызвать слезы сочувствия у нынешнего толстокожего читателя.

Но о том, что жизнь обретают только сильные духом, – кто связан со своим высшим началом, в стихотворении ни звука! Ваши корова, люди – и в этом весь ужас, не помнят про сам источник, вдохновляющий на молочные реки, – Млечный путь!.. И потому корове не дадут помереть своей смертью. Пустят на фарш...

Так сколько можно зарифмовать прошлое, не пытаясь отрываться в будущее? Сколько можно лишать себя будущего?! Неужели не нашлось у вас, Федор Филиппович Оматов, для такой книги (все-таки антология местных поэтов за два века!) новаторских стихов? Как будто не жили на Земле ни Эдгар По, Уитмен, Бродский... Причем, сказать это, глядя прямо в лицо. О, как округлились его глаза. Ярче выступила красноватая сетка сосудов на шее, щеках – предательский знак прошлого пристрастия к зловредному градусу...

Его ответ непривычно осипшим голосом: « Да ты кто такая?! Ну, ну... поглядим... »

И уже не глядел в ее сторону. Не прельщал публикациями стихов в центральных газетах... Оно, может быть, обошлось бы. Разговор без свидетелей. Подумаешь, столкнулись пожилой и молодой – уходящее с приходящим...

Но ее фельетон, напечатанный в областной многотиражке – дерзко, смачно! Посягнула за самого Пушкина вещать. Вернее, вещала тень портрета. А повод был не из пальца высосан. В Доме литераторов день рождения поэта в обычную пьянку вылился. Ну, написала и написала. Так еще дерзнула с детским бесстрашием текст озвучить в кругу членов союза писателей в присутствии его, Оматова! Тишина минуты три, после (Господи, как ты милостив) услышать от кого-то маститого, сидевшего в стороне у камина: « Вам прозу надо писать. Знаете, цепляет... »

Кого цепляет. Кого выворачивает. Через неделю на очередном заседании начинающих поэтов он ее попросту выгнал. Без особых объяснений. Большинство присутствующих словно воды в рот набрали. Два или три голоса в защиту, и то шепотом. Зато «приближенным» была дана команда «ату». Перебивая друг друга, выкрикивали: «Вы хоть понимаете, что натворили?! Да вы грязью облили все литобъединение! Сор выносить из избы! Без года неделю тут. Да кто вам дал право?!»

И еще долго ей вдогонку не жалели словесной дробы...

Как десять лет назад, в Доме литераторов скрипели ступени лестницы.

–А вам кого? Наверху только из бухгалтерии, – хрипловатый голос снизу, заспанное лицо вахтера.

–Мне бы писателей...

–А вы спускайтесь сюда; вон там у нас дежурный, – движение руки влево.

Шагов семь по темному коридору, слабый свет из приоткрытой комнаты, и... – он. Изрядно располневший, седина широких бровей, тот же прищур глаз из-под очков, все также съезжающих на середину носа.

–Здравствуйте, не узнаете? Я книгу выпустила, хочу по-

дарить.

– А мне твоя книга без надобности. Ишь, объявилась. Что, забыла?! Думаешь, уехала в свой Волжский, и – все? Да ты ведь нас всех с дерьмом смешала!

– Стоп! Стоп! Хватит, столько лет прошло, не надо так...

– А как надо?! Да ты в душу плюнула...

– Да что у вас за душа такая?! Помойное ведро, куда плюнуть можно?..

Каким воздухом дышим, про то и пишем. Как правило, у кого бронхи и легкие основательно пропитались копотью военного времени Великой Отечественной, барачным смрадом лагерей, к примеру, Соловки, они в литературном многоголосии – солисты... первые виолончели и скрипки. Так нерв читателя могут оголить, а после проветрить, что вся муть людского сознания в канализацию уйдет. Однако речь не о переднем плане хрестоматии. Вечная, как говорится, ему память. Разговор о тех, кому еще топать и топать – кто далеко сзади. Кто плечом к плечу теснится в общем писательском хоре, заполняя не столько первый, сколько второй, третий его ряды и скамейку запасников...

Каким воздухом эти хористы дышат?..

На вольных ветрах по городам и весям пишуший народ

вначале тешит самолюбие самиздатом. Книжные полки в магазинах – разнообразная классика и «выскочки». Профессионалы и просто любители. А вопрос «Кому из них на Руси жить хорошо?» так это как посмотреть. С одной стороны, ошейники договоров с издателем-кровопийцем, с другой – свободные полеты дилетантов. Последние, пока встанут на крыло, по молодости завидуют славе да денежному кошельку окольцованных. В качестве моральной поддержки глотают утешительную пилюлю древних философов: «Делай, что должен, и пусть будет то, что будет...»

Профессионал, который сделал себе громкое имя, – особое дело. Он, как курочка Ряба, несущая золотые яички. Нередки случаи, когда издатель для него создает инкубатор... Писательская кухня работает на поток. Нанимается штат кухонных работников. И штампуют, штампуют тома... Автор, чье имя красуется на обложках, уже руки свои не пачкает. За него другие разделявают рыбу, жарят. Он только укажет, сколько соли, перца, когда соком лимона полить, даст эксклюзивный рецепт соуса... Пробу снимет, шампанским запьет. На свежем воздухе с балкона собственной виллы на цветущие оливки полюбуется. Книги таких писателей огромными тиражами выходят. Для всеядных читателей они – небожители.

Чем ближе к земле – тонны макулатуры... Книжные лавки прогибаются под разномастными продуктами пера. К примеру, начинающим авторам, живущим в мегаполисных мно-

гоэтажках, как правило, на ум идут детективы с любовными передышками. Заматеревшим писателям при доступе к архивам, удается что-нибудь лихо закрученное, историческое. Для виртуально-повернутых отдушиной служит сумасбродная фантастика.

А вот если вы, как Елена, живете в небольшом районном центре? Воздух сосновым бором пахнет. Молоко неразбавленное пьете, между делом грядки пропалываете. На какую тему вас потянет? Стрельба, мозги по асфальту, продажная любовь, шпионаж? Чистый воздух российской глубинки – не позволит. Ни под каким соусом. Тогда о чем?

Можно дерзнуть – о душе человеческой, то есть одухотворенной... «Людское», конечно, будет, без него пока никак. Но автору придется урезать звериный аппетит на жизнь. Хватит уже «людскому» откусывать от мира львиную долю. Столько крови пролито... столько перца, соли, сахара в стакан воды брошено – перенасыщение налицо.

Что касается души одухотворенной, так еще Лев Толстой советовал молодому Рериху: «... в области нравственных требований: надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет...» Прописная получается истина: хочешь удержаться на человеческом уровне – культивируй взлет. Улавливай проблески божественного мира. В противном случае – сползешь на людской план отношений. Как говорится: «Хотел как луч-

ше, получил как всегда...»

К слову сказать, даже для мало-мальски опытной руки делать срез с людской души – занятие продуктивное. Взять хотя бы случай с Еленой – ее писательские руки так и чешутся разобраться с накопленным материалом. Одни Вероникины выкрутасы чего стоят. Сваты Роговцевы с их «умением жить», бесстыдной привязкой к деньгам. Андрюха-зять: два высших образования, а от безобразия выть хочется. И сюжет не надо с пальца высасывать, кровь сама бежит: где с природы спишешь, где фантазию прищпоришь. Тема вечная: родители и детки, зятя и тещи... Сгущая краски, пройти по страстям. Вскрыть причину конфликтов (как хирург скальпелем вскрывает застарелый жировик или гнойный чирей...). Высекая искры, родить драматургию притирания характеров. Добавить немного воды собственных размышлений (главное не переборщить), и – замесить слоеное тесто. Пропитывать его в меру сиропом сексуальности. Стыковать слои неожиданно для читателя. Потом оставить замес в покое, пусть отстоится. А на свежую голову с новым приливом сил еще раз: вымесить тесто, чтоб от рук отставало. Золотое правило писателя «Торопливость хороша лишь при ловле блох» – взять в рамочку, на стенку повесить.

Семь раз отмеренный (идеально – двенадцать...), один раз отрезанный, – отправляйся, каравай, в разогретую духовку какого-нибудь издательства. Если впервые, то за деньги,

конечно, самого автора. Выпечка будет не хуже других. Уми-
нять будут за милую душу.

Более того, при внесении новизны, приправки текста эле-
ментами духовной мистики – пальчики оближут. А если
еще удастся выудить из подсознания картинки прошлых соб-
ственных воплощений – вместе с куском прикусят пальцы.

И вот как-то в среду, после утренней чашки кофе, Еле-
на, открыв тетрадь, сделала первую запись: «Эти вообража-
емые ящики были темно-янтарного цвета. И уже отпала на-
добность закрывать глаза, чтобы представлять их отчетливо.
Сосредоточившись, женщина даже ощущала запах виртуаль-
ного комода: терпкий, древний. Запах сандалового дерева,
запах превращений...»

В пенсионном возрасте для женщины-писательницы во-
ображаемый комод рассортированных мыслей – позарез
нужная вещь. Быт... таблетки от давления – памяти не при-
бавляют. Слава богу, дети живут своими семьями. Постоян-
но над душой никто не стоит. Муж месяц дома, месяц на вах-
те. Напекла пирогов, проводила и пиши! Коней торопить не
надо. У Булгакова на «Мастера и Маргариту» двенадцать лет
ушло. А тут всего пять месяцев, считай, только заберемене-
ла выбранной темой. Главное, работать с ящиками. В упор

рассматривать прошедшие события судьбоносного характера. Разжевывая твердые куски, кайфовать от вкуса.

Вот, к примеру, первый ящик слева. «Падение с высоты». Давай, Елена, как четки в руках, перебирай свои страхи перед высотой. Мелкие в сторону; прощупывай те, где образы ярче. И... пошли зарисовки воспоминаний. Детство: квартира на девятом этаже, самое жуткое место – балкон. Старшая сестра, дурачась, заставила заглянуть вниз. Пошла кровь носом, открылась рвота. Заплаканное лицо матери, вызов скорой помощи...

А вот ты уже замужем, гостите с Ильей у его родителей. На сопке бруснику собираете. Не сказать, что место очень отвесное. Люди рядом на двух ногах, а ты на четвереньках. Страх в голове пульсирует: оторвешь руки от земли – покатишься вниз. Муж сначала подшучивал, но, увидев внезапную бледность твоего лица, быстро помог спуститься. И вспоминай! Сон тебе часто снился. Летишь с бешеной скоростью вниз, просыпаясь с криком. Ни один сонник не объяснял, что к чему. Но как-то ты, уже сорокапятилетняя, попробовала медитировать. Конечно, не так как йоги, ну куда тебе до позы лотоса – склонная к артриту, с проблемным позвоночником, россиянка пятьдесят второго размера. Свой нашла метод. Во время поста Рождественского или Великого действует безотказно. Рецепт простой: принять душ, облачиться в белую чистую простыню; нет разницы, куда присесть: стул, табуретка, кресло... главное – лицом на восходящее солнце.

Спину держать прямо и – включить молитву. Как ключ, открывающий дверь, семь раз вслух: «Боже святой, Боже крепкий, Боже бессмертный, помилуй меня, грешную...». Ни о чем не думать. Попытаться стать выпотрошенной от мыслей. Шестьдесят секунд выдержишь, удача! Ибо входит в тебя, как вода в пустой сосуд, нечто... точное слово для него пока еще неуловимо, где-то рядом... В этом безмолвии трепещет сердце, текут слезы, и чувствуешь (чувствуешь!) прикосновение чего-то восхитительного, оно пробует войти...

Долго быть пустотой у Елены еще не получалось. Но однажды хвалило трех минут. На вопрос: почему падает во сне, как в компьютере, минута поиска – возник ответ. В голове, на янтарном фоне виртуального ящика, озарением пошли картинки какой-то незнакомой жизни.

Одежда прямо на голое тело. Платье тяжелое до полу: бархат синий, вышивка жемчугом, еще какие-то каменья. Темные густые волосы, как змеи, по плечам... Своего лица не видела, но знала – это она бежит вверх по ступеням каменной лестницы через освещенные коптящими факелами большие холодные коридоры. Бежит не одна, рядом мужской силуэт какой-то родной души... Жар от бега, но душа леденеет... Громкие крики позади... и, наконец-то, свет! Площадка... подбегаете к краю. Не раздумывая, рука в руке – вниз!..

Вот тебе ответ: в прошлой жизни не просто падала, разбилась вдребезги. Спрыгнула вниз с дворцовой стены, и жуть

двухсекундного падения отпечаталась в коде памяти. Смерть была мгновенной. От удара об камни позвоночник – хрясть! Потому в этой жизни спина – твое слабое место...

– Пятидесятилетие! Без галстука нельзя, – пара ловких движений, и Ника отстранилась от отца.

– Папка, ты у нас красавец. Волосы с проседью, лицом на прибалта похож, вид интеллигентный. У многих мужчин в твоём возрасте животы как у баб на сносях. А ты орел. Нет, мам, тебе с батей повезло.

– Это ему со мной повезло.

– Да я вообще везучий...

На везение Илье грех было жаловаться. Еще при родах шел не головой, а ножками – родился ни одной царапины (повезло с акушеркой). А взять детство, пятьдесят восьмой год, тринадцать лет после войны; в Поволжье засуха, неурожай. Мать с отцом на Север за рублем подались, а его, трехлетнего, на бабушку Лизу оставили (та, работая на железной дороге, получала паек). В поселке народу пришлого понабилося, всех собак поели. Елизавета Михайловна, уходя на работу, Илюшу в чулан прятала: «Сяди, малец, вот те молока, хлеба чуток, не высывайся! А то съедят тя лиходеи...» А в школу пошел, во втором классе родители с Севера прислали

пальто новое драповое в зеленую клетку. Все вокруг ахали, обнову щупали: «Ох, везет тебе...» Правда, через три дня пальто украли. Бабушка ходила ругаться, выяснила: внучок в школу часто не доходит – то на речке рыбачит, то в поле змея бумажного пускает. «Ах, ты, пиздюк, шайтан...» – из бабы Лизы, как горох, сыпалась смесь русско-мордовско-татарских ругательств. Впрочем, сельская школа тоже жила языковой смесью, где на долю великого могучего выпадало лишь десять процентов. Но в конце третьего класса – вот уж повезло! Илью забрали к себе на Север родители. В новой школе учителя схватились за голову: ни читать толком, ни писать, таблица умножения – бляение барана. Недолго думая, педсовет решил: если за лето родители не подтянут сына, то светит ему спецшкола для умственно отсталых. Но, Овен по гороскопу, рожденный в год Козы, упорства мальчишке не занимать. К тому же ремень отца да мамины пирожки сделали, казалось бы, невозможное. В четвертом классе, счастливый, подросший, он сидел за второй партой и (ну, повезло тебе, парень) – старательно списывал контрольные работы из тетрадки рядом сидящей Лидочки Абрамовой, отличницы, красивой девочки.

А в летное училище как поступал! Сплошное везение, льгота для северян: сдавая вступительные экзамены по месту жительства – поступай, куда хочешь. Лучший друг Ильи, Генка Свиридов, мечтал о летном училище. Причем, об одном из лучших – Рижском. Илюша поступал с ним за ком-

панию. В ход, конечно, пошли шпаргалки – чего мух ловить, если члены комиссии дружно на двадцать минут вышли из комнаты. Повезло и когда проходил медицинскую комиссию. На вопрос, чем болел, этот вихрастый большеглазый парнишка выложил все: корь, коклюш, дизентерия, гайморит, желтухой болел, из уха текло, коза Машка в детстве боднула в голову (радостно показывал небольшой шрам на голове). Врач отправил его к психиатру. Каково было удивление: здоровье психики – стопроцентная годность. Если бы не проблема со слухом, прошел бы в летчики, а так – в технари. Напоследок врач шепнул: «Ты, парень, везучий. Но, смотри, про козу Машку лучше помалкивай».

Илья хватал все на лету. По приезде в Ригу, проходя еще раз медкомиссию, держал язык за зубами. Масло в огонь подливал страх повторного экзамена. В тот год из-за наплыва льготников был перебор с учебными местами. Сдавали письменно математику под пристальным взглядом комиссии. Но – о, везение! Еще в коридоре он познакомился с Сашкой Виткевичем, высоким худощавым рижанином. Видать, таким собачьим взглядом заглянул в глаза, что тот, решив свой вариант, тормознулся еще минут на десять, обеспечив новому другу проходной балл. Долго, до конца первого курса, преподаватель математики Ливерсон, глядя на Илью, удивленно качал головой: «Ну, Звонарев, вы фрукт...» Илюша сначала брал зубрежкой. На втором курсе, опять же благодаря Сашке Виткевичу, – выравнялся. Записался в секцию

самбо, поощряемую дополнительным питанием (шоколад, сгущенка). Раздался в плечах, подрос на десять сантиметров, похорошел лицом. Началось везучее хождение по барышням. Рижские полногрудые девчата на танцах висли на нем. Одна, постарше лет на пять, преподав с десятков сексуальных уроков, пыталась женить на себе. Но он вышел из мутной воды сухим. Как говорится, по губам текло, а в рот не попало. Щедрый глоток любви достался Илье только через три года – Елена...

«Мать и дочь – темная ночь...» Этот ящик виртуального комода для Елены самый трудно поддающийся. Мысли теснились, движение шло с явным перекосом, только левой стороной, утаивая правую – причину разлада, случившегося между Еленой и Никой.

– Ну и что с того, что ты меня родила?! – крик разъяренной дочери засел занозой в барабанных перепонках Елены:

– У других матери как матери, все для детей, а ты... Что лезешь с советами – мне помощь нужна! Эгоистка, с внуками сидеть не хочешь. На хрена ты эти книжки пишешь?!..

Может, это наследственное? У Елены с ее мамой тоже периодически жареным пахло, был случай – три года проветривали. А здесь сквозняком не обойтись. Ремонт капитальный

нужен. Кровь из носа, надо разобраться – разложить по полкам. С чего начать? Быть может, с раннего детства самой Елены?

Абхазия. Отец, бывший военный, уйдя в запас, прикипел к южной красоте. Мандарины, инжир... свой дом, пять комнат. У отца патент: держал зубопротезный кабинет. Мама – ассистентка отца, домохозяйка. Но... хоть убейте, Елена не помнила, чтоб ей читали книжки. Ярким пятном в детской памяти – дворовая собачка по кличке Муха. Вместе убежали к морю, где курортники угощали пирожками, конфетами, газировкой. Говорили: «Ой, какая девочка! А давай, мы тебя заберем». Первый урок географии, предлагались на выбор Урюпинск, Москва, Ташкент, Киев... Дома за очередной побег к морю ее, четырехлетнюю, ждал темный угол в чулане. В детский сад отдавали, но – межнациональный конфликт в зародыше – пробыла там всего один день. Воспитательница, говорящая на ломаном русском, волосы как смоль, усы над губой, в тихий час запретила вставать с постели. Девочка описалась. Крики, болезненные щипки, детский плач до икоты – попытка приобщения в раннем возрасте к коллективу провалилась с треском. Ура – свобода! Мама, папа на работе. Старшая сестра, семиклассница Тоня, зубрила уроки, пилила на скрипке. А Леночка ждала случая улизнуть. Моталась по улице со своим четверолапым другом, олицетворяя дух бродяжничества. До школы оставался год, но... стыдно вспоминать... соседские мальчишки, лет на пять старше, па-

ру раз заманивали шоколадкой в какой-то сарай, лезли рукой в трусы, щупали; целовали, стараясь засунуть язык в рот. Слава богу, мать выбила у отца обещание переехать в Россию. Дело было не столько в Лене или в четырнадцатилетней Антонине, которую через год, другой засватали бы по местному обычаю какому-нибудь джигиту. Римме Павловне до жути надоела роль домработницы, ее тошнило от сплевывания в урну посетителей зубопротезного кабинета мужа. Украинка по матери (родня проживала в Крыму), все чаще она закатывала скандалы: «Я училась! Есть диплом! Мне такая жизнь вот где сидит! Не уедем – разведусь!»

Итак, прощай, солнечная Абхазия. Здравствуй, российский город Волжский. Ленка-пенка пошла в первый класс. Ее мама с дипломом в руках – на радиозавод. Ах, Римма Павловна, как гордилась тогда вами ваша младшая дочь. Вы одевались лучше всех соседских женщин. Золотые часы с браслетом, изумительной красоты серьги (муж, делая золотые зубы из материала заказчика, самые красивые вещи не переплавлял...). А главное, проработав мастером, начальником цеха, вы через пять лет стали секретарем партийной организации целого завода!

Пятиклассницу Лену распирала гордость за родителей. Мама изящная, умная, волевая. Папа – фронтовик, грудь в медалях. Какое ей дело до слухов, что отец зачастил к соседке с первого подъезда – жене инвалида, десять лет прико-

ванного к постели? Медсестра в поликлинике, она делала отцу уколы. (С переездом здоровье Льва Викторовича пошатнулось: климат не тот, последствия фронтовой контузии...). Смутно помнятся гневные восклицания матери, раздраженное покашливание отца. Сестра Тоня, припавшая ухом к двери, с красными от слез глазами...

И начав работать с ящиком воспоминаний, Елена сделала следующие записи: « Слава богу, папка, ты нас не бросил. Оно, конечно, если бы не мамин цемент терпения, счастливое детство вряд ли бы светило. Отдельное от меня с Тонькой спасибо незабвенной Коммунистической партии. Вы, родители, до умопомрачения дорожили своими партбилетами, за развод с вас бы песок посыпался...

Молодец, папа! Только сейчас понимаю, почему два раза в год ты уезжал в санаторий. Подальше от бракоразводного греха. А у тебя, мама, как-то появился новый знакомый, симпатичный, загорелый, от него пахивало рыбой. Пару месяцев в нашем холодильнике красовались банки черной икры, жирные балыки, в морозилке куски свежего осетра. Позже, его как браконьера поймали с поличным. Папа, вернувшись домой, основательно вымыл холодильник...

Нет, мама, ты всегда была вне подозрений. Ни одного лишнего слова о себе. Но... помню, мы тогда жили уже в Крыму, тебя часто подвозил худощавый, высокий, на грека похожий мужчина. Ты говорила: «...это с работы». Но он так

смотрел на тебя... если, это было всего пару раз, то ты, мать – святая.

А дочка, видать, в отца пошла... А уж внучка рывок сделала – пальцы на руках и ногах посчитаны. Раскрепощение всех крепостей. Но речь – о другом. Что в городе Волжском, что в поселке Черноморское продолжалась старая история. Предоставленность самой себе. Научить усидчивости, пробудить склонность к творчеству – ты, мама, прости, палец о палец не ударила. Ни шить, ни вязать, ни даже рисовать. Мои дни рождения, совпадавшие с твоими партсобраниями, были будничными. Праздником не пахло. Коммунистическая партия – наш праздник! Партия – наш рулевой! Твоя жизненная энергия подпитываясь идеей всеобщего равенства и счастья, казалось, неиссякаема. Разрываясь между работой, домом, дачей, ты удивительно быстро восстанавливалась. Любила книги и музыку. Меня с Тоней, ты, мамочка, конечно, тоже любила – в редкие часы близости от тебя всегда веяло теплотой, пахло печеными пирожками...

Но... я продолжала расти как придорожная трава. Наверное, поэтому, часто попадалась тебе под руку (при всей изящности, руку – тяжелую...). Счастье – в то время не было наркоты, о проституции знали понаслышке. Неглупая, я слыла хронической троечницей в школе. Какой там институт! Спасибо папе, умел заводить связи. Устроил дочку в училище на фармацевтическое отделение. Не куда-нибудь –

в Ялту. Жемчужина Крыма. Конкурс – тринадцать человек на одно место, но батя!.. Сочинение я писала под диктовку председателя экзаменационной комиссии. Задачи по химии решил за меня какой-то доцент. Первый год была на грани отчисления, пропускала лекции. Ялта – город вечных соблазнов. Бары, сигареты, мальчишки... ходила по острою... Слава богу, ангелы-хранители мои пахали тогда в две смены, уберегли девушку. Вмешался отец (пара вразумительных бесед). Я взялась за ум. А потом – а потом «суп с котом».

«Говорила мама мне про любовь обманную...» Ты, мамочка, со мной об этом ни гу-гу. Слово «презерватив», видать, резало твой утонченный слух активистки компартии. Как сказала одна дура по телеку: «У нас в СССР секса нет!». Впрочем, я тебя, мама, не виню. Сама сто раз говорила своей дочери о том о сем – без толку!.. Сколько слез пролито, сколько потрепанных нервов...

Стоп, мама. Я помню, ты мне в детстве да и в юности, ругая за непослушание, под горячую руку кричала: «Чтоб тебе твои дети всегда так делали!!!» Так они – делали. Только в пять раз больше. Эх, мамочка ты моя, мама...

Первый год, только овдовев, ты еще держала коней в упряжке. Соблюдала правило «о покойниках хорошо, или никак...» Помогали стены старой квартиры, где каждый гвоздь забивался отцом. Но на новой квартире (старую ты

продала, чтоб помочь мне с кредитами...) твой язык развязался:

– Крови мне Лев попил... Да ты хоть знаешь, как гулял твой папенька? Да что ты можешь знать?! Я тобой на шестом месяце, мы тогда в Абхазии жили, а он шуры-муры с женой майора водил! Под ручку с ней по парку. А в Волжском сколько у него сучек было?! А о курортах вообще не говорю. В год по несколько раз уезжал, говорил, позвоночник лечит. Простатит свой лечил! А я... да ты знаешь, как я первый раз оргазм испытала? К гинекологу пошла, с гормонами что-то не то, усы стали расти. А врач молодой, после института, вколол мне лекарство. Да с дозой перегнул. Я такое испытала! Матка – ходуном, такой оргазм! С меня текло... Все твой отец – я не жила как женщина. Это ты... вся в отца. А ты вообще знаешь, что у тебя, кроме Тоньки, сестра есть?! Папочка ваш в сорок третьем на фронте любовь крутил с медсестрой. И ведь молчал сколько! Дочка его, ей лет двадцать тогда было, нашла нас, приезжала... Хорошо, он на лечении в Трускавец укатил, я с ней сама потолковала, подробности узнала. Таней звали. Больше не приезжала.

– Мам, ты чего?.. Вы ведь последние годы жили душа в душу.

– Мы делали вид! А знаешь, когда дня два оставалось до смерти, уже в больнице он мне сказал: «Ты, знаю, обо мне плакать не будешь». Ненавижу!..

Восьмидесятитрехлетняя, с разбитыми падагрой ногами, она передвигалась по комнате, стуча палкой. Как лунь седая, коротко стриженная, с трясущимися руками, перекошенным морщинистым лицом – моя мама, мамочка».

Часть четвертая

«Вот если бы ты, мама...» – этой фразой Ника все чаще объясняла причину своих потерь. Как-то в конце словесной перепалки мать выкрикнула вслед уходящей дочери:

– Скажи конкретно, за что ты так со мной?! Чем я перед тобой провинилась?

Ника, резко развернувшись, выдала в ответ:

– А помнишь, ты с Юркой осталась в Крыму, а меня, десятиклассницу, с папой отправила к бабке? Так вот там, мамочка, все и началось. Думаешь, папа за мной смотрел? Да у него у самого... я в его кармане брюк презервативы нашла... бабке тоже на меня наплевать – покормила, и – набок, к телевизору. Вот я и делала, что хотела. А останься с тобой, все бы в моей жизни по-другому сложилось...

– Дочка, а как я от родителей уехала в Ялту поступать? В общежитии жила: если с головой не дружить, – многое могло произойти. Но чтобы в собственных глупостях винить родителей?..

– Так ты старше была! А я еще школьница... Да что с тобой говорить! Ты всегда права. Все! Поговорили.

– В чем ты, мама, виновата? – Ника, зайдя в дом, давая волю слезам, в очередной раз скovyрнула свое самое больное:

– Есть, мамочка, то, чего никогда тебе не прощу... Если бы ты, мама, не заставила меня сделать тот аборт... Господи, ну почему?.. Вон, в телесериалах девчонки тоже залетают, но – рожают. У них – мамы плечо подставляют. А моя – толкнула на этот ужас. Причину нашла: нет мужа, диплом еще не получила, квартиры нет... А ты, мама, на что?! Слабо было помочь?.. Взяла меня за руку, привела в больницу, – Ника, как в детстве, кулачком вытирала слезы, потекшую тушь.

– Да ты мне жизнь исковеркала. Я ведь любила Рината. Мы просто поссорились. Он потом, как узнал про аборт, – неделю пил не просыхая. И – эта авария... Я, мамочка, в тот год двоих похоронила: не стало у меня ни дочки-сыночка, ни любимого. А все ты, мама!..

В эти минуты, впрочем, как и в остальное время, зареванная Ника не вспоминала – выбросила из головы тот далекий день, с которого начался разлад между нею и матерью...

Парень ее, Ринат, с неделю как пришел с армии, вернулся из Чечни. Два года разлуки – любовь в разгаре. А мать завела шарманку:

– Он тебе не пара: отец-алкоголик, сестры самогонку го-

нят... Дура ты молодая – оканчивай университет, а потом делай что хочешь!

И вот на очередной крик матери: «Я тебе запрещаю с ним видаться!» Ника, разозлившись, разбила эту под руку подвернувшуюся полную сахара сахарницу...

Годы спустя Вероника узнала – разбить емкость полную сахара куда хуже, нежели рассыпать соль. (Не зря к ясновидящей Ванге люди приходили с кусочками сахара. Слепая провидица считывала с сахарных кристаллов информацию о будущем...)

Рассыпать соль – к обычной житейской соре. Рассыпать сахар, со злостью разбивая сахарницу, – искривлять линию собственного будущего...

Спохватись дочь, сама за собой убрав рассыпанное, – полбеды. Но она, побелевшая от ярости, схватив сумку с вещами, поспешила к своему возлюбленному. Веник и совок в руки взяла мать. Роняя слезы, опустившись на колени, долго мыла пол. Выливала грязную сахарную воду в унитаз.

Бог его знает, но именно после разбитой сахарницы что-то треснуло, надорвалось в родственных отношениях матери и дочери. Последующие события – нерожденный ребенок... несчастливый брак Ники с Андреем...

Еще эти серьги, которые Елена купила с рук у коллеги по работе. Трижды побывав замужем, похоронив последнего, та

нуждалась в деньгах. Старинные серьги в форме кувшинов завораживали красотой. Но носить их Елена не смогла. От чего-то воспалялись места прокола в ушах. Ника же положила на них глаз, часто надевала. Выходя замуж, забрала у матери. И – какой-то дурак ей посоветовал – отдала ювелиру сережки на выплавку двух обручальных колец...

– Боже, какая дура! Все было: работа, квартира, девчонки, Олег. Только мужика настоящего встретила, и на тебе! Черт меня дернул послушаться мать. Идиотка – сорвалась, все бросила, – жадно затягиваясь, Ника курила на балконе.

– Еще камень куда-то делся. Утром держала в руке, показывала матери. Как в воду канул.

Шарообразный небольшой минерал, весом где-то граммов пятьдесят, подарок Олега («Ника, этот камень влюбленных...»), она носила с собой в косметичке. Темно-зеленого цвета, с вкраплениями хрусталя, пирита; дня не было, чтобы не погладила рукой.

– Дура! Дура! А все мать... ютись теперь в двухкомнатной маломерке. Сама с отцом в зале, а мне с детьми – спальню – шесть квадратных метров! Одна кровать да старый шкаф. Работы нет, на бирже для юристов – дырка от бублика. Идиотка!

– Ника, ты, что – куришь?! – Елена вышла на балкон.

– Да, курю! По твоим стопам иду – ты, что ль не курила?!

И вообще, если бы не ты со своим « дочка, собирай вещи, уезжай!..», хрен бы я с Новосибирска дернулась! У тебя видать, мамочка, тяга какая-то срывать меня с места. Ладно, в первый раз... но сейчас могла как-то по-другому помочь, квартиру на время снять. Андрюха ведь у меня прощения просил! Все бы наладилось. А что теперь?! Ни кола ни двора. Работать кем? Городок небольшой, с юристами перебор. Остается что? Полы в подъездах мыть, в ларьке сигаретами торговать? А все мать – ты! Свой нос суешь во все! Я, так и знай, уеду обратно!..

– Дрянь ты, Ника. Мы с отцом в который раз тебя спасаем. Узнай Роговцевы про твои шашни на стороне, в канаве бы с пробитой головой валялась.

– Да, конечно, в канаве! Руки короткие! Он в ФСБ бухгалтером работал. Да у него самого рыльце в пушку – любовниц знаешь сколько?!

– Замолчи!

– Вы что разорались? Соседи кругом...

– Да ладно, папа! Все – поговорили.

Поздно ночью Елена тихонько вышла на балкон. Размахнувшись, выбросила темно-зеленый камешек...

По материнской линии Ника лицом напоминала прабабу. Родом из Херсонщины, выйдя замуж за крымчанина, проживала в Евпатории. Вспыльчивая, страстная, она умерла в тридцать шесть лет от заражения крови. Антисанитария подпольного аборта осиротила пятерых детей.

– Ой, Вероникушка наша, вылитая мама моя. Смотрю фотки, что ты прислала, ишь как природа возвращается. Такие же ямочки на щечках. А когда она приедет ко мне? А как ее детки? – в телефонную трубку голос матери звучал бодро:

– Как живете-то, как дела?

– Да, нормально, мама. Все нормально, разъехались, слава богу. Ника квартиру сняла, рядом, девятиэтажка. Детсад под боком. С работой, даст бог, что-то прорежется. Все живы, здоровы. Я тебя, мамочка, тоже целую...

Через полчаса – звонок от Ники:

– Мам, мне на бирже работу предлагают! На завод юристом! Правда, на полставки, оклад небольшой, но главное – зацепиться!

– Ты чего вцепилась в него?! Я вас в магазине видела, как сестра с младшим братом.

– Подумаешь, пять лет разницы! А я что, с двумя детьми одна должна мыкаться?

– Ника, побойся бога, ну хотя бы полгода мужика в постель не пускай. От мужа ушла. Семья разбита! Понимаешь, это как карантин... Выздороветь надо! К детям лицом повернись. Без отца остались! Душу в порядок приведи – столько дров наломала...

– А я люблю его!

– Врешь, дорогая! Просто в койке стервец хорош. С Андреем-то облом: пил, пил да и сплыл как мужик. Вот у тебя и зачесалось. Да ладно бы мужчина, а то пацан, студент.

– Через год институт заканчивает, заживем как люди!..

– Так чего вместе не приходите к нам? По-людски познакомились бы, присмотрелись поближе.

– А он стеснительный.

– Ну, конечно, кувыряться с тобой – нормально, а за полгода хотя бы раз к нам прийти – слабо?!

– Мама, отстань! Не лезь! Сколько той жизни, я жить хочу!

– Бабуля, правда, скоро конец света? В школе говорят, двадцать второго декабря. Мы с мамой фильм смотрели. Страшный! – Оля буравила Елену встревоженным взглядом.

– Сказки все это. Не бери в голову глупости.

– А тетя Таня, соседка! У них в погребе (я с ихней Люськой лазала туда) – тушенка в ящиках. Сгущенка, мешки с

мукой, электроплитка, раскладушки. Бабуля, а мы как?!

– Ольга, отстань от бабушки! – Ника вошла на кухню, включила чайник. – Сто раз тебе говорила – конец света, выдумки племени майи... – адреналин для дураков. Я в другое верю: черные дыры там... с кометой можем столкнуться. А ты, мама, что молчишь? Веришь в конец света?

– Да как тебе сказать? Где-то прочитала: шел конкурс палачей. Состязались в мастерстве, кто виртуозней. В устрашающих одеждах, с криком, ревом. Народ от такого зрелища заводился на всю катушку. И вот выступает последний. Меч из ножен достал. Всего пару раз им – налево, направо. Потом убрал меч снова в ножны. Поклонился, мол, дело сделано. А вокруг все удивленно брови подняли, дескать, это что, все? А он им: « А вы попробуйте, кивните головами... »

Рождество встречали дважды. Первое по грегорианскому календарю – двадцать пятого декабря – дань уважения предкам Елены со стороны отца (мама его, Мария Ольшевская, была католичкой).

– Послушай, Лена, почему крестишься не так? – как-то на поминках кого-то из родни округлила глаза свекровь. – Ты, я знаю, крестилась в православной церкви. Так надо крест класть справа налево, а ты наоборот!

Почему да почему... давай, виртуальный ящик, выдвигайся, будем нащупывать ответ на этот каверзный, для многих людей ересью пахнувший вопрос. А в ящике не густо, по этой теме только одна мысль, причем в стихотворном виде: «Крест слева направо, справа на лево – крона мощна Христианского Древа... Влево ли вправо, по кругу пошла – держат над бездной два вечных крыла...»

Как-то еще школьницей, случайно зайдя в церковь, Елена спросила какую-то женщину:

– Почему вы рукой вот так, справа налево? А если по-другому креститься, что будет?

– Деточка, да ты просто молись. Смотри как мы, а мы так с детства... так надо... так все... А вопросы от лукавого.

Неубедительный ответ еще больше напустил тумана. Вторая попытка в медовый месяц. Вспоминай, Елена, как в доме отдыха, в столовой, рядом с вами, молодоженами, сидел то ли дьяк, то ли батюшка. На твой вопрос, в чем разница православного и католического креста, ответил кратко: «Мы крест на себя кладем, а они от себя». В подробности вдаваться не стал. Вдохнул только: «Ох, грехи наши тяжкие...»

А помнишь, родив Нику, ты ездила по путевке в Трускавец? Карпаты... от небесной сини горы тоже казались синими, в белооблачных шапках... земляника – вкуснее не ела. Первая неделя – процедуры в санатории, а в воскресенье, гуляя по городу, ты случайно вошла в костел. Строгая, на

границы аскезы простота внутреннего убранства. Высокие готические потолки. Деревянные темные от времени скамейки. Воздух, пропитанный молитвами к Матери Божьей. Впереди тебя опираясь на костыли, зашла женщина, облегченно села во втором ряду. Заходили люди, рассаживались. Зазвучала музыка. Ты тоже присела на скамью. Но... душа твоя вдруг впервые встала по стойке смирно. И рука с легкостью единственного (для того времени) варианта осенила плоть крестом. Слева направо. Почему у тебя именно так, а не иначе? Почему Мать Божья тебе пока ближе, понятнее, чем православная Огненность Троиинства Духа?

Ответ в древнерусской иконописи. Возьми одну из самых известных работ Андрея Рублева «Крещение». Смотри, кто и где стоит за центральным образом Бога-сына. За левым плечом – светлое ангельское войско. За правым – смутные земные облики. Даже сам Иоанн-креститель, стоящий справа, выглядит странно. Туловище неестественно длинное, левая рука короче правой. Налицо искажение реальности, присущее людям даже самым, казалось бы, одухотворенным. И согнутая по направлению к земле правая рука Бога-сына указывает людям на их место. Указывает на несовершенство. Вот и решай, как тебе «крест свой нести». Сама не тянешь, душа еще незрелая, силенок духовных маловато? Без помощи светлых ангелов не сдюжишь? Тогда рука, коснувшись лба, спускается к левому плечу – за подмогой сил света. И вместе, сообща, рывок к правому плечу. С одной только це-

лью, чтобы светлело за этим плечом... И завершающий жест руки – вознесение просветленной темноты снова ко лбу...

Хочешь идти по-другому пути? Судьба уже определила тебя через страдания взрастить жертвенность собственного духа? Опираясь на молитвы, посредничество святых, чувствуешь необходимость принять силу православия? И выстоять, не смотря ни на что... Хозяин-барин! Рука – владыка. Реализуй свое Право Славить Бога! Слава и почет тебе, если справишься. Пусть незрелый мир Запада зубоскалит: « Не много ли на себя Русь берет?!». Ей Богом отмерено брать на себя, а не отталкивать... Смело носи крест Православия – обретай бессмертие...

Дней десять прижимал мороз. После резко отпустило. На балконе почти разморозился гусь к новогоднему столу.

– Алло, Ника, в морозилке есть место? А то наш гусь с яблоками накроется...

– Давай, приноси. Да, мам, хочу предупредить. Новый год с нами будет Ильдус. Познакомитесь, и все такое.

– Чего? Нет, дочка, я против. Вот отец с вахты вернется, приходите, познакомимся. Посидим по-людски. И потом Новый год – семейный праздник. Пусть он сначала со своей мамой, папой, а после вы встретитесь. Детей у меня оставишь. Гуляйте себе, сколько хотите!

– Нет, мама! Ильдус будет с нами! Он говорит: они не празднуют. Отец – алкаш, а мать к дочери уходит.

– Вероника!

– Все, мам, мне некогда!

Спрашивается, какая сила повела Елену на квартиру дочери 30 декабря? Ведь прямо в спину толкало. Узнав по телефону, что Ника на работе, в квартире только внуки и Ильдус, она пошла знакомиться. Позвонила в домофон девятиэтажки. Оля с радостным криком «Бабуля, заходи!» открыла. И – обхохочешься! Кому сказать, не поверят. Никин бойфренд, пока Елена вызывала лифт, поднималась на последний этаж, выскочил на лестничную площадку и шмыгнул на чердак. От смеха внуки хватались за животы: «Ой, бабушка! Он хотел сначала в шкаф, а потом вообще удрал, сказал, чтоб мы молчали. Ой, бабуля, а че он тебя боится?!» Вот и познакомились. А на выходе из дома Елена нос к носу столкнулась с раскрасневшейся Никой:

– Ты чего явилась?! Мы так не договаривались!

– Да ты знаешь, что он...

– Да, что ты он да он! Всю жизнь меня гнобила! И тут лезешь!..

На праздничном столе все как у людей: оливье, холодец, селедка под шубой, домашний «наполеон». И – одна. Илья на вахте. Соседи к родне подались. Хоть волком вой.

Куда делась душевная гармония, собранная за рождественско-католический пост? Месяц с лишним в рот мясо не брала. Редко рыбу да креветки, на душе все те же метки! Опрокинув пару рюмок водки, – давай провожать старый год. Вслух, сама с собой, завела долгоиграющую пластинку: «Господи, что за дочь ты мне дал?! Как у нее язык повернулся бросить мне в лицо: «Ты – мать плохая!»»

Это я плохая мать?! Да она только прилепилась ко мне, токсикоз жуткий – на изнанку выворачивало. Похудела как с концлагеря. Предлагали беременность прервать, я ни в какую! Рожала – до промежностей разорвалась. Зашивали, не обезболив, по живому... Кормить принесли: мне сразу соски в кровь измотала. Грудь, полная молока, а соски слабые, пупырышки. Я их, как врачи советовали, вытягивала, полотенцем терла, закаляла. Но у нее хватка такая! Я описывалась от боли, а она молоко сосала с кровью. В роддоме и запретили грудью кормить. Такая жадная... Соседкам по палате сцеживаться не приходилось – всех опустошала.

Да разве я хотела, чтоб ребенок стал искусственником?! Оно мне надо было целый год, изо дня в день варить каши, через сито перетирать, молоком разбавлять; возиться с сос-

ками, пузырьками? Это сейчас детское питание – нет проблем. А от тогдашних «Малюток» у детей диатез махровый был. Ну, дочка... Хватает же наглости заявить: «Впитать все доброе с молоком матери – это не про меня!..»

Значит, мать плохая... Да я специальность бросила, из аптеки ушла! Переучилась и два года надомницей на машинке швейной вкалывала. Чтобы она, пойдя в первый класс, у меня на глазах была. Не носилась с мальчишками по крышам гаражей, не падала с деревьев. Шрамы на коленках – места живого нет.

А в четырнадцать лет по ночам через окно во двор как уж выскальзывала. К парню какому-то на мотоцикле. Хорошо, соседка с ночной смены шла, увидела. Отец конечно ремень в руки, она не далась, даже за палец укусила. Вот он ее пару раз ногами и пнул. За сердце потом хватался. И в кого она такая?

Я ее, от греха подальше, к свекрови в Урюпинск отправила. Школу окончить, в институт готовиться. Разве я могла представить, что свекровь, дура добрая, позволит ей жить без присмотра в другой половине дома с отдельным входом. Сама, значит, пила по вечерам чай с баранками и в ус не дула, что внучка у нее под боком, девственность по пьянке потеряла! Когда мне в руки ее дневник попал (додумалась сунуть под матрац), волосы дыбом встали. Бесстыдство-то какое – так описывать подробности!.. Это – мать плохая? Да я

все скрыла от отца!

А как, став студенткой-заочницей, повадилась воровать на моей работе таблетки димедрола... Хорошо, в то время наркоты, как сейчас, не было. Как говорится, малой кровью отделались. Первый год между сессиями что вытворяла! Выпивала лошадиную дозу и спала целый день. А вечером, шатаясь, – на дискотеку! И трава не расти! У нас с отцом, да и у бабки ее голова кругом шла: что это такое с внучкой? Чем больна? Так мало того, идиотка, поделилась таблетками с подружкой. Та наглоталась, а вместо кайфа – скорую пришлось вызвать. Мать девчонки вовремя спохватилась. Потом, как открылось все, я в ногах валялась, чтоб в милицию не сообщали. С института бы Ника с треском вылетела. А я с работы. Слава богу, в аптеке ничего не узнали. Обошлось...

А как, уже заканчивая университет, с Николаем Федоровичем связалась... Он ей в отцы годился. «Ах, мама, у него своих детей нет, он со мной как с дочкой, мы просто друзья!..» Друзья... вот я дура слепая была – верила. Главный редактор газеты! Стихи мои, мерзавец, печатал. Прихотям ее потакал, подарки...

Нет, Федорович, конечно, молодец. Когда развелся с женой, уехал к родне под Новосибирск – вызвал ее. Дал денег на дорогу, с работой помог, юристом в колледже. Потом она замуж вышла. А он ведь к ней прикипел... один ее звонок,

сразу на помощь шел...»

– Алло, мам, может, придешь? Старый год проводим, новый встретим. Гусь в духовке такой...

– Гусь свиные не товарищ!

– Мать, ты че пьяная?

– Да пошла ты...

Под бой курантов выбитая пробка в левый угол, шампанское в бокал, бутерброд с красной икрой, и со всем честным народом – Ура!!!

Казалось, этот ящик виртуального комода открывался легко. Тридцать первое декабря с елочными игрушками, брызгами шампанского, всякой вкуснятиной на праздничном столе. Общепринятый Новый год. И проверка – идешь нога в ногу с православием или пока еще просто вышел погулять? Значит, вошла Елена в Рождественский пост, мясни-ни, а потом, раньше времени – прыг! Соскочила. Перед холодцом новогодним, оливье спасовала.

Другое дело – быть монашкой, жить общей сплоченностью монастыря. Ясное дело, перед соблазном устояла бы. Новый год только с куском постного пирога встретила. А потом, на православное Рождество, разговелась. Но Елена, как

ее ни крути, из другого теста, вся на дрожжах. Аппетит, особенно после горячительной рюмки – «пока все не сметем, со стола не уйдем». Эх, вот если б объединились оба Рождества. Исчезла бы путаница во времени (путаница в головах...). Старый Новый год. Горячая холодная вода. Если в корень смотреть: шаг назад, шаг вперед. Программа топтания на месте. Эх, сжечь бы это топтание, как чучело на Масленицу, глядишь, сдвинется камень...

Все-таки подложил нам свинью, царь-батюшка Петр, прорубивший окно в Европу. Дверь надо было рубить. А так высунулся в окно православный народ. Но только по плечи. Сердце, живот и то, что ниже, так и остались за подоконником. Хотя... все что ни делается – к добру... Нет, с этим ящиком еще работать и работать...

«... Будьте мудры, как змеи...» Кто, скажите, мешал Елене заранее пролистать в интернете свой гороскоп на 2013 Год змеи? Черной, водяной. Год кролика закончился. А змея обожает зазевавшихся кроликов...

И ведь всех рожденных в августе, астрологи предупреждали: «... в Год змеи родственники буквально нагрузят вас своими проблемами... Ваша независимость ни к чему не приведет. Старайтесь всем сразу угодить, тогда все будет хорошо!..»

Ага, всем угодить, держите карман шире. Нет, начался год нормально. Во второй половине января присмотрели для Ники жилье. Не весь век ей с детьми по съемным квартирам мыкаться. Частный сектор – дом с газовым отоплением. Участок девять соток. Плодовые деревья, клубника, виноград. Цену с миллиона рублей до девятистот тысяч сбили. Живи, радуйся. Вот тебе от нас с папой двести тысяч (пять лет копили на дачу). Пускай в ход материнский капитал (спасибо Данилке). Бери, не ты первая, кредит в банке. Зарабатываешь, уже не просто юрист на заводе – начальник отдела. Нет, год начинался полюбовно, змея не шипела.

Но... «Черная Змея несет неожиданные подспудные перемены... надо все правильно оценивать...» А как это – правильно? Что – правильно, что – неправильно? Вот, к примеру, была у Елены мысль не говорить дочери о звонке из суда. Тем самым поставить крест на ее пресловутой мечте о судейской мантии.

– Ника! Ради бога, держись за то, что имеешь. Заводское начальство на тебя молится: несколько спорных дел влет выиграла, пять миллионов заводу вернула! На кой ляд тебе этот суд?!

– Да ты не понимаешь. Я на частника как на рабовладельца пашу. Жмот. Себе дворец строит – зарплату мне в конверте... на пенсии дуля с маком светит. А в суде – соцпакет. Зарплата. Отпуск два раза! Да чтоб вот так, без связей попасть на должность помощника судьи! Только во сне может

сниться.

– А как они на тебя вышли? Блата у нас нет.

– Так, слава богу, что нет. У них раньше, оказывается, был такой свой... На судью доносы писал. А у судьи тетка – председатель областного суда. Парню, конечно, устроили веселую жизнь, подловили на чем-то. На его место решили взять приезжего. Выбор пал на меня. Я еще в августе им свое резюме отправила. Работник юстиции высшей категории, по службной список. И теперь, понимаешь, я на коне! Могу ипотеку взять, дом купить. Ильдус институт заканчивает – заживем!

Так-то оно так. Но... Год черной водяной Змеи. Черный цвет – глубины вод, непредсказуемого космоса... Ухо остро держать надо. А таким, как Вероника

(рожденным в Год лошади) вообще расслабляться нельзя. Сдерживать надо коней. А кони как раз понеслись...

– Мам, у меня новость... Я беременная.

– От кого?!

– От Ильдуса.

– Что?.. Ты дней пять назад говорила – вы с ним разбежались, слава богу! Сама говорила – он с какой-то девушкой уже два года переписывается по интернету. Она его ждет. Ты

что натворила?!

– Мама, хватит!

– А предохраняться – слабо? На тебе кредит за дом! У твоего студента зарплата, блин, говорить стыдно!

– Да, случайно получилось, вроде пила таблетки.

– Поздравляю!

Эх, мечты пенсионно-родительские, слабые вы на голову. Додуматься – жить рядом с детьми. Вот, мол, их дом, а рядом окна в окна – наш. Забор не нужен. И чтоб не только праздники, а просто пирог из духовки – заходите дочка с зятем.

И, конечно, мечты, если их долго усиливать воображением, воплощаются. Рядом с домом, купленным Никой, на соседских воротах надпись: «Продается недорого». Домик деревянный, саманный. Возраст зрелый, цена особо не кусается. Небольшой огород, пяток деревьев плодовых, малина. Под дачу, лучше не придумать. А там, глядишь, расширяться пристройкой. Теплый туалет, приличная ванная – прощай, двухкомнатная маломерка обычной девятиэтажки.

По поводу денег в Год змеи гороскоп Елены прямым текстом указывал на «благоприятное время приобретения собственности». А посему, Илья, давай вперед, в банк за кредитом! Сказано – сделано. В конце мая Елена занялась огородом.

Два деревянных дома. Окна заглядывают в окна. Общий забор из старых прогнивших досок разобрали – усадьба!

– Мам, Ильдус хочет гараж. Мы тут у вас построим.

– Дочка, коней не гони. Ишь, разбежались... Глаза раскрой. Парень твой – темная лошадка. Хорошо, что документы на дом только на тебя и на детей.

– Мама, замолчи! Я от него ребенка жду! Мы заявление в загс подали.

– Бабушка, а Ильдус попу моет во дворе, – Данька, грызя семечки, хитро улыбался.

– Чью попу? Даня, ты что?

– Я в окно видел. А он как покакает, всегда так делает.

В субботу, после обеда, Елена караулила часа четыре. Чуть шум во дворе, сразу к окну, занавеску слегка в сторону. Неужели Данька не врет? Ильдус, конечно, подарок еще тот, но до такой первобытности: в голове не укладывалось.

И на тебе – дождалась. Звук льющейся воды... ну хотя бы шторку какую повесил! Голые мужские бедра... блин, везет с зятями!

- Он так привык. Его мать приучила. Они туалетной бумагой не пользуются, только водой.
- У вас же туалет в доме!
- А ему там тесно! Он такой, понимаешь, волосатый...
- Да ты себя слышишь, что говоришь?!
- Ой, да ладно! Из мухи слона... Что естественно, не безобразно... Хорошо, натянем леску, повесим шторку!

Виртуальный ящик «Теща – Зять» набирал вес. Зятьев уже двое. Скопившиеся за долгий срок мысли требовали незамедлительной разборки: «Работай с нами! Проветривай! Иначе сама задохнешься...» А душком попахивало неслабо: «Ну ты гад, Андрюха! Зятек хренов. Несостоявшийся политолог – трепач районного значения... Два образования, а по сути – быдло! Ни совести, ни стыда... На родителей смотришь как на дойную корову. Живешь на их подачки... Извратили тебя – все по шерсти гладили. А нам расхлебывать?! Нет, парень, ты с Никой жить не будешь!.. Пьянь болотная, и стихи твои – пьяный угар!.. Опять штаны обоссал! Пивохлеб несчастный... Ничего путного такой отец детям не даст. Внуков спасти надо... Ника и так по жизни с приветом, а рядом с Андреем совсем с катушек съезжает... погуливать начала... Вот был бы зять из простой, небо-

гатой семьи, но чтоб надежный!»

Заказывали нового зятя? Получайте. Как и просили – из семьи прощ не бывает. Отец «регулярно употребляет», мать, пятерых родив, редко концы с концами сводила. В этой семье научились выживать. И поверьте, будет новый зять сам себе на уме. Может, приклеится намертво. Захочет дочь опять «выпорхнуть» – перья из хвоста полетят. В семье он младшенький, мать чуть ли не до двух лет от груди не отнимала. Парень упертый, молча ставит цель, и – вперед. В армию не взяли из-за плоскостопия. Девчат своего возраста сторонился. Где деньги на подарки да шампанское брать? Студент, заочник, каждая копейка на счету. Вероника для него – то, что надо! Недельное воркование в интернете: да мы с одного города! Работаем на одном заводе!.. При первой встрече сытно накормила, мягко постелила. То, что двое детей, – ерунда. Любить не обязан. Совсем другое дело, когда свой родится. Жаркий шепот по ночам: «Все у нас, любимый, впереди...»

С обеих сторон родители в штыки? Так, когда наперекор – больше сплачивает. Правда, есть девушка из Уфы. Ильдус с ней чуть ли не два года в интернете планы строил: отучусь, приеду, женюсь. Ну, так не стена вкопанная. Любовь в руках держать надо, а не по скайпу миловаться. Жизнь – вот она!.. А заповеди, запреты – что можно, что нельзя – плевать! Счастья хотим!

Елена срывалась на крик: «Вероника, счастье выстрадать надо! Нажми на тормоз! Повернись к детям! Никаких мужиков! Пойми, ты от Андрея гу-ля-ла! Какой бы он ни был гад – у тебя рыльце в пушку. Семья распалась, это как покойник в доме. Траур нужен. Замолишь грех надо. Хотя бы на год повесь замок на слабый передок!..» Зря кричала. Шепотом надо было, как бабки-знахарки грыжу заговаривают. Или как змея шипит, глядишь, и дошло бы.

А теперь камень в воду брошен. Круги пошли. Куда, дочь, прикажешь деть накопленную злость бессонных ночей родственников бывшего мужа? Вспышки предынсультного гнева, кровоточащей обиды? Мысли как клубок змей, готовых ужалить: « Да будьте вы прокляты! Мы деньги вбухали несметные! Свадьба! Квартира трехкомнатная! Жили на всем готовом! Внуков одевали, обували! А у нас Оленьку, Даньку забрали! Сын в психушке три месяца отвалился – вены вскрывал!.. Матери наши, бабушки Андрея, в один год от рака померли – так возненавидели Нику!»

Куда деть комья ненависти? Как отвертеться от удара? Готовься, дочь.

– Мама, мы заявление в загс подали. Второго августа регистрация.

– Так папа в санатории будет, путевку дали. Ты об этом знала.

– Ой, мам, мы и так упросили, чтоб нас поскорее расписали. Живот-то растет.

– Ника, богом прошу, не спеши! Ну, ладно – беременная. Живете и живите. Бой-френд твой институт закончит, зарплату хоть одну толковую принесет, распишитесь. Куда коней гонишь? Двое детей, третьего ждешь! Кредиты! Сама все тянешь на себе!

– Мама! Опять... ну все не по тебе! Вот и Ильдус говорит: «Что у тебя за мать?!...»

– Ах, мать твою, да твой прыщ даже с родителями нас не познакомил! В одном городе живем – друг друга в глаза не видели. Не по-людски, понимаешь!

– А я что, силком должна заставить?! Его мать меня тоже не жалует! Она башкирку хочет!

– Вероника, что ты творишь...

– А я что? Счастья хочу! Я вот беременная, а ты мне нервы мотаешь!

Начало августа. Солнце лютует. Последний дождь – три недели назад. У Елены давление скачками... Данька и Ольга в новых шортах и майках бегали с воздушными шарами по своему двору:

– Свадьба! Ура! Бабушка, у нас свадьба! Ура!

Пристроившись у окна, через тюлевую занавеску она ви-

дела входящую в дом дочери родню нового зятя. Братья с женами, сестра, какие-то дети. Раскрасневшееся лицо Ники. Зять в новом костюме. Родителей не было.

– Бабуля! Ильдус нас с Данькой ремнем побил, – Оля сидела на кухне, ела пирожок и давилась слезами.

–Что? А за что?!

–Они у себя в комнате кино смотрели, а я Дане книжку читала. А они нам все время: «Спать! Спать!» А потом, я слышала, мама говорит: «Возьми ремень – ты теперь отец!..» Нет, он несильно бил, я не плакала. Данька плакал!

Ох, ведь екало сердце, жар подступал к вискам – верный знак быть беде. Но все равно, Елена дрожащими руками нашла в записной книжке номер Роговцева, услышав гудки, поднесла телефон к уху всхлипывающей Ольги.

– Все расскажи деду! Что мать ребенка ждет, вышла замуж, что он вас обижает...

И – началось...

– Вы что себе думаете?! Да мы теперь из-за вас алименты не будем получать!..

Вы мою жену беременную заставили трясти животом, бегать туда-сюда! Сказали на даче, а сами в квартире прята-

лись! – Таким нового зятя Елена еще не видела. Возмущенный, осмелевший, как заяц во хмелю.

Да, прятались. Не могла Елена отдать Олю на съеденье Ники, разъяренной от звонка бывшего свекра. Как гром среди ясного неба – вскрылось ее замужество, беременность, а главное, грешок измены всплыл. Вспышками гнева Ника старательно заглушала стыд. Ибо еще неделю назад, мурлыкая в трубку, водила Андрея за нос. Никого-то у нее нет, только работа, дети: «Не знаю, Андрюша, может у нас, что и получится... Конечно, детям нужен отец. А ты мне деньги, как обещал, выслал?»

А тут на тебе! Шило, спрятанное в мешке, острием выпирает. В последующем разговоре Елены с Роговцевым (за два года впервые сказали друг другу «здравствуйте»), само собой всплыл факт, что Ника, живя с Андреем, крутила роман на стороне. На вопрос: «Это правда?» Елена, не раздумывая, сказала: «Да».

А как поступить иначе? Если Андрюха, дорвавшись до телефонных объятий с бывшей тещей, стонал в трубку: «... я ей стихи писал, я ж осознал, понял, полгода не пью. Мне Олюшка снится – стоит в воде мутной и кричит «Папа». Елена Львовна, разве так можно?!.. Ну, сука у вас дочь!»

И как должна была ответить Елена? Бить лежачего? Мол, сам виноват, пиво хлеб несчастный. Да что она – нехристь? Помаялся парень по полной программе, и хватит. Пожизнен-

ный срок за такое не дают. Не раздумывая, она выложила всю правду-матку, ибо лучшее лекарство горькое:

– Андрюша, сынок! Она давно за твоей спиной шашни водила... Ты прости ее, дуру. Значит, не любила! Она, может, не знает еще, как любить... Послушай меня, главное – зла на сердце не держи, и все в жизни выровняется, сложится как надо...

– А вы... Вы – ненормальная! В своих стихах летаете, а людям житья не даете! Дочь ревет каждый день! И я вам не мальчик! Нечего меня обзывать уродом! Я слышал, слышал! Стоял за сараем, когда вы с Никой ругались.

И – дочь, потирающая от волнения руки, по-собачьи преданно глядевшая на Ильдуса:

– Мама, уходи! Не приходи к нам больше!

– ... Ленка, любимая, не рви сердце! Сама знаешь – поколение пошло такое... Вымахали, ростом выше нас, а в жизни слепые. Толку от их институтов, им мозги еще вкручивать и вкручивать. Хорош тебе плакать – нос, глаза красные. На вот, девочка моя, утряси баланс – выпей водички, – губы Ильи трогала усмешка:

– Лучше давай о чем-нибудь приятном. Помнишь, как мы на море в Крыму? От Черноморского километров пять, место безлюдное. Небо звездное. Вода теплая, лунная дорожка. Хлопнешь рукой по воде – брызги серебряные как искры. А мы с тобой нагишом... ты ногами своими обхватила меня... сама прохладная, а губы жаркие... Ленка, помнишь? Ты потом танцевала на песке... высокая, статная – прям богиня. Любимая, дорогая... ну, все – не плачь, не плачь. Иди ко мне...

... Конечно, ты тут все сама – я на вахте месяц, а когда и два. Ну, потерпи, до пенсии год остался, и – все! Из дома ни ногой! Еще так надоем – сама меня на заработки отправишь. Все, спи, родная...

Виртуальный ящик «Любовь...», верхний, справа. «... Поцелуи слюнявые, неприятно. Это что – любовь?.. Какая-то воинская повинность... Обожглась молоком, теперь дуй на воду...»

Первая любовь к Елене пришла в двадцать лет. До этого только влюбленности гадкого утенка: вскользь взглядом, учащенным сердцебиением. На школьных дискотеках она, худенькая, вызывающе рослая, в одиночестве подпирала стену. Поступив в медучилище, вначале уперлась в сдерживающий фактор: зубрежка, конспекты. Опоздания в общежитие,

а если еще учуют спиртное, – вылетаешь. Но пахнувшая морем Ялта... Воздух свободы от родителей... Тяга к приключениям... Пару раз чуть не вылетела. Спасибо папе и ангелам-хранителям. Уберегали, утрясали. Но на каникулах перед последним курсом прорвало.

– Ленка! У тебя еще молоко на губах не обсохло! Любовь у нее! – мать срывалась на крик.

А дочь соседей по лестничной площадке, Людка, лет на пять старше, покуривая сигарету, делилась опытом:

– Ты что, слепая? Да он весит – центнер. Каланча – больше двух метров. Ладно, был бы накачанный. Так ведь полный, рыхлый. Потом, знаешь, подруга, в народе говорят: «Жирный гусь хорошим не бывает». Такой мужик в постели через пару минут выдохнется. Эх, ты, глупая. Любовь у нее, дурочка.

Да, дурочка. А зачем в любви ум? Действительно, взглянуть со стороны парень – этот не красавец. И первый ее любовный опыт – тройка с минусом. Девственность отдала, а удовольствия – кот наплакал... И, казалось бы, о чем тосковать, зачем сердце такое глупое? Разорвать бы эти четки – шнурок с узелками мучительных вопросов:

– За что он так со мной?! В глаза глядел, говорил «люблю...». Он же так пел... Я ради него на все бы пошла... Как теперь жить?.. Поиграл и растоптал. Хоть бери снотворное горстями...

В который раз в голове прокручивались картинки первых встреч. Ресторан, она с подругой. Он с гитарой в руках, на сцене. Огромный... – сто двадцать килограммов, рост два метра пять сантиметров. Обожал сладкое. А его самого – обожали буквально все. Девчонки на танцплощадке сохли по этой глыбе, а подвыпившие мужики в ресторане обсыпали деньгами. У него был голос. Боже, как он пел... особенно «Историю любви» Поля Мориа. Проходи в то время конкурс «Голос» на Первом канале, все кресла наставников повернулись бы в один миг. Глубокий удивительно завораживающий тембр голоса. Но повернувшись, вряд ли бы жури не задел контраст между красотой звука и телесным излишеством: « Это сколько съедено сала, вареников?!.. Спортзал по тебе плачет, парень...»

А слезы пришлось лить ей, Елене. Казалось бы, влюбившись по уши, девушка расцвела. Выпрямилась осанка, нежно-персиковый цвет лица, грива золотистых волос. Но не зря, видать, каркали доброжелатели: «Дура ты, он больше полугода ни с кем не гуляет, будешь в его коллекции сто пятая...» Под осень финал этой сказки заплакал. У него – новая подруга, а в ее сторону ухмылки знакомых. Мол, по словам голосистого друга, все дело в ее девственности. На вид вроде сексуальная, а в постели пока еще ни рыба ни мясо...

Вернувшись в Ялту на учебу, всю зиму (похожую на позднюю осень...) ее двадцатилетнее сердце, получившее ожог

холодом, то застывало, то обжигалось слезами. К весне (в конце февраля расцвел миндаль...) боль утихла. А там выпускные экзамены...

Конечно, остался рубец. Время от времени, как ноют с возрастом суставы на непогоду, к горлу подкатывал удушливый ком: «Почему?.. За что?..»

А дело по своей глубинной сути действительно стояло вблизи смятых простыней, разворошенного стога душистого сена... И виртуальный ящик «Любовь...» после двух бессонных ночей вдруг удивил щедростью. Пошел навстречу застарелому вопросу: почему девушку, как розу срезали, а воду в вазе менять не захотели?..

Картинки из прошлого воплощения, возникшие как всегда внезапно, поражали своей яркостью и четкостью. Русская усадьба. Двухэтажный барский дом, колонны, лепнина. Баня (мыльня), в предбаннике жарко, запах засушенного бессмертника, и – двое. Он, лет тридцати пяти, бакенбарды, холеные руки... Она – кровь с молоком, руки загорелые, его голову к своей груди прижимает... ситцевый сарафан задран, тело бесстыже-белое...

А как она пела... Голос ее – бархат шоколадного цвета – томный, глубокий. А рассмеши, развесели – высоту притянет – соловушкой зальется. У любого душа в пляс пойдет...

В хоре у барина пела. Зазнобой его была... Как затяжелела, отдали замуж за конюха. Обычное дело для того времени...

Старый библейский завет «Око за око, зуб за зуб»... Как с нами, людьми, в прошлом воплощении, так и мы в следующем – той же монетой... Лет двести назад побаловался барин с девкой крепостной – теперь ее очередь – местами поменялись... Дремучая, из жизни в жизнь переходящая тема...

Но сдвигается камень... Вопрос, закристаллизованный солью пролитых слез: «За что он так со мной?!», получает ответ. Простой, как пареная репа: «Девка барина не простила».

Новозаветное «ударил по щеке, подставь другую», этот орех был ей еще не по зубам...

В Одноклассниках Елена узнала – болен ее первый мужчина. Метастазы в крови. Женился, разводился. А голос его, который заставил влюбиться без памяти, годам к сорока пропал. Осложнение после гриппа.

Да будут развязаны застарелые узлы. Чем быстрее, тем лучше. Мысленно, на расстоянии тысяч километров, пусть со скоростью света, с одной и с другой стороны встретятся слова: «Христа ради, прости меня...»

А виртуальный ящик «Любовь...» не отпускал: «Господи, почему Илья терпит меня? Ведь знал – замуж за него шла не любя... Уважаю, он надежный, но – желания нет!.. Вот сейчас меня ударит и все – разведусь!.. Оргазм, а какой он?! Хотя бы раз!.. Вот, ему – хорошо. Мне вроде тоже... У него лицо красивое, капли пота на лбу. Может, правда, рожу ребенка, что-то проснется... Двое детей, а ни в одном глазу... Влюблюсь в кого – уйду!..»

Классно сказано: хотите рассмешить Бога, расскажите о своих планах. Через двадцать лет совместной жизни влюбиться в собственного мужа! Прорасти в него с потрохами... прикипеть душой.

– Лен, а ты лицом другая стала, вот фото твое, сразу после свадьбы. Симпатичная, но щеки впалые, глаза не горят... А сейчас прямо Марина Влади, одно лицо.

– Так, папина мама – полька. Я тебе говорила. Бабушка Мария. Интересная была, ростом на полголовы выше мужа. Травы знала, заговоры. Дар у нее был – людей из разных болезней вытягивала.

– А это фото, ты здесь после презентации первой книги. Лена, какая ты тут – смотрел бы и смотрел. Еще синева зимнего вечера за спиной...

– Это как раз в перестройку, в старом пальто ходила, а деньги на книгу собрала. Спасибо, главе района – половину счета оплатил.

И кто там говорит: перестройка, мол, мать ее так! Для кого как. Вон в сказках народных мачехи падчериц в ежовых рукавицах держали, потому и Золушки...

– Ленка, я тут альбом опять просматривал, фото нашел. Помнишь, как мы на поезде в Москву за чаем съездили? Челночники... Восемь сумок огромных: привет, геморрой! Как щенки слепые... Я только потом узнал, чуть подороже можно все взять на базе в Самаре, всего час езды.

– Забудешь такое. Особенно на вокзале. Я – что? Вещи караулю. А с тебя пот рекой. Носильщики стоят, ржут: мужик и в руках, и на спине, чуть ли не в зубах – сумки. Перебежками... Минута до отправления поезда. Заскочили. Ты самую тяжелую сумку волоком по полу тащишь. Дно порва-

лось, мелкий черный чай облаком на сквозняке! Ты – вылитый негр!..

– А ты смеялась как ненормальная, я даже психанул. Со стороны себя не видел, в туалете умываться начал – ахнул!

– А помнишь, еще машины не было. Пурга, холод собачий, мы сумки с чаем и кофе, на санках к электричке, – на базары по районным центрам. Безработица... родители пенсию не получали... а мы энергетикой своей (цирк!..) – зазывали покупателя: «...Чай! Кофе! Высший сорт, эксклюзив!..» И выручка была!

– А места на базарах выбивали... помню, ты с теткой одной сцепилась... ну та хабалка! Драться полезла. Мы, мужики, вас разнимали. Выживал народ, как мог... Свободное плавание – бросили щенят в темную воду... Не выплывешь – потонешь...

– Да, Илья, кусачее времечко было. У верхушки от шальных денег – бешенство... А таких как нас, судьба к кормушке с халявой не допустила. Слава богу, пронесло. Чужого не брали. А, помнишь, Илюша, в непогоду за товаром ездили: трасса вроде федеральная, а толку... никто дорогу не чистит...

– Ой, Ленка, не вспоминай. Ветер шквальный, пурга. Машины в снегу завязли... кое-где по обочинам перевернутые, жуткая картина. Бензин кончается. Ты в слезах, испугалась: «Замерзнем!..» А наша «Нива», лошадка рабочая, потихоньку из общего ряда – раз и вылезла!

– Знаешь, Илья, я тебя именно там впервые таким увидела. Весь сосредоточенный, лицо одухотворенное. Выбраться из той западни – слов нет. И мы с тобой, мой дорогой, бок о бок... А вот на этой фотографии, ты на маму свою похож.

Раису Степановну, маму Ильи, тридцать восьмого года рождения, с пяти лет отдали в няньки. Похоронка на отца пришла в сорок втором. Мать с утра до ночи на железной дороге обходчиком. Спасибо соседке, бабе Нюре, каждый раз при встрече пускавшей слезу: «Ох, сиротинка, на вот тебе блинца, картошечки». Росточка небольшого, худенькая, но жилистая, сначала смотрела за двухлетним племяшкой. Надрывая пупок, таскала его, то прижав к животу, то на спине. Мальчишка обожал играть в лошадку.

– Райка, гляди, не урони мальчика! Ты еще его на башку посади!

– Ой, Райка, добрая ты. Доить ты будут по жизни... глаза у ты как у нашей Зорьки...

Через пару лет нянчила уже двоих соседских ребятишек. Соседи люди строгие, но справедливые. Научили девчонку и прясть, и вязать. Этим ремеслом кормилась по жизни. В школу не ходила. Стеснялась, что переросток. Да еще дразнились мальчишки. Кое-как освоила букварь. До старости читала по слогам. Коряво выводила буквы на поздравитель-

ных открытках.

Оттуда, из детства, укоренилась в ней щемящая жалостливость именно к детям. На мужа могла прикрикнуть, но кровных чад своих чуть ли не облизывала... Лучший кусок, конфеты только шоколадные (мечта голодного детства), каждое лето путевки в пионерлагерь. О себе не без гордости говорила: «Живу ради детей».

– Христа ради, не балуй ребят! – не раз твердила покойница-мать. – Вырастут балбесами. Что все тянешь на себе? Ой, Райка, доброта твоя прям коровья! А с детьми построже надо. Вот Илюшу, пока вы на Северах были, я глядела. Так и вырос, помощник! А младших, гляди, упустишь...

Но у рожденной в Год быка доброта Раисы Степановны упрямо зашкаливала. А дети – что дети? Выросли. Что сеешь – то жнешь: у средней Татьяны, у младшего Сашки одна песня: «Ой, мам, у нас такое случилось – деньги нужны... Мам, мебель новую в кредит взяли, расходы такие... Ой, мам, мы машину разбили!...»

Илья – старший. На шее не сидел. Но глаза материнские. А черты лица отцовские: сквозило в них упрямство бесхребетной травы. Мол, что б ни случилось – выпрямлюсь.

« Смешение крови...» – пятый ящик справа: « ... секс с

африканцем наверняка класс! Энергия бешеная... О! Как в танцах своих с копьями в руках отплясывают, аж завораживает... Секс сексом, но детей рожать – смешивать черное с белым – против природы не попрешь – темное верх возьмет. Другое дело, допустим, муж – якут, жена – нанайка. Одного северного поля ягоды. Дети – почти вылитые родители.

А родилась славянкой, зачем генетику крови смущать?.. Восток востоком, но – запад западом... Зачем смешивать? Не в свои ворота зачем лезть?.. Права мать Ильдуса, что не хочет Нику в невестки... Дружить никто не мешает! Но семенем разбрасываться – на урожай крест ставить... Связь нарушается с Родовым деревом: линия судьбы будет угловатой, путаница пойдет... А дети-метисы однако – шустрые, интересные, толковые... Время такое – все братья и сестры... На все воля божья...»

«Слабые ребята – кесарята», ящик восьмой, справа. «Кому суждено родиться, как бы ни шел: ножками, головкой – выживет... Роды – пахота тяжелая, мать и ребенок в одной упряжке... Каково младенцу пробиваться через родовые пути? Тоже, поди, тужится по-своему... Естественным путем идет – силу нужную берет... Если таз и бедра узкие, сердечко слабое, сама женщина не разродится – надо кесарить... Живот разрежали, плод вытащили; шлепнули – запищал. А

иммунитет-то у дитя на нуле... Кесарево – нарушение кода рождения. Пожизненный недостаток силы... Жилы с родителей тянут, ребята – кесарята...»

– Чего Ольгу не рожала как все нормальные бабы? Бедра у тебя – рожать и рожать! Чего струсила-то, кто тебя толкнул на кесарево?!

– Мать Андрея. Сама вылупила только одного, как ни пыталась, с другими – облом: то выкидыш, то внематочная. Меня накручивала: «Не дай бог, дитя щипцами тянуть будут или в пуповине задушится. Столько родовых травм от нерадивых акушеров!..» И как в воду глядела. Оля докрутилась в животе: шла – пуповина на шее. Еле живую вытащили. А после родов, знаешь, как больно... – шов нагнаивался, к ребенку вставить надо, я загибалась...

– Ладно, дочка, чего уж там, доля наша женская...

А все-таки почему так? Почему нельзя по-другому? И снова вспышкой в правом углу виртуального ящика пошли видения... Худенькая девочка, лет тринадцати, искусанные губы запеклись, крик пронзительный. Вокруг какие-то женщины в темных одеждах. Девочка рождает. И, разрываясь до промежности, затихает... Вдруг провал еще куда-то глубже... Языки пламени кусают обрывки страшного зрелища: воин, рослый, худощавый, грязный, сумасшествие в глазах, с диким криком протыкает копьём живот беременной жен-

ЩИНЫ...

– Мама, ты с ума сошла? Я прочла, у меня волосы дыбом. Ты про нас с Ильдусом такое пишешь!..

– Ты залезла в мой компьютер? Дрянь! Пошла вон!

– Значит, ты в своем говняном романе решила нас наизнанку вывернуть?! Да?!

– Все имена будут изменены, успокойся, Христа ради!

– А родня, что – дураки? Не поймут, о ком речь?!

– Ника, ты же девочка грамотная – университет за плечами... Неужели не понятно – толковый материал он только с натуры берется! Чехова рассказы читала? Как он классно шерстил своих знакомых. Достоевский всю правду-матку резал, потому и брало до дрожи. Пойми, я тоже – в жизнь всматриваюсь! Мне фантастику писать не дано... А ты больше не смей лезть в чужой компьютер! Слышишь?! Куда пошла? Вернись!

Не зря Елена говорила: «Не ешьте вяленый лещ с базара. Запашок, мясо от костей отстает». Так нет! Полрыбины с пивом сама Ника (дура беременная) и Дане дала кусок. Олька – та молодец, интуиция что надо, понюхав, нос сморщила.

И вот рвота, понос. Диагноз описторхоз. Инфекционное отделение.

– Вероникушка, как вы там?

– Мама, папа! Данька под капельницей! Горит, тает на глазах. Врачи глаза отводят. Что делать?– охрипший голос Ники в телефонной трубке еле слышен – плохая связь.

На улице ветер, дождь. Внезапная оттепель: снег вперемешку с землей – неприкрытая грязь... Внук в инфекции... Елена – на автомате, не впервой: на колени, иконка Матери Божьей перед глазами. Свечу зажгла, и – давай! И «Отче наш», «Богородица, Дева, радуйся», и «Боже Святой, Боже крепкий...» А после своими словами – до изнеможения...

К вечеру Даню отпустило, температура спала. Утром поел рисовой каши, порозовел.

Второй этаж инфекции. Осунувшаяся Вероника лбом уткнулась в окно. Смотрит на мать. Та машет рукой, держись! Теперь только так, через стекло. Инфекционные живут в карантине.

А через неделю беда все-таки вернулась. Пожалев отмоленного ребенка, не пощадила живущего в утробе матери. То ли таблетки, уколы, то ли нервная встряска, но замер плод в животе...

Глаза Ники после прерывания беременности уперлись в холодный белый потолок палаты. У дежурного врача жуткая

усталость: после чистки битый час останавливал кровотечение. Вышла Ника из гинекологии опустошенная.

Часть пятая

Начало марта. Телеграмму принесли к вечеру: «Лена, выезжай, маме плохо». Некурортный сезон: самолет раз в неделю. Плацкартный вагон (на купе денег жаль, да и среди людей интереснее). До Симферополя два дня пути. Проехали Харьков, Мелитополь. В ушах засел русско-украинский говор:

– Да шо вы, москали, выпендриваетесь?! Газ, понимаешь, у них! Да если б его нэ було – в жопе сидели бы. Ишь, как Путин ваш сказанул: «...шо там, на Украине, одни бураки...»

Старший брат, мать вашу так! Да и у вас грабеж, и у нас. Во как обрыдло! Вот вступим в Евросоюз – поглядим! Украина це – Европа! Ясно?!

– Ишь, олимпиаду провели. Сочи – темные ночи. Чего хвост распетушили?

Вагон гудел, шло наслоение, усиление повторяющихся слов: «...майдан... «Беркут...» Янукович... Юлю выпустили... правый сектор... Киев черный от копоти... Чонгар... Перекоп... боже, шо робится?..»

В Симферополь прибыли в час дня. Холодный влажный воздух, накрапывало. Народ из вагонов, подхватил багаж и бегом – кто куда. Елена – на автовокзал. Пара минут ходьбы под морозящим дождем. Если вокруг и назревало что-то необычное, уловить в этой сырости не представлялось возможным. Но по приезде в Черноморское, наобнимавшись, нацеловавшись с родней, сидя на кухне, Елена ощутила некую напряженность. Непривычно резковатая жестикуляция сестры. Мама, слава богу, в относительном здравии и уме, со странно голубыми волосами, непрерывно гладила руки Елены:

– Это меня Тоня покрасила, я теперь, доча, как Мальвина. Ты не серчай, что сорвала тебя. А как еще повидаться? Пять лет все собираешься! А у нас тут такое! По телевизору ужас, как на вулкане! Войной, деточка, пахнет. Так увидеться захотелось – сил нет, ты уж прости.

– Мама, да живи ты до ста лет.

– А у нас тут татары головы подняли. Слухи идут: если что, русских из Крыма в шею погонят. Дома, квартиры заберут. Вон, сосед наш Карим говорит – раньше мы их гнобили, из земли родной гнали, теперь они нам устроят жизнь веселую.

– Мам, хорош Ленку пугать!

– Да что пугать! Живем на отшибе. Это в Симферополе милиция, а мы тут – только на Бога уповать. Да вы, девки,

закусывайте. Ишь, бутылку уговорили.

– Ты, маманя, не бойся. У нас тут, слава богу, казаки имеются – порядок наведут. Антонина, лихо опрокинув рюмку, захрустела квашеной капустой.

К вечеру в дом заскочил племянник. И прямо с порога:

– Тетка, вы что там, в России, охренели? Куда лезете?.. А как мы потом во Львов к бабиной родне?!

От волнения, от выпитого пива лицо Вячеслава покраснелось, то и дело смахивал пот со лба:

– Вы что думаете? Подняли флаг свой в Симферополе над Верховной радой, референдум проведете, и – все будет в шоколаде?! Да вы зажженную спичку к пороховой бочке поднесли... Украина хрен два Крым отдаст. Вы что – не понимаете? Война!..

– Да что ты, Славка, честное слово! Я чего – много знаю, что ли? Сама вся на нервах. Давай, племяш, лучше обнимемся.

А ветер крепчал. На море усиливался шторм. Быстробегущие облака становились свинцовыми. И, казалось, просвета не видать...

Пятнадцатое марта – день отъезда. У Елены все валилось из рук. Мама ходила по пятам, прижималась головой то к спине, то к плечу: «...донюшка, увидимся ли? А ты когда еще приедешь?» Теснились за столом, пили домашнее вино.

Обнимались, целовались, плакали...

И неведомо было им, что уже через три дня в Георгиевском зале Кремля в противовес смертельной жути февральско-мартовского противостояния, пресекая хронические страхи, сомнения, подпишется договор о воссоединении Крыма с Россией. Полуостров, как ракушка, хранящая жемчужину русской славы – Севастополь, оторвавшись от враждебной материковой части, вернется по морю в родную гавань... Бессонные ночи и дни сверхмощно-людского напряжения центральных крымских городов взорвутся волной потрясающего ликования. Отголоски этой волны войдут обновлением (хотят люди того или нет) в каждый дом, в каждую семью...

Но ни центр, ни периферия еще не знали, что от избытка ликования грядет огромная кровоточащая печаль. От заразительного желания обрести свободу каждый третий житель Донбасса... Господи! Зачем людям быть пушечным мясом?!..

То ли рука безжалостного рока, то ли лохматая лапа денежных отношений (страх потерять прибыль за экспорт газа...) – бог его знает, в чем была скрыта причина будущих стремительно надвигающихся событий. Но когда, желая повторить Крымскую весну, взметнется вверх монета судьбы для юго-востока Украины, сверкнув в воздухе двуглавым ор-

лом спасения, ударившись об лед уже давно извращенного международного права, несмотря на волеизъявление народа об автономии, эта монета обернется решкой – гражданской войной...

«Карантин для родственников», или «Да не пристанет зараза к заразе». Этот ящик в последнее время занимал Елену все больше и больше:

«...образованное безобразие... прадед к матери на «вы» обращался, а правнук пальцем тычет... Сорвавшиеся с цепи... собаки борзые, а люди борзеют... С чужими культурно, а с родными дурно... Вирус отчуждения в крови, головах... Грызня не только в семьях – люди одного рода-племени собачник устроили... Бесноватость наружу лезет...»

Одноязычные язычники... Жить, постоянно доставая друг друга, и – не отгораживаться. Вообще, идея насильственного сноса стен, стирания границ она – что, от здорового ума? Китай зря свою тысячекилометровую стену строил? И разрушать ее не собирается. А берлинскую разрушили (развесили уши...). Дом без стен, без дверей не дом. Древние мужи, которые с царем в голове, говорили коротко, но ясно: «Мой дом – моя крепость».

Конечно, при другом порядке вещей, при всеобщей друж-

бе, идеальный вариант: между разными домами и дворами – живая изгородь, лужайки и цветочки. Но это когда еще будет. Да и будет ли?.. Не та планета...опять же солнце уже не пальцем грозит – кулак сжимает...

Холодное время воспаленных голов. Без карантинной стены между говорящими, но друг друга не слышащими до полномасштабной войны пол шага.

Толковые астрологи что говорят? Грядут времена жуткого расслоения... Хотя в супермощном блендере смешай воду с маслом – о суспензии можно только мечтать. К примеру, зять Елены – Ильдус. Восточный разрез глаз, предки Коран читали. Но сам он... бог его знает, какой веры. Свинину ест, водку пьет. Ника тоже – вроде крещеная. Крестик на шее, литературу духовную почитывала. Однако спотыкается чуть ли ни на каждой кочке. И, как их ни крути, главное различие острием выпирает. У одного душа еще на замок амбарный закрыта. У другой, для чего надо и не надо, – открыта. А разве открытое с закрытым можно смешать? Смешивать – да. Подминать слабое под сильное.

Другое дело, когда между «открыто-закрытыми» возникает любовь, которая с большой буквы. Притираясь, неминуемо прорастут друг в друга – нечто новое миру явят. Но в случае, когда «...она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним...», если двое в сексуальном расцвете сил разводят костер из обид и претензий к родителям, окружающему миру, – ожоги неминуемы...

Потому Елена точит себя мыслью: вот вышла бы дочь за мужчину своей православной веры да постарше годами. Как и было принято раньше на Руси. Не зря в народе говорят: у хорошего господина и свинка – господинка. Если что не так – муж подскажет, одернет. Уж точно не позволит будущей теще Новый год в одиночестве справлять. А Ильдус позволил. Восток – дело хитрющее: откусывай понемногу... небольшими набегами, как вода камень точит. Кап-кап-кап:

– Вон, ваша бабка идет. Сейчас мозг выносить будет.

Испуганные глаза внука Дани. Косые взгляды Оли.

– Выносить мозг? Даня, кто тебе такое сказал? – у Елены от обиды слезы на глазах.

А зятя след простыл. Капнул ядом в детские души, подтравил воздух, и – в кусты...

– Бабушка, а чего ты к нам приходишь и все учишь! Сядь в углу, раз пришла, посиди. Только молча, бабушка.

– Оля, ты где этого нахваталась?!

– А у Ильдуса дома так не принято. Там его мама пирожки печет. Кормит нас и ничего не говорит. Спросят – ответит. А от тебя у всех голова болит.

Вновь у Елены к дочери шквал претензий (старые обиды рассасываться не желают...). А у дочери – новая беременность. Тоска зеленая в глазах. Муж, видать, от великой любви поставил ультиматум: «Роди, или уйду!». И для Вероники удержать Ильдуса – идея фикс. Полгода не прошло – здрав-

ствуи, новый токсикоз. Ника – по гороскопу огненная лошадь – превратилась в тягловую: поголовье конфликтующих с законом растет... работа в суде – пописать некогда – у компьютера целый день. Что не успела – с собой, на дом. Руки чистят картошку, подтирают пол, а в голове – деньги, деньги... Небольшие алименты – с перебоями, зарплаты Ильдуса хватает дней на семь... Кредиты удавкой на шее. А тут еще мать со своим: «Как ты детей воспитываешь?! Ольга от рук отбивается! С какими-то подростками шатается. Ее уже с сигаретами ловили! У Даньки в дневнике сплошные тройки!.. Куда тебе еще рожать? Этих до ума доведи!»

Вновь общий двор между домами – арена громогласных выпадов. Зрители – малые дети. Соседи в роли слушателей. Казалось бы, писательница и юрист, мать и дочь, одного рода-племени, на одном языке, а погладь против шерсти, речь – базарных баб. Слава богу, хоть на людях – без мата... На вид вроде здоровые тетки, у психиатра на учете не стоящие, а бесноватость прет и прет.

А всех-то дел три дня работы! На пилораме Елена заказала доски. Наняла людей. Из металлических труб сварили каркас на всю линию разграничения между дворами. Установили, укрепили! Плотно, без щелей, обшили двухметровой вагонкой. Забор – любо-дорого смотреть. А ворота на засов! Номер телефона дочки – в черный список.

Для свихнувшихся от работы женщин уход в декретный отпуск особенно благословен. Ника за последние десять лет впервые перевела стрелки на нормальное течение времени. Дом с его готовкой борща и котлет не выматывал. Проверка уроков детей не вызывала ярости. До работы в суде – нет дела. Кого там взяли временно на ее место, как там разгребают дела – плевать. Краем уха слышала: судья ее, чуть какие трудности, сразу на больничный. А в последнее время, говорят, ее вообще подташнивает, тянет на соленые огурцы. Так что беременность, если о ней думать с пристрастием, – дело спасительно заразительное. Особенно для судейских работников. Хоть какой-то передых в изнуряющем процессе наказания провинившихся граждан. А главное, осмысление жуткой для них же, судейских, фразы: «А судьи – кто?..»

Ника, пройдя двухмесячную пытку токсикозом, перенапряжение работой, сейчас отсыпалась. Никаких ограничений в еде: хочу пирожное – съем. Да – растолстела... Но шевелящееся под сердцем дитя, толкающееся то ручкой, то ножкой, – полные штаны умиления. Лекарство, пусть не от всех, но от многих болезней.

Привыкая к избыточному для них материнскому вниманию, Даня и Оля первое время морщили носы. Стараясь догнать упущенное, эта волна накрывала детей то умилительным сюсюканьем, то взрывом негодования: «Господи, и в ко-

го вы такие уроды!..» Неуравновешенность матери сказывалась на ребенке в животе... Нику забрали в больницу на сохранение. Шов от двух предыдущих кесарений угрожающе истончался.

– Что? На работу? А малыша куда? Я говорила, на меня не рассчитывайте. Час, два посидеть – куда ни шло, а рабочий день – увольте!

– Да, на работу. Маратику шестой месяц. Завтра нянечка придет.

–То- то, я гляжу, ты грудь перевязала. На искусственное перевела? Ника, вам, может, денег не хватает? Так мы с отцом...

–Ой, хватит, мама! Сегодня одно, завтра другое! Сегодня даешь, завтра кричишь: « У тебя есть муж. Сами крутитесь!..» Семь пятниц на неделе. Не лезь в наши дела! Вон, забором отгородилась, даже калитку меж дворами не захотела. Ну и живите вы, любуйтесь друг другом!

– Мы-то любимся. А ты свою жизнь во что превращаешь? Накесарила детей, а в голове одна работа. Извращенка ты, а не мать. Гляди, Ника, – все под богом ходим...

– Глядите на нее, Бога вспомнила. Святая ты наша... Все, мать, ты свои проповеди кому другому читай. И детям моим мозги не засоряй, сказки не рассказывай. Жизнь вот она:

здесь и сейчас!

– Бабуля, нам в школе задали написать особую сказку. Знаешь такую, сказку-быль. Все как в жизни, но чтоб и сказка, – пятиклассник Даня с аппетитом откусывал от ломтя хлеба с вареньем.

– Ба, ты же писательница, давай вместе сочиним. Я пятерку получу.

– Вместе, Данька, это здорово. Только вот что я получу? – Елена, улыбаясь, смотрела на внука.

– Бабуличка, я тебя так люблю...

– Ах, ты мой зайчик родной. Хорошо. Завтра воскресенье, в школу не идешь. С утра и приходи.

Ночь. Полная луна. Шторы на окнах плотные, но по краям лунный свет все равно давал о себе знать тонкой светящейся полоской. А откинь штору, и ночника не надо. Залитый таинственным светом бело-голубой снег да фонарь на улице – Елена встала с кровати. Взяла лист бумаги, тонко заостренный карандаш. Сказка-быль стучалась в ее окно...

« В столовой комнате на стене из красного кирпича висели семь фотографий звездных галактик... » Снимки взяты из интернета, (телескоп Фабл). Илья распечатал, заказал деревянные рамки со стеклом. Вид стены с картинками потряса-

ющими воображение вносил гармонию, притягивал взгляд. Елена с особым рвением вытирала с них пыль. Восьмую картинку повесили недавно. Фотография кота, увеличенная раз в десять. На фоне космической темы взгляд огненно-янтарных кошачьих глаз завораживал...

Маму этого кота кто-то подбросил Елене под дверь квартиры (жили они тогда еще в девятиэтажке). Открыв дверь, она чуть не наткнулась на большой тускло-серый комок вздрагивающей шерсти. Брезгливо отодвинула ногой. (В детстве многочисленные попытки маленькой Леночки взять в дом хоть какую-нибудь кошечку натыкались на непреклонный запрет матери:

–За животными надо ухаживать! А ты сама еще ни постель толком заправить, ни посуду помыть.)

Сдвинув с места кошку, Елена увидела котенка, не больше трех дней от рождения. Ни он, ни его мать, не подавали звуков – ни мяуканья, ни писка. Елена, замешкавшись, хотела переступить, но этот пристально смотрящий на нее серый вздрагивающий комок... Худая, некрасивая, разорванное ухо, но глаза... выражение – донельзя страдальческое...

Накормив жидкой манной кашей, кошку назвала Машкой. Молодая, глупая первородка. Всего пару дней покормив котенка, убежала на улицу. У Елены началась веселая жизнь. Соседи дали адрес женщины с козой. Жирное молоко разводила пополам с водой, строго по часам пыталась кормить с пипетки. Котенок мотал головой, захлебывался. Елена хо-

дила по соседним улицам, громко искала кошку:

–Машка, Машка! Кис-кис-кис, дрянь ты такая...

Блудная мать вернулась только к концу следующего дня. Радости было...

Котенок набирал вес. Ольга и Даня пришли посмотреть – выяснили половую принадлежность – кот. Обычная дворовая порода. Темная шерстка в белую полоску. Ничего примечательного, если бы не глаза – удивительно ярко-янтарного цвета с разрезом, напоминающим миндаль.

Подобрать имя животному помог телесериал «Московский уголовный розыск». Елена в кресле, кот рядом на табуретке. Через неделю он отзывался на кличку Мур.

Летом кошачье семейство забрали на дачу. Спустя пару недель Машку сбила какая-то машина. Елена от расстройства чуть не отправила Мура вслед за его мамой, перекормив копченым куриным окорочком. Бедный котенок дристал, не просыхая. К счастью, с вахты приехал Илья. У ветеринара купил таблетки. Запеленав Мура, как ребенка, впихивал лекарство в мяукающую пасть. Глядя на исхудалое тельце, Елена плакала. Ругала себя последними словами. Мысленно вспоминала мать, запрещающую брать котят в дом: «Мамочка, все правильно. Такую дуру, как я, к кошкам на дух нельзя подпускать...»

Римма Павловна любила собак. На кошек не могла смотреть. Ее отчим, офицер НКВД, как-то заставил шестилетнюю Римму стоять рядом и смотреть, как он топит в ведре с

водой только что рожденных котят...

Кот пошел на поправку. Елена вычитала в интернете, чем кормить, как кормить.

Мышей Мур не ел. Нет, он не был вегетарианцем. Рыбу, кусочки куриной мякоти уплетал – за ушами трещало. Но мышей не ел. Он с ними играл. Поймает, лапой слегка прижмет и кайфует. Иногда мог залюбить этих несчастных тварей до смертельного обморока.

– Это что за кот, мышей не ест?– возмутилась соседка. – Зачем такого кормить? Гнать надо.

«Ага, сейчас», – улыбнулась про себя Елена. А вслух поделилась:

– Марья Петровна, дорогая, я теперь сплю по-человечески. Мы когда домик купили, диван в углу стоял. Ночью ворочалась, голову то в одну сторону, то в другую. Места не находила. И кто, представьте себе, помог? Кот. Мы его на диван, а он ни в какую. У противоположной стены ложится на коврик. Илья возьми да передвинь диванчик на это место. Так вот, спим теперь младенческим сном. Я бы вам еще что рассказала... Да, ладно, в другой раз.

Мур действительно отличался от обычных своих собратьев. Он лечил Елену. Рассвет его кошачьих сил как раз пришелся на пик скандалов между Никой и Еленой. Бог его знает, понимал ли кот жуткие слова дочери, брошенные в мать:

– Да какая ты мама?! Житья не даешь! Детей я не воспитываю... Да я вас всех порой ненавижу. Прощенья у тебя

просить?! Да меня тошнит только от одной такой мысли!..

После подобных разборок Елена в свой дом не входила, заползала. Слез не было. Чернея на глазах, ложилась на диван. Первый раз, когда Мур запрыгнул ей на живот, она, испугавшись, сбросила кота на пол. Через минуту он снова оказался у нее на солнечном сплетении. Подползая к лицу, положил лапы и голову на грудную клетку Елены. И замурлыкал...

Уже через пять минут Елена испытала нечто, похожее на блаженство. Увлажнились глаза. По щекам потекли слезы. Отпустило... Полчаса кошачьей терапии, и хозяйка заваривала чай. Без истерики разговаривала с мужем по телефону. Правда, сам Мур после таких лечебных сеансов уходил куда-то на пару дней.

И все бы ничего, жила бы Елена со своим котом душа в душу, если бы не происки темных сил. Сосед через дорогу, решил потравить крыс. В качестве приманки купил рыбы, добавил отраву: вместе с крысами отвадил всех уличных котов и кошек...

Мура выворачивало наизнанку. Исхудавший, клочьями теряющий шерсть... Данька, глядя на него, заходился рыданиями. Елена подсела на валидол. Спасибо Нике: объявляя матери перемирие, достала нужные лекарства. Мура спасли. К весне у него залоснилась шерстка, вытянулся в длину, заматерел на глазах. Откуда-то во дворе набилась стая кошек. По вечерам от их истошного воя хотелось заткнуть уши. Ти-

шина наступила, когда он себе-таки выбрал подругу. На три дня ушел в загул. Елена хваталась за сердце, плюс весеннее обострение отношений с Никой... А доктора нет. У доктора любовь. На четвертые сутки к вечеру кот явился домой. Вылакав чашку молока, растянулся во весь рост на диване. Спал до обеда.

Однако, как во всякой сказке, темные силы сгущались. От неразборчивых кошачьих связей (кошек выбирал не породистых, а обычных дворовых) кота достали блохи! Постоянно закидывая то одну, то другую лапы он чесался, яростно выдирая кусачих тварей.

И вот она, беда: Илья купил специальный ошейник. Мур пытался сорвать с себя ненавистный ему, свободолюбивому, предмет. А Елена смеялась:

– Терпи, мальчишка, блохи соберутся в ловушку, снимем ошейник. Ну, иди, побегай во дворе.

Перед тем как выбежать, Мур остановился, посмотрел на Елену. И она опять поразилась удивительной яркости его светло-янтарных глаз. Домой Мур не вернулся.

Чуть ли не на всех столбах расклеивались объявления о пропаже. Сулилось приличное вознаграждение. Соседские дети приносили каких-то котов, кошек. Получив деньги на мороженое, относили животных туда, откуда взяли. От бессонных ночей у Елены пошли темные круги под глазами. Данька – у самого глаза на мокром месте – утешал бабушку,

а Оля (удар ниже пояса), озвучила мысль, которую Елена отгоняла от себя:

– Зачем вы Муру одели ошейник?! Мама говорит, он где-нибудь за гвоздь зацепился, висит на каком-нибудь заборе... – Из глаз внучки текли слезы.

По совету соседки Елена нарезала двенадцать полосок белой бумаги. Разделив на две части, на одной половине написала слово «жив», на другой – слово «нет». Свернув полоски, перемешав, вытянула одну. А она пустая. Хотя точно помнила: подписала все бумажки. Получается, ни жив ни мертв. Мистика...

На сороковой день после исчезновения Мура Елена во сне увидела давно умершего отца. Лев Викторович сидел в кресле. В руках у него была какая-то вещь, напоминающая маску. Как и в других снах не проронив ни слова, он улыбнулся Елене и приложил маску к своему лицу. На Елену смотрели кошачьи огненно-янтарные глаза...

Свет полной луны пробивал шторы. Седовласая женщина, прижав к груди фотографию кота, заливалась слезами:

– Папа, значит, это был ты? Под видом Мура все время жил рядом с нами. Лечил мое сердце после скандалов с Никой... Папочка родненький, любимый...

Всхлипы становились реже. Свернувшись калачиком, Елена заснула как в детстве, положив ладони рук под щеку.

– Нет, бабуля, про кота Мура не надо. Ничего не надо.

– Данечка, что случилось?

– Бабушка, мама с Ильдусом хотят развестись. Они, бабуля, ругаются и ругаются. А мама такая злая, кричит, ремнем бьет. А еще мама сказала, что скоро умрет.

Даня кулачком размазывал слезы по щекам.

– Данечка, ты, что сейчас сказал?

– Бабуля, у мамы рак. Это страшно?

– Даня, ты о чем? Кто сказал?

– Оля слышала.

– Позови мне Ольку!

Запах цветочного парфюма и сигарет. Ногти почему-то зеленоватого цвета. Жирные, спутанными прядями волосы, щеки в угреватых прыщах. Оля. Резко вытянувшаяся за пять месяцев необщения, – взгляд колючий, увлажненный:

– А я ничего тебе не скажу.

– Оля, я что – враг?

– Да, ты...

И в слезы. Руки закрывали лицо, худенькая спина вздрагивала от рыданий:

– Это все ты! Из-за тебя мама заболела! Вы все ругались, ругались...

Началось с першения в горле. Смахивало на ангину. Вероника к врачу не пошла, в аптеке купила таблетки, пропила курс. Но на гландах появился пугающий налет сукровицы. Порывалась пожаловаться матери, в прошлом фармацевту. Однако эти две эсэмэски, посланные буквально неделю до болезни. Странные, жуткие: «Ну что, мамочка, напилась крови?.. Ты всю жизнь меня гнобила, житья от тебя нет!..» На следующий день, правда, Ника пыталась оправдаться: бессонные ночи, у малыша зубы режутся, на работе дурдом, Ильдус нервы выматывает, дети достали, да и вообще, полнолуние в голову ударило. Короче, черт попутал. Но мать и звука слышать не хотела. Отгородилась забором, на звонки не отвечала.

А болезненное состояние выматывало. Голос охрип, говорить приходилось шепотом. Желание откашлянуть, сплюнуть стало постоянным. Полоскания, таблетки не помогали. И все это так некстати! Через месяц Нику ждала уже вторая попытка обрести статус судьи. Год назад, сдавая экзамен, погорела на паре каверзных вопросов. Вроде готовилась, от зубов отскакивало. Но председатель комиссии подчеркнуто вежливо шанса не дал:

–Ничего страшного, подготовитесь. В следующий раз ждем, – и кивнул на выпирающий живот Ники:

–Счастливо вам разродиться.

От возмущения, обиды у Ники подскочило давление. К матери за сочувствием, естественно, не пошла. О судействе Елена и слышать не хотела:

– Вероника, ты сама говоришь – у твоей судьи глаза как стеклянные. Каста неприкасаемых, на российский лад. Зачем тебе туда? Работаешь помощником судьи и работай.

– Мать твою... да сколько можно! Опять лезешь не в свое дело! Пойми, мне эта работа вот где сидит! Судья моя... Я почти все за нее, она только рот открывает. А сколько барства, спеси. Зарплата в три раза больше моей! А я умнее, способнее ее в разы! И я жить хочу по-человечески!..

– ... Раз жить хочет по-человечески, оставь ее в покое. Я тебе, дочка, русским языком говорю, не цепляйся к Нике. Вы и так на ножах... Пусть как хочет тропу свою топчет. Это ее путь-дорожка. – Голос матери в телефонной трубке слегка простужен:

– Что ты говоришь? Слезы все выплакала? А ты чаще лук режь да лицо не отворачивай. Поплачь. Хреновое дело, если плакать разучилась. Душа без слез, как земля без дождя. Вон мужики редко плачут. А бабы дольше живут. Ты, Ленка, смотри в мужика не превращайся.

Римма Павловна закашлялась, выпив воды, продолжила:

– Совет я тебе, дочка, дам. Напиши Нике письмо. Помнишь, когда отец умер, мы с тобой разругались. Уж очень больно ты, как каток, по мне прошлась. Додумалась такое сказать: « Папа имел право на счастье, потому и гулял... » Ни сострадания ко мне, ни слезинки... Я потому не удержалась, письмо тебе написала. Ты, правда, два месяца в ответ ни слова. Но потом все как-то утихло. Ты, моя девочка, прощения попросила. Вот и напиши своей дочке письмо. Если глаза в глаза не можете, если трясет от звука голоса, то давайте на бумаге. Она, бумага, все стерпит.

Ох, и досталось тем бумажным листкам материнского письма Елене... Взрыв гнева на выходку дочери (посмела отца защищать...), застарелые обиды застилали старческие глаза. Негодование пропитывало строки. Привычно аккуратный почерк размахист, в помарках. Вспоминая, вымещала Римма Павловна на бумаге злость по поводу не только взрослых, но и детских прегрешений дочери. Особый акцент на выброшенное в мусорное ведро столовое серебро.

В обязанности шестилетней Лены входило мытье посуды. Дня не проходило без материнского крика: « Эти ложки надо вычищать до блеска! Они серебряные, старинные. Твоим детям достанутся... » Детям ни вилки, ни ложки не достались. Ленка как-то пожаловалась соседской девчонке. У

нее дома из серебра не ели – обходились алюминием. Следуя совету подружки, Леночка одним махом взяла да выбросила ненавистные ей предметы социального неравенства. Столовые приборы в их доме покупались теперь из нержавеющей стали.

Припомнила мать Елене и как, учась еще в школе, та связалась с дурной компанией (собирались стайкой – слушали иностранную музыку, немного вина, пару затяжек сигаретой, до секса дело не доходило). От возмущения у Риммы Павловны белело лицо: « Нет, чтоб в институт готовиться, ты по танцам шлялась... в аттестате зрелости две тройки! Я, уважаемый человек в городе, из-за тебя чуть со стыда не сгорела... »

Много чего в письме вспоминалось по мелочам. Но концовка была ударной. Выплеск самого наболевшего: « Я замуж за твоего отца девушкой вышла. До него ни с кем даже не целовалась! А ты, стыда ни капли, хвостом вертела туда-сюда! Так где справедливость?! Меня муж не любил. А тебя твой Илья на руках носит! Что, дочка, видать, правду люди говорят: из блудей жены хорошие выходят... »

Прочитав письмо, Елена минут пять сидела в оцепенении. Крыть нечем – против правды не попрешь... Но, спрашивается, зачем ей, Елене, уже самой матери двоих взрослых детей, такая правда?!

Первое желание – ответить тем же, дать сдачу. Взяв лист бумаги, Елена, тяжело дыша, плохо пишущей ручкой наца-

рапала слова: «А ты, мама, помнишь?..» Затем застарелые детские обиды рассыпались по листку бумаги, как неперебранная гречневая крупа из порванного пакета. Исписанные листки то вкладывались, то вытаскивались из конверта, что-то еще дописывалось... Метания прекратила лента приклеивания. Но...незадача. Случайно пролитая Ильей чашка чая залила лежащий на столе конверт. Елена расплакалась.

– Лена, ты чего? Что случилось?

– Оставь меня в покое!

Схватив конверт, она выбежала из комнаты. Полчаса стояла на балконе, изредка всхлипывая, глотала воздух. Илья, прирученный к таким отлучкам, на рожон не лез:

– Ленка, я в булочную.

В этот момент у соседей за стенкой (на балконе слышимость зашкаливала) по телевизору давали «Покровские ворота». И после «...резать к черту! Не дожидаясь перитонита...» Елена вытерла слезы, на кухне взяла спички. Письма – материнское сухое и свое, залитое чаем, плохо разгорались. Спички чиркались о коробок, обжигая пальцы. Но когда разгорелись, боже! Какая от этих писем пошла вонь. Черный дым копоти – то ли ужасное качество бумаги, то ли жуть содержимого писем... Елена, зажав нос, поспешно открыла окно кухни. Проветривая, долго махала попавшимся под руку полотенцем. От писем осталась маленькая горстка серого пепла.

Несмотря на полнолуние, Елена в ту ночь спала без рук и

без ног... Вот так выспаться за последние десять лет – первый раз.

Лет двадцать прошло, как папа Елены умер от рака. Сгорел быстро, слава богу, долго не мучился.

Как-то были в гостях у свекрови, та рассказала про свою соседку. Старенькая бабушка, лечившая заговорами, травами, иногда страшила людей странным словом «тремс»:

– Ах ты, ведьма! Тремс тебе будет! А мать твою сначала ворона – кар, кар... а потом – тремс ... В церкву иди, богу молись, постись – иначе тремс!

Осторожная была знахарка. Закрытым текстом говорила. Произнося вслух слова смерть и рак, в обратном порядке буквы ставила. Чтобы бумерангом на себя удар не принять.

И ведь всю Великую Отечественную прошел Лев Викторович, старший лейтенант медицинской службы. Контузии, два ранения. Медали, ордена. Людей спасал, с поля боя сотни раненых на себе выносил. После войны – почет, уважение. Не пил, не курил. В санаторий два раза в год. Жить бы и жить. Так нет же, в шестьдесят три года приказал всем здравствовать. А погорел на житейском... И речь не о любовных похождениях, хотя они, вернувшиеся с войны, нарасхват были. К примеру, дочку свою, на фронте зачатую, Лев Викто-

рович до ума не доводил. И сколько таких семян деторождения проросло, а сколько засохло на корню, это – на его совети. Но как бы там ни было, он всю свою отцовскую любовь на Тоню и Лену выплеснул, до капли. Елене, жившей вдали от отца и матери, помощи доставалось поменьше. Тоня – с рождения рядом, чуть споткнулась – папа, мама как костыли под мышками.

И по сей день вертится у Елены на языке невысказанный упрек сестре. Мол, это из-за тебя, Тонька, папа так рано из жизни ушел. Все твои мужики! Отца доставали по полной. Особенно когда последний муж загулял, и Тоньку на нервной почве прихватил спазм желудка. Отец ее буквально вытащил, с ложечки кормил. И видать, так люто возненавидел обидчика дочери (не раз во сне пытался придушить гада-зятка), что мог вызвать эту хворь страшную.

Хорошо, что Лена не бросила камень в сестру. Тонины мужчины, семейная жизнь – дело пятое. Причина глубже. Это как у китайцев связь бабочки и землетрясения. Где-то кто-то бабочку для гербария распял, а в другом месте сразу кто-то под камнепад попал... Но ни Лена, ни Тоня не знали причину, по которой вдруг обособилась на фоне здоровых клеток именно та – жизнь разрушающая, разрастающаяся до размеров опухоли...

А все война проклятая. Со священной ее не спутать. Одно дело, живота не жалея, границу родной земли защищать.

Душа с духом, тогда рука об руку идет. Дух для души – броня, прививка от болезней. Солдат, воином становясь, не зря врага атаковал с криком « Ура». Под бомбежкой, в холод, голод, в глаза смерти глядя, – душу духом цементировал. И другое дело, когда война закончилась, а солдат воином еще не стал. Казалось бы, – мирное время, без пушек и танков. А душа еще до конца не отвоевалась... и это диагноз. Больницы, поликлиники, аптеки – налево и направо косят болезни людей. Поле брани на душевный план перекинулось...

И разве думал Лев Викторович, строя на зависть соседям свою двухэтажную дачу с гаражом, что не просто споткнется. Именно здесь, на втором этаже дачи, и случилось с ним это падение.

... Воришки несчастные. Залезли через окно в дом. Около камина охалка дров, разожгли. В холодильнике хлеб, сало. В шкафу полбутылки медицинского спирта... Разбили люстру... Переночевав, ушли так же, через окно.

-Мать, у нас ЧП. Воры на даче. Ублюдки. Нагадили. Спирт, что для растирок хранил, оприходовали.

- А я тебе говорила. Решетки нужны на окнах.

- Нет, я их сам поймаю. Соседей наших тоже обнесли. Залезли в погреб. Банок уперли, сала пять килограммов. А еще на другой улице старушку по голове огрели, в реанимации сейчас. Так вот я их словлю.

- Лев, не дури. Сам говорил: живи тихо, не буди лихо.

– Молчи, женщина. Добро должно быть с кулаками. Не лезь, сам разберусь. Мне чуйка подсказывает, дня через два они снова придут.

Чуйка не подвела. Около одиннадцати вечера у калитки дачного дома послышалась возня. Лев Викторович, поднявшись на второй этаж, стоял у приоткрытого окна. Слегка отодвинув штору, наблюдал, как двое парней невысокого роста перелезли через забор. Затем взял в руку нож, затаился в складках шторы. Минут пять ждал, пока хулиганы приставят трехметровую лестницу к стене дома, начнут двигаться вверх к окну второго этажа. Что там в эти мгновения проворачивалось в голове мужчины, сжимающего в руке кухонный нож для разделки мяса, оно, по идее, не надо знать никому. Больное это знание, дурное занятие – лезть в чужие потемки, где душа опять впадает в беспросветность. Готовясь к обороне, показывает клыки...

И, слава богу, – человеческий голос соседа по даче:

– Вы, куда, уроды, лезете?! Я милицию вызвал! А ну, брысь, сволочуги малолетние!

И выпал нож из онемевшей руки, гулко ударившись об пол. Рывком расстегнулся ворот рубахи. Но не стучали зубы о стекло выпитого залпом стакана воды, не выплеснулось из души желание наказать...

... Отца Елены хоронили с воинскими почестями. Наро-

ду – яблоку негде упасть. Соседки по подъезду, с красными носами от слез, охали:

– И что это за болезнь, за пару месяцев сгореть. И какой человек – святой! Всем помогал, за всех душа болела.

Телефонный гудок, с минуту индийская музыка заставки:

– Алло, Илья! А ты знаешь, что Ника...

– Лена, я знаю.

– Илья! Да как ты мог...

– Извини, говорить не могу, позже перезвоню.

– Чего голосишь?.. Ты хотела забор – получила. Ты, Ленка, у нас, едрена мать, писательница, тебе покой нужен. Тебя ж трясло от дочери, зятя. А чего сейчас голосишь? Хорош реветь. Ника, говорит, две химиотерапии сделала. Вроде улучшение. Да не реви ты...

Ровный гул самолета. Внезапно громкий хлопок. Окно иллюминатора вдруг треснуло, стало засасывать сидевшую вблизи женщину. Какие-то мужчины, с искаженными от ужаса лицами, с трудом вытащили ее, израненную, еле ды-

шашую. Пассажиры в кислородных масках. Стюардесса с безукоризненным маникюром, делающая сэлфи с израненной женщиной. Ника, в холодном поту, проснулась от собственного крика.

И – стук в окно. Подошла, открыла штору. Мать. Первое желание задернуть штору, не видеть, не слышать. Выпила стакан воды. Через край шторы бросила взгляд во двор. Мать сидела на крыльце, руками обхватив голову.

– Никуся, смотри, тебе веником париться нельзя. Сиди, просто катай катушки. Я чуток ковшом на камни, пару поддам. Доча ты моя родная, дай я тебе спину как в детстве потру...

Две слегка полноватые высокие женщины сидели на деревянной скамье хорошо протопленной бани. Та, что помоложе, положила голову на плечо той, что постарше. Время от времени на раскаленные камни плескалась с шипением вода. Лица прикрывались ладонями рук, чтобы не обжечь глаза. Учащенное дыхание и молчание. А после в предбаннике, завернувшись в чистые простыни, пили зеленый чай с лимоном. Ника вспоминала Сосновку, как они с Андреем, напарившись в бане, с разбега прыгали в холодную воду озера.

– Мама, ты сейчас о чем думаешь?

– Да еще надо мыться, вон катушек сколько.

– Мам, что я наделала... У меня, когда в загсе с Андреем расписывалась, в животе Оля была... Я клятву давала и в

горе и радости... А теперь – на Ольку может перекинуться?..

– Сплюнь три раза. Господь милостив... Ты о главном сейчас думай. Хворь побороть надо. Одними лекарствами не обойтись.

– Знаешь, мам, мне в поликлинике женщина-врач по поводу рака картинку нарисовала. Вот представь комнату, где раньше конюшня была. На полу плевки, грязь, навоз. А сверху все коврами дорогими прикрыто. Евроремонт. Мебель добротная. Только вонь все равно просачивается. Освежители воздуха уже не помогают. Живущие в такой комнате чахнут. А ковры убрать, грязь с пола соскоблить не торопятся. Могут поменять жилище. Новую жизнь начать. Но, по словам той докторши, пока конюшню за собой не вычистить, все повторится вновь. Это, кажется, что жизнь с чистого листа дается. С прошлых жизней такой шлейф тянется – жуть! Вон сколько детей больных. С каждым годом больше и больше.

– Да, дочка. Вот и Высоцкий про коней пел... Страсти эти, мордасти... Табун лошадей диких все на своем пути сносит. А загнанных обычно пристреливают. Права, трижды права та врач: раз на земле живем, вольно – невольно грешим. Это только святые идут, ног не пачкая. Но и они не сразу святыми стали. Как ни крути, все через грех проходят. Конюшни надо чистить. Сознание надо менять. Вот ты, Ника, хорошо говоришь, вроде понимаешь. Так уйди из суда. Откажись от затеи стать судьей. Сдай экзамен в адвокатскую коллегия. Хватка у тебя есть, знаний достаточно. Защищай людей. Те-

бе жизнь подсказывает – кому-то можно судить, а тебе нельзя! «Не судите, да не будете судимы».

– Ой, мам, так хорошо сидим. Не начинай...

Светло зеленые глаза, коричневым цветом подкрашены брови, подростковые прыщи на лбу скрывали тональный крем и челка каштановых с рыжеватым отливом волос. Глядя в зеркало, Оля улыбалась сама себе.

– Внучка, да ты подросла-то как. Месяца два не виделись... Мальчишки, наверное, из-за тебя дерутся. Дружишь с кем?– Елена обняла девочку за плечи.

– Ой, они все такие дураки!– не отводя взгляда от зеркала, Оля смешно вытянула губки и чмокнула свое отражение.

Сидя в столовой, они пили чай с клубничным варением:

– Бабушка Лена, расскажи, вот ты дедушку полюбила. Где это случилось? Когда поняла, что любишь?

И только Елена раскрыла рот – у Ольги зазвонил телефон. Девочка изменилась на глазах:

– Ой, бабуля, я побежала. Давай, потом, как-нибудь к тебе зайду...

– Олечка, столько не виделась! Ты хоть пирожное съешь.

Почти два месяца Елена не прикасалась к рукописи – работа застопорилась. Вроде и картошку посадила, рассаду помидоров под пленку высадила. Нельзя сказать, что руки не доходят. Мало того, где-то там, в голове, писательское дело от безделия чуть ли не скулило. Мысли напирали, но вдохновение было обескровленным... За последнее время столько потрясений, негатива, что отсос энергии налицо. А потому вопрос внучки: «Когда ты, бабушка, поняла, что любишь?..» был как упаковка поливитаминов для ослаблено-творческого процесса.

Кодовое слово «Любовь» в Олькином вопросе, и рука потянулась к листку бумаги. Тем самым продолжался разговор с внучкой. Раз телефон вырывает из нормального живого общения – давай, дорогая девочка, бабушка напишет тебе письмо. Безответное – кто бы сомневался, что игра в эпистолярность будет в одни ворота.

Итак, спасибо тебе, внучка, за вопросы: «Когда и где?», а не «Как?». Ты словно чувствовала, что для меня проще определить конкретное место, где впервые сердце не просто екнуло, а чуть ли не захлебнулось повышенной порцией особого ощущения...

На вопрос: «Как полюбила?» в ответ я бы, пожав плечами, развела руки: «Да, бог его знает... взяла и полюбила...»

Когда полюбила? Теперь, спустя много лет, девочка моя, я знаю точно – в тот момент, когда не просто поняла – кожей ощутила, что могу безвозвратно потерять...

Ты наверняка хочешь подробностей. Да и мне самой полезно освежить память, оказаться в том нужном месте в нужный час, где посчастливилось прочувствовать нечто такое... как фундамент для всего дальнейшего...

1979 год. Декабрь, две недели до Нового года. Мы с Ильей и почти годовалой Никой возвращались из отпуска. Самолет «Симферополь-Магадан» для заправки топливом сделал посадку в Якутске. Приземлились, и началась пурга. Как сейчас помню, здание аэропорта в то время небольшое, серовато-грязное. В зале ожидания народу понабилось: задержка самолетов сразу пяти рейсов. О свободных сидячих местах даже не мечталось. Люди сидели кто на чемоданах, кто на полу, подстелив журналы, газеты. Входная дверь в клубах морозного пара постоянно открывалась. Курить народ выходил на улицу, там же и туалет. А пурга усиливалась...

Меня с дочкой сразу направили в комнату матери и ребенка. Переполненную. Душную. На веревках сушатся застиранные пеленки. Памперсов, впрочем, как и много чего другого, Олечка, еще не было... Это сейчас для матерей с детьми в аэропортах зеленый свет. А тогда... вымученный вид женщин, надрывный кашель плачущих детей, молоденькая медсестра в маске, с воспаленными от усталости глазами. Мне указали на стул около батареи. Положив конверт со спящей дочкой на колени, я на полчаса отключилась. Не заметила, как, разворошив детское одеяло, она сползла и шмякнулась на кафельный пол. Минут десять оглушающего ре-

ва – крик твоей мамы, Оля, помноженный на плач других проснувшихся младенцев. Детей кое-как успокоили. Нет куда без добра – на огражденной сеткой кушетке потеснились, давая место для Ники. Под утро я попросила медсестру при-смотреть за ней, а сама скорее в зал ожидания. Илья с вечера заглянул один раз и все. Прошлась по рядам сидячих мест. Разглядывала кучки спящих на полу людей. Всмотривалась в лица стоящих около кассы, справочного бюро. Ильи нигде не было.

На мое уже плачущее: «Вы случайно не видели мужчи-ну молодого, высокого в песцовой шапке – ушанке?» люди устало качали головами. Кто-то посоветовал зайти в комнату милиции, там могли объявить по громкоговорителю. И три раза с интервалом в двадцать минут по залу ожидания и на улице охрипший голос оповещал: «Илья Звонарев, вас про-сят подойти к справочному бюро. Вас разыскивает жена». А от Ильи ни слуху ни духу.

Ты, Оля, конечно, еще не понимаешь, что такое «ни слу-ху ни духу». Это, девочка, когда выть хочется по-собачьи... Казалось, окружающие люди отводят от меня глаза. Женщи-ны в комнате матери и ребенка заставили выпить чаю и что-то съесть. Два раза подходил милиционер, уточнял какие-то детали...

Господи, хорошо Ника, накричавшись, спала. И я опять и опять ходила, расспрашивала людей, и казалось, что от меня уже шарахаются...

– А ты, дочка, успокойся,– старая якутка-уборщица, подметавшая рядом пол, пристально посмотрела мне в глаза.

– Ты молиться-то умеешь? А ну давай вместе, повторяй тихонько, – и, взяв за руки, замкнув пространство между нами, на своем языке она чуть слышно как бы запела. А я, улавливая окончания гортанных незнакомых слов, так же тихонько повторяла...

Потом еще какой-то бородатый, на старца похожий мужчина протянул мне два яблока:

– Гони, девонька, от себя мысли дурные. Пурга, говорят, еще сутки будет. Вот муж твой в город и уехал, в гостиницу. Тут, сама видишь, негде приткнуться. Люди бродят как тени, с ног падают. В гостинице он, дочка, больше быть ему негде.

Я слегка успокоилась. Да и Ника проснулась – кормить, подмыть... забылась я немного.

А к обеду пурга вдруг стала стихать. Народ зашевелился. Объявили посадку. Сначала «Якутск-Москва», потом еще один московский борт. Половина зала опустела. Объявили и нашу посадку на Магадан. Люди, кто уезжал ночевать в гостиницы, вернулись. А Илья как испарился...

И последний раз, Олечка, взяв Нику на руки, я пошла по залу. Ноги мои подкашивались... Опухшими от слез глазами вглядывалась я в людей, редко сидящих на лавках. Во втором ряду, у самого края, прислонив голову к стене, спал мужчина. Я сначала узнала шапку. Лицо Ильи – вытянутое, осунувшееся от усталости, заросшее щетиной, казалось, чу-

жим, неузнаваемым... Но до потрясения – любимым...

Дедушке твоему, Олечка, пришлось почти всю ночь шататься по залу ожидания. Но к пяти утра проснулось везение. Освободив сидячие места, какая-то представительная тетка с сыном уехали в гостиницу. Илья и рядом стоящий дедок сразу же рухнули на сиденья. Уснули прямо-таки мертвецким сном. А вот что в момент той встречи испытала твоя бабушка, описать словами – выложить на блюдо вместо сочных яблок и груш сухофрукты...

Даже через столько лет вспоминая тот день, Елена глотала слезы. Только на острие разлуки, прочувствовав до мозга костей страх потери родного человека, осознаешь, что любишь...

Глава шестая

За два месяца до поездки сомнения не было: только поезд. Самолетом – ни за что! То египетский борт, то сочинский... от страха температура больного воображения зашкаливает...

Подумаешь, пару дней побултыхаться в июльской духоте плацкарта. Доехать, к примеру, до Анапы, а там до Керченской переправы автобусом. Дальше на пароме. После парома опять автобус. Да, есть неудобства. Но... можно строящийся мост увидеть! Хотя бы издалека, живым взглядом – стройка

века!

Только вот заштормит море, застрянешь в многотысячной пробке машин, людей. Хорошо, если несколько часов, а бывает, и пару суток.

– Алло, мам, я в интернете билет тебе на самолет возьму. За тридцать дней цена смешная. Бери, не думай. Три часа в полете, и здравствуй, Крым. Давай паспортные данные.

И целый месяц Елена копалась в своем прошлом. Мысленно прощаясь с родными, просила прощения. Обиды не вспоминала. Всех любила, жалела. Воск таял, свеча разгоралась.

– Пристегните ремни! Наш самолет совершает посадку в аэропорту города Симферополя. Температура воздуха 32градуса...

В иллюминаторе ослепительно голубое небо, ярко-зеленые лоскуты пригородных посевов. Елена, почти все три часа полета, отрываясь, парила возрастающей эйфорией. С момента разбега «боинга» всего несколько минут ощущения вдавливания тела в кресло. И – чудесной компенсацией – бесстрашное ликование от взятия высоты. Мысль, что ты влет поднялась на семь километров вверх, растягивала улыбку до ушей. Взгляд сквозь бортовое окно прикипел к небу.

Ничто не мешало смаковать новизну единоличного парения. Лишь потом, приземлившись, объединится звуком всеобщих аплодисментов экипажу самолета. Здорово!

Новое здание аэропорта впечатляет. Самолеты один за другим. В течение получаса получен багаж. Три года не была Елена в Крыму. Воздух российский, слезы из глаз.

За окном электрички Симферополь-Евпатория виноградники, сады персиковые. Зброшенные в сухостое дачные поселки, смазывали картину, но радости не притупляли. Главное, названия остановок, ласкающие слух: Чистенькое, Урожайное, Богатырское... около трех часов пути и – Прибрежное. Море! Воздух... Кто ни разу не втягивал ноздрями этот воздух до упора, не поймет.

«... Кожа лица – яблоко печеное. Седая, как лунь, стрижка под мальчика, а глаза не выцвели, зеленые.– В последнее время Елена все чаще ощущала потребность близости с матерью. Разговор вела то мысленно, то вслух. – Здравствуй, мамочка. Можно, как в детстве, в подол твой головой уткнусь, а ты меня в макушечку поцелуешь. Ну, что я, мама, такого сделала, что дочь со мною опять в контрах?! Чуть очухалась от болезни страшной, и опять двадцать пять. Отчего мы как прокаженные? С чего началось, где первый про-

кол?

Раньше думала, это свекровь – дура добрая. Дочке всего два года, а она ей: «Достань конфетку у деда изо рта, за щекой прячет...» Как куклу одевала, как с куклой играла. Все, что не попросит, на блюдечке с каемочкой. Ябедничать научила. Ника с детского сада язык за зубами не держала. Чуть что узнает – сразу бабушке на ухо, а та – шоколадку.

А может, ей на роду написано, именно так по жизни идти? Свекровь как-то говорила – в детстве цыганка на Нику взглянула: «Ой, девчонка особенная... середины не будет. Или взлет или падение... Мамка пусть глаз не спускает – любит как душу, но трясет как грушу...»

Да знаю, мама, я тоже виновата. В детстве книг ей мало читала. В школу музыкальную не отдала. Как я, дура, радовалась, когда пятнадцатилетняя Ника стала Рерихов читать. На глазах преображалась, потянулась ко мне. Я Агни Йогу читаю, и она книжку в руки. Астральные миры, оккультная жизнь души, духа. Смысл жизни и все такое. За ум девчонка взялась, школу подтянула, в университет поступила. Все знакомые ахали, какая у вас девочка. О духовности как говорит! А оно, вон как обернулось. Правильно, те же Рерихи говорили, что читать такое в юности нельзя. Только после тридцати трех. Иначе гордыня, как вирус, в душу проникнет, нутро начнет подтачивать. Я-то в сорок лет «въезжать» начала. Агни Йога – чемодан с секретом, с двойным дном. Так сказать, «знание – сила». Такое самомнение может из

всех щелей вылезти, что до дурдома недалеко. Сила, если ее звать, придет. Но летать редко кому дает. Людей несозревших и неподготовленных под себя подминает. Потому калек духовных развелось, жуть...»

– Ну, что ты, Лена, все философствуешь? Ох, сама ты, дочка, путаная. Книжки эти твои. Проще надо быть. А потом в каждой семье такое. У меня с Тонькой, думаешь, все гладко? Это мы на людях. А бывает, прибили бы друг друга. Винит меня, что одна. Мужики поразбежались, а мать виновата. Оно, может, я и виновата... А может, время такое, греховное? Что там семьи – народы, вон на Украине что творится. Раньше душа в душу, а сейчас стенка на стенку... Телевизор включи: что с одной, что с другой стороны – строчат из пулемета, не речь – а гавканье...еще чуток, глядишь, и война, не дай господь...

Читала твои, дочка, стихи. Ты там часто про карантин говоришь. Ну с больными свиньями, коровами привычно – ферму огородили, животных истребили... А как с людьми быть? Если пошла эпидемия – время такое – крышу у людей начало сносить. Нет, я не говорю, что у всех. Те, кто с головой дружат – себе и детям прививки делают. Про Бога и совесть стараются не забывать, прививают то, что человечностью зовется. Если и переболеют, в легкой форме...

Я, доча, жизнь прожила длинную, знаю – когда рядом чья-то душа захворала, здоровых вокруг не ищи. Это вирус грипп-

па можно уколами, таблетками, да и то – народ мрет. А когда вирус умы подтачивает, повальный психоз от страха войны – чем лечится?..

Вот по себе сужу – бывает, с Тонькой так поцапаемся, наоремся – до смерти тишины хочется. Выходит, дочка, для таких как мы, с приветом, нужен особый карантин. Тишина нужна. В больнице, в инфекции – передачу с едой берут, а прикоснуться, поговорить с глазу на глаз нельзя. Есть места где и телефоны отключают. Тишина, она как стена карантинная... не зря в народе говорят «Молчание – золото...». А вот когда вся грязь взбаламученной воды на дно опустится – воду потом можно перелить в другую посудину, осадок выбросить...

Ты, Ленка, чем добрым Нике помоги: еда там, деньги. А нос к носу – не суйся. Говорливые вы обе. У меня мать такая была, что не так – в крик. Мало прожила. Ну, все, все! Хорош сырость разводить. Глянь, солнце какое! Давай, дуй на море!

Остановка на пляж – пять минут ходьбы от дома. Очередь длинная, змеевидно пятнистая. Шоколадно загорелые, слегка поджаренные и вызывающе белокожие. Раз в полчаса подойдет автобус. Змея шустро поползет, уплотнится, кое-где выплевывая яд: «Что вы на моей ноге пляшете?! Да не толкайся ты, дура! Водитель, мы что вам – селедка в жестянк-

ке?!»

Две минуты шевеленья в утробе автобуса сменяет затишье. В открытое окно люка пойдет прибрежный воздух. Природный заменитель аптечного йодомарина для умственно утомленных.

«Не нужен мне берег турецкий...». Побережье Крыма, наше, бело-сине-красное! Тонколикое и скуластое. Украинская речь, татарская – краплением в русском, еврейском: «Мойша! Не ходи в воду. Писай в песок!..», «Кукуруза, кому горячу кукурузу!»...

Пляж к одиннадцати утра – ступить негде. Люди на надувных матрасах, подстилках, полотенцах. Дружашки с головой под зонтами. Большинство на песке у берега. Немного попрыгав в воде поплавком, после – хватая излишек ультрафиолета, оно разморенное, шевелящееся с боку на бок, обдуваемое морской прохладой, поджаривалось до красноты, незаметной на солнце.

Синие волны в белых барашках...

Персики, дыня, мускатного фляжка,

Ветра бодрящего полный глоток,

И – по песку, вглубь воды со всех ног...

Стихи легко слагались в голове Елены. Морской воздух...

чайки, ловко выхватывающие из воды мелкую рыбешку...

Море третий день штормило. Волны выплевывали на берег светло-серую пену, обрывки водорослей. Было на этом пляже место, которое Елена раньше обходила стороной. Здесь чуть не утонул, тогда еще шестилетний ее сын, Юра. Двадцать пять лет прошло, но память периодически трогала эту болевую точку. Перед глазами снова – толпа людей, окружившая какого-то мужчину. Высоко подняв руки, он трясет за ноги бездыханное тело ребенка. И вновь женщина слышит свой собственный крик, отрицающий увиденное. Звук невероятной вибрационной силы. На небе услышали. Толпа вдруг выдала человека, умеющего делать искусственное дыхание. Ребенок ожил, и последствий для него, слава богу, никаких – как с гуся вода. Елена же стала дважды рожденной...

Тысячекратно благословенны вы, ангелы, приходящие на помощь. Вы в облике обычных людей помогаете, спасаете, а потом исчезаете. Ни очертания лица, ни имени... в памяти спасенных только пожизненная благодарность.

Пришел ангел спасения – протрубил песнь свою. Кто услышал, не просто выжил – преобразился. Черты лица меняются, причем в лучшую сторону. Фотографии, где двадцать лет и сорок, – не узнать. Вот только глаза выдают. В

Одноклассниках Елену по глазам узнали: « Ленка Соловьева, это ты что ли? В школе, помнишь, тебя шваброй дразнили, худая, невзрачная. А сейчас такая сексуальная...»; « ... Лена-Леночка, высокая девочка, коса русая до пояса, тридцать восемь лет прошло, а я тебя до сих пор вспоминаю...»

Тридцать восемь для Елены – священное число. С некоторых пор ей стала близкой мысль, что цифры управляют миром. Взять хотя бы цифровое телевидение, позволяющее видеть мир ярко, без искажения. А древние мыслители-то как интересно учили своей арифметике. Вот число тридцать восемь. По пифагорейскому сложению три плюс восемь – одиннадцать (число Аллаха), и, сложив две единицы – двойка (неуд). Цифра одиннадцать – для древних мыслителей – параллельные берега реки особого познания мира... Главное встать на путь стремления к познанию. Важно не забывать: сбиваясь с пути, накладывая единицу на единицу, получаем крест... Говоря цифровым языком, держись, человек, двух единиц духа, но не впадай в двойку двуличности...

Даты рождения Елены (год, месяц, число) в сумме давали две сокровенные единицы. Эти цифры сопутствовали ее жизни. Родилась – спустя одиннадцать лет после Великой Отечественной войны. В два года заболела корью, чуть на

тот свет не ушла. Первая детская влюбленность – в одиннадцать, а в двадцать лет – любовь, естественно, несчастная. Через два года – замужество. Двоих детей родила, но могла родить одиннадцать...

А в тридцать восемь лет (вот уж, правда, счастливое число) после спасения тонущего сына, благодаря чрезвычайной встряске эмоционального плана, она испытала нечто удивительное, прекрасное. Переход души из малодушия в начальную стадию великодушия...

Казалось бы, небольшой скачек, но – сдвинулись тонкоровневые пласты Духо-Душевного мира... Высвободилась энергия преобразования... Как малые дети, словно солнечные зайчики, стали появляться на свет стихи...

Прошел еще один год...

«Десять лет только и знаю: работать, рожать. Отпуск – кухня, дом, дети. От болезни чуть не сдохла. Никому дела нет. Мать, называется, нормальная бы дала дочери отдохнуть. Курорт ей снова подавай, ванны, грязи. В море купаться, черешню килограммами...» – Вероника во дворе развешивала выстиранное белье.

– Ника, не потеряй ключи, – Елена с чемоданом и сумкой ожидала такси. – Запасной у отца, с вахты только через неделю. Цветы поливай. Детей в дом не пускай. Поняла? Ты поняла?!

– Мам, ну чего повторять. Поняла. Поняла.

В тот же день Ника отрывалась со своим Ильдусом в родительской спальне. Подумаешь, мать запретила... Шарилась, как в детстве, по шкафам. Примеряла материнские обновки: «...господи, зачем пенсионерке такое белье...» А главное, искала потайное место, где была спрятана шкатулка с украшениями. Нефритовые серьги, перстень мать взяла с собой. Предмет жгучего желания Ники, бриллиантовые сережки, оставались дома. Илья купил их для Елены в год рождения сына. Копил, плюс отпускные.

«Илья! Это мне? Ты посмотри, как играют! Видишь, лучик синий. Илюша, я о таких еще девчонкой мечтала. Глянь: два камушка, один покрупней, другой рассыпушка. Мама родная, как играют...»

Потайное место находилось в печке. Облицованная керамической плиткой, служила она для раздела спальни на две половины. По прямому назначению пользовались ею крайне редко. Дом отапливался газовым котлом.

Сунув руку в подувало, Ника нащупала пакет. Два серебряных браслета, нитка индийского жемчуга и маленькая ко-

робочка. Хватать ее и в карман.

Как-то дочь выпросила серьги у матери:

– Мама, у меня клиент крутой, надо выглядеть. Что я за адвокат, в ушах ширпотреб...

– Так бриллиант не твой камень. У тебя вроде рубины. А алмаз, знаешь, сам себе на уме. Я где-то читала, хозяев просвечивает лучом своим – сколько в душе мути. Не зря говорят, бриллиант чистой воды. А за муть в душе мстит.

– Ой, да ладно тебе. Мстит. Да я один раз только надену, ты все равно не носишь...

Серьги Ника отдала через месяц. А спустя полгода приехал сын. На радости – все за одним столом, любимые, ненаглядные, – Елена явила образец щедрости. Сыну достались старинные золотые часы (подарок Илье на свадьбу от отца Елены). Нике – серьги с синим лучом.

Проблема с горлом опять давала о себе знать (боль при глотании, откашливании). Но к врачу Ника не спешила. Неплохие результаты последних анализов притупили страх на целые полгода. К тому же болеть сейчас для Ники – вещь непозволительная. Наконец-то поперла удача в адвокатском кабинете. Чего, спрашивается, тянула с судьейством? Мозг

выносящая мысль стать судьей... вирус какой-то. Освободиться от такой мысли – с железобетонного моста в полноводную реку спрыгнуть. Уйти в свободное плавание.

Само адвокатство далось с трудом. Чтобы протиснуться в лакомое место, денег пришлось подзаять. Чиновничье мздоимство – под коркой головного мозга... Как говорится, не подмажешь – не поедешь. Но, как бы там ни было, фортуна Нике улыбалась. Нарабатывая имя, вначале бралась за любое дело. Обиженные пенсионеры, учителя, домохозяйки. Шутя говорила: «Волка ноги кормят». Зная всю подноготную судейской работы, дела выигрывала ярко, убедительно. Через год пошли клиенты с увесистыми кошельками. Ника, как собака охотничьей породы, шла на запах денежного азарта. Работа затягивала. Казалось бы, все цивильно, престижно. Но (Бог дает копеечку, а черт дырочку в кармане...) домашний быт... глаза бы не глядели. Запах старого жилья, кухня, грязная посуда, ванны нет. Выматывающие нервы трое детей... Ильдус, подававший надежды до женитьбы, в семейной жизни тянул на тройку. Как любовник – становился неинтересен... Гвоздь прибить только, когда ткнут пальцем. Странное дело, что с первым мужем, что со вторым – к горлу Ники в последнее время подступала тоска по какой-то легкости. Вспоминалось море. Белый от солнца песок. Теплая прозрачная вода. Радость заплыва далеко за буюк... Воспоминания вызывали слезы. Жуть как хотелось взять билет на самолет и рвануть в Крым. Тем бо-

лее что мать уже неделю купается, загорает, ест персики...

Но... телефон опять нагревался от шквала звонков... Море снилось по ночам: темная волнующаяся вода, выброшенные на берег водоросли...

Ветер дул с моря. Волны вереницей огромных нескончаемых верблюдов, плюющихся белой пеной, основательно вылизывали песок пляжа. Лежа, сидя, без права грести руками и ногами, народ изнывал под солнцем. Но были и бунтари: кто-то, разогретый пивным градусом, кто-то – природным огнем соперничества. Кто-то попросту, повыпендриваться. Они таранили воду, а та щелчком сбивала их с ног. Вода поддавалась только тем, кто чувствовал ритм ее дыхания. Те несколько секунд затишья перед новой порцией шквального выброса на берег. Уловивший это окошко спокойствия, войдя в море, плавал сколько душа желала, качался поплавок на пенистых гребнях волн. Перед выходом из моря снова включал чуткое ухо, ловил затишье воды. Иначе поплавок плевком вышвыривался на берег. Елена прочувствовала это до мозга костей. Сколько жива – будет помнить. Войти-то в воду – вошла. Наплавалась до усталости мышц. И – расслабилась, забыв, что концовка требует еще большего напряжения, нежели вход. За неготовность поплатилась ощущением щепки в водовороте: закрученность, сдавленность, нет рук,

нет ног. Спасибо Богу за спасительные глотки воздуха, за живое тело с почти сдернутым купальником, да и за слюно-текущий взгляд какого-то мужика в панаме: «О! Не зря пришел...»

Вечером, несмотря на Тонины чебуреки из домашней индюшки и бутылки темного пива, Елена опять плакалась маме. Наболевшее легко выходило наружу:

– Мама, только представь! Правнучку твою, Олю, отдали изучать Коран. В школе урок вводили на выбор. Русские, естественно, в православие. Вероника же в угоду мужу, его башкирской родне дочку в мусульманство отдала! Пусть, говорит, развивается...

– Ой, Ленка, может, оно и неплохо. Вон у нас сосед-татарин, каждый день в мечеть, водку не пьет. Свинину не ест.

– Мам! Ради бога! Я тебе о внучке, а ты – о соседях!

– Лена, ну ты даешь, нашла, о чем с мамой говорить! Иди ко мне на кухню, – подала голос сестра Тоня:

– Ты, что – забыла? Мама наша – прожженная коммунистка. Крестить нас не хотела. Ты вспомни, как папа втихаря (сам тоже партийный) с попом договорился и отвел нас в церковь.

– Я все слышу! Ишь ты, куда там, в церковь. А я вот жизнь прожила и не ходила. Я, может, Бога в сердце держу. Водой

умываюсь – здоровья прошу. К окну подойду – солнцу поклонюсь. Да и за вас, дурехи, молю Боженьку, – рассерженная мать на костылях, заполнив собой небольшую кухню, плюхнулась на табуретку.

– Мамочка, все, все. На таблетку, под язык. Ленка, дай воды...

А за окном утихал ветер. Закат дышал умиротворением. Море, уходя в ночь, играло серебром лунной дорожки.

На следующий день Елена, прихватив в магазине массандровский портвейн, отправилась к своей старинной подруге Рите. Кровь молдаванки, темно-русая грива волос, на зависть белоснежная улыбка. В выцветшем халате, калошах на босу ногу, в руках пучок моркови, Марго от неожиданности охнула. И началось:

– Ну, ты, Ленка, раздобрела! А чем лицо мажешь? Морщин не вижу, как была одна на лбу. Ой, а волосы чем красишь?

– Да привезла я тебе, Маргуша, и крем, и краску. Еще флакон духов, помнишь, ко мне все принохивалась, ахала.

– Ленка! Ты моя сестра!..

Пока с губ слетают охи, ахи – руки быстро мечут на стол тарелки с брынзой, жареной кефалью. С банок слета-

ют крышки: кизилковый компот, где ягоды в палец! Грибочки, моченые яблоки, хлеб, рюмки... На свежем воздухе, под тенью беседки, обвитой виноградом, живописно накрытый стол и яркий блеск увлажненных глаз двух зрелых женщин – классное сэлфи!

– Ленка, а помнишь, как мы на ферме моей? Море теплое, шашлыки из нутрии, вина ящик. А как на тебя Вова наш смотрел...

– А где он? Все еще директором рыбколхоза?

– Поднимай выше, в Симферополе, в депутаты выбился. А помнишь, как москвичи мою ферму заграбастали. Вот народ... приехали отдохнуть, я им домик у моря сдала. А они глаз на ферму положили. Как же – все добротно. Нутрий две тысячи голов. Цех по пошиву шуб. Денег кинули мне, как собаке кость. Мужа избили, инвалидом стал.

– Рита, не рви сердце. Девяностые годы... слава богу, живы остались...

– Так до сих пор, как вспомню, выть хочется. Ну, да ладно. Я на те деньги хоть дочь выучила. А их, гадов, потом сожгли! Все прахом пошло, животных порезали. Ой, да гори оно ярким! За что пьем?!

– Давай, молча за всех и за все, что осталось там, позади...

– Чего? Нет, я за любовь. Или – давай за детей! Как у тебя, кстати, с новым зятем?

– Да что с первым, что со вторым. Дай бог, мне ошибиться,

но в этот раз как в басне про паучиху и муху. Сплела сеть, медом намазала, поймала резвую, на пять лет моложе себя муху. Любовь... А муха-то из ядовитых. Как ее там – цеце. Ну нет у них радости. Катятся по наклонной. Не летают. Не о такой жизни я для Ники мечтала. Понимаешь, Ритка, он для меня – из другой планеты. Я не говорю: плохой. Но – чужой.

– Ты о том, что мусульманин?

– Да, если бы! Это предки у него, а он и свинину ест, и водку пьет. Ни в черта, ни в Бога не верит. Как-то пришел к нам на Пасху. Угостился. На столе все как полагается: крашенные яйца, куличи. Рюмку выпив, говорит: «С праздником вас кукей-байрам». Кукей – значит, яйцо. Значит, Пасха для него – праздник яйца. А за столом внуки – смеются, повторять начали «кукей байрам, кукей байрам».

– Вот, гад.

– Да нет, Маргуша. Я сначала тоже еле сдержалась. В шутку все перевела – дети за столом. Говорю: да. Все мы из яйца. Огромного, космического. Знаешь, внуки и сам Ильдус внимание наострили.

– Ленка, молодец.

– Понимаешь, просто он другой. В компьютере все знает от и до. Институт окончил, программист. Ника говорит, он Каббалу еврейскую стал изучать. Книжек про гипноз набрал. Хочет вспомнить прошлые свои жизни.

– Ну, слушай, продвинутый... А мой зятек, слов нет – гад... как Крым российским стал, Украину чуть ли ни взасос

полюбил. Вот где, говорит, жизнь. Можно взять автомат и пострелять. И как Светка моя с ним живет?! Двое детей. А такой нормальный раньше был – в Симферополе инженером на автобазе.

– Да, подруга, время сейчас интересное. Что на дне было – из щелей полезло...

– Так, все, хорош. Давай о нас, о девочках! Наливай! Вот огурчик, рыбку бери...

– ...О-о, хорошо пошла. А что Володя? Владимир Андреевич. Все еще со своей?

– Так она уже два года как «царство небесное», отмаялась. Он ее в Израиль, в Германию возил, лечил. Говорят, кучу денег... и все без толку. А ты что, подруга, еще в груди екает? Смотрю, глазки заблестели. А помнишь, как мы вчетвером у моря? Ты с Володей, а я с его замом. Ай, так-сяк был мужик. Староват для меня. А ты – королевишна...ох, у вас такая любовь была, у меня слюни текли...

– Так, Марго, выпили и забыли. Я, Ритка, мужа люблю. Все они – Вовы, Саши... моему Илье в подметки не годятся. Просто не сразу поняла. Понимаешь, подруга, другое у меня сейчас в голове. Вероника дурью мается. Два брака, трое детей, а глаза побитой собаки...

– Оно так, Ленка. Правду в народе говорят: первым не наешься – вторым подавишься. Ох, помню, она у тебя еще подростком...

Вдруг Маргарита замолчала. Вспомнила, как много лет назад кричала ей в лицо зареванная двенадцатилетняя Ника: «Вы, тетя Рита и мама моя, вы все врете! У мамы любовник! Я знаю! Слышала, как вы на кухне говорили. Все слышала! Как вам не стыдно. Не трогайте меня! Я вот папе ничего не сказала. Ненавижу вас!»

Часть седьмая

– Тебе бы мама мои проблемы!.. К каждому слову цепляешься. Проходу не даешь: замуж не за того пошла, детей не так ращу. В голове у меня черт знает что. А это жизнь такая. Неужели трудно понять – у тебя твоя, а у меня – своя...

Ника потеряно смотрела в окно купейного вагона. Мысленно вела разговор с матерью. Только в командировочных поездках, чаще на борту самолета или на заднем сидении автомобиля, она отключалась от жесткого ритма адвокатской раскрученности. Рабочий график распisan на три месяца. Ни одного проигранного дела. Притупляя сердце, работа сидела не только в голове, но и под ногтями. Деньги уже не капали, текли, но уходили в песок (кредиты, кредиты...). И отношения с матерью (вроде помирились) опять на грани разрыва:

– Ника, у тебя глаза работа. Да, ты умная. Но глаза... глядеть страшно...

– Глупая ты, мама, женщина. Ни машину водить, ни компьютер толком освоить. Счастье твое, что пенсионерка. Живешь как выпавшая из времени. Застряла в своем эсесесе-ре... От твоей идейности – тошнит... Хотела б я посмотреть, как бы ты крутилась вот в это время. Взять тебя, мамочка, да на мое место! Трое детей. Муж, который только под юбкой мастак. Зарплату приносит – сам ее и проедает. Все на мне. Как тягловая лошадь... Кредиты. Кредиты! Да ты бы, мама, от безысходности водку жрать стала. А у меня сухой закон. И детей я выращу. Подниму, на ноги поставлю. Врешь ты, мама, что мое сердце за Олю и Даню не болит...

Ника ладошкой вытирала слезы. Носового платка под рукой, как всегда, не оказалось. Но тушь на ресницах не потекла, деньги заплатила не зря.

– И я тебе, мама, не щенок! Пошла ты к черту с таким воспитанием. Мне поддержка нужна. Любовь, забота...

Про щенка Ника вспомнила неслучайно. Елена не раз рассказывала, как, будучи маленькой девочкой, получила наглядный урок от своего отца. На предмет воспитания себя и своих детей. Картинка въелась в память. Берег моря. Две девочки на берегу. Старшая Тоня держит за руку пятилетнюю Лену. В море входит папа. В руках у него щенок по кличке Муха – пытается вырваться, скулит. Отец, зайдя подаль-

ше, выпускает щенка. Тот, оказавшись в воде, сразу тонет. Его вытаскивают, поддерживают руками; опять отпускают... снова подставляют руки. Собаку учат плавать. Перестав визжать, она вольно-невольно работает лапами. Старается держать голову над водой. Плышет, выбирается на берег. Яростно отряхивается. Брызги попадают на зареванных девчонок. Они бросаются к собачке, обнимают, та лижет им лицо.

На второй день Лев Викторович, взяв Муху, опять повел дочерей к морю. Через неделю собака с радостным визгом без поводка неслась за ними...

Формула отцовского воспитания – наглядная картинка простой истины: «Толковый родитель не будет покупать детям яхты, корабли... Ребенка надо научить плавать. Любой корабль может пойти ко дну. Человек, закаленный штормом, выплывет... »

– Лена, а тебе что – Нику совсем не жаль? – Илья, прочитав несколько листков рукописи будущего романа, повернулся к жене:

– Такое тут пишешь... А у нас городок небольшой. Ника – адвокат, у всех на виду. Внуки растут. Прочитают – как к матери относиться будут? Вот, к примеру, описан случай, где она на какой-то корпоративной гулянке, на столе танцевала.

А ты что – со свечкой стояла?.. Ильдус, зять, и – по нему прошлась... Ленка, ты, может, чего не понимаешь?

– Дорогой мой, Илюша... Во-первых, все имена будут изменены. Ника, к примеру, станет Тамарой. Тебе, если хочешь, дам имя Володя, – Елена улыбалась, но вымученной улыбкой:

– Ты говоришь, я чего-то не понимаю. Так я пытаюсь разобраться. Это ведь наша жизнь. Мы с Никой, мать и дочь, родные люди не слышим друг друга, бьемся словно рыбы об лед... Думаешь, я не пробовала отмахнуться от этой темы? Так ведь она сама прет на меня. Понимаешь, Илья, не я эту тему выбрала – она меня... Я, как ни крути, – писатель. Кто-то там сверху стоит над душой... – глаза у Елены разгорались – обычное дело, когда делилась сокровенным:

– А потом, Илюша, мне сон приснился. Бабушка Мария, по отцовской линии. Та самая, которая знахаркой была. Травы, заговоры знала. Представляешь, она мне во сне протянула небольшой листок бумаги. Такой желтоватый, будто выгоревший на солнце. А там три слова: Гордыню Лечат Стыдом.

– Ну и что?– Илья открыл рот, но Елена резко его перебила:

– Помолчи. Следи за ходом моих мыслей. Я с тобой о серьезном: у Ники онкология. Слава богу, в ранней стадии схватились. На улучшение пошло. Но болезнь эта как тлеющий костер. Подкинь дров – опять вспыхнет...

– Типун тебе на язык. Радоваться надо, а ты...– Илья не

скрывал возмущения.

– Да, ты дослушай! Ника – адвокат, имеет дело с негативом и – с деньгами! Понимаешь, у ее клиентов рыльца в пушку! Это раньше к ней пенсионеры, учителя, простые люди, властью обиженные. Она с них и денег особо не брала. Понимала – брать нечего...

А сейчас к ней на крутых тачках подъезжают... Понимаешь, у нее что-то стеклянное во взгляде появляется. Неужели сам не видишь? Нет, ты помолчи. Я не договорила, – Елена налила воду в стакан, выпила:

– Рак одной химиотерапией не вылечишь. Бабушка права – нужен стыд. Они – поколение новое – стыд утеряли. Горделивые, умные, но – бесстыжие. Краснеть не умеют. И Оля вся в мать. Данька, тот мой. Он около нас с тобой рос. А вот младший их Маратик... на отца своего похож – одно лицо. Ну, не знаю, что со мной! Не моя кровь...

– Во! – подал голос Илья:

– Не твоя кровь! Так, может, Ленка, все дело в тебе? Раз лицо у внука башкирское – потому и принять не можешь?! Нет, теперь ты молчи. Думаешь, такая писательница, такой роман века пишешь?! Правду-матку режешь. Выковыриваешь недостатки, слабости, пороки. А ты, Ленка, сама-то любить можешь? Ну, прощать там, терпеть. Я тебя всю жизнь на руках ношу – люблю. Хотя уже понимаю – в тебе столько всего разного... но, все одно – люблю...

– Я, Илюша, знаю... Ты лучше меня, добрее. Успокойся,

мой дорогой, – по щекам Елены текли слезы:

– Знаю... я другая... от себя самой бывает дурно. Писательство – оно и меня наизнанку выворачивает. И сон из головы не выходит «Гордыню Лечи Стыдом». Для чего-то бабушка покойная эту записку дала. Причем, мне дала, а не Нике.

– А ты откуда знаешь? – Илья улыбнулся:

– Может, она и правнучке снилась, тоже такую записку передала. Чтобы вы обе: мать и дочь гордыню свою засунули куда подальше. И – давай, чаю попьем...

– Что? Ольга хочет стать судмедэкспертом? А трупы в морге она вскрывать еще не хочет?! Ника, что ты с ребенком сделала?..

– Жизнь, мама, такая...

– А ты жизнь-то не трогай. Она, жизнь, и родителей наших, и прадедов всегда на зуб пробовала. Отец мой войну Отечественную – с первого дня до последнего, через ад прошел... ранения, контузии... медали, ордена! Дед мой – в Первую мировую – дважды георгиевским кавалером домой вернулся! Жена его, твоя прабабушка, двенадцать детей родила! Пятеро в детстве померли, а остальных всех в люди вывели. Кого на врача, кого на инженера, даже кто-то из них иконы рисовал! А ты за что со своей дочерью так – как буд-

то вымещаешь на ней свои обиды?.. Она еще недавно хотела в медицинский на педиатра – детей лечить. А в детстве – вспомни ее рисунки! Учителя говорили – талантливая девочка. Зачем, ей в негатив?!

– Мама, ну ты опять... тебя послушать, получается, я – исчадие ада какое-то! Что ты про Ольгу знаешь?! Она мне вчера заявила, что хочет к отцу уехать жить. Я ей уже не нужна.... Ее, оказывается, тошнит от этого дома, говорит – замуж не пойду, детей рожать не буду...

– Оля еще ребенок – глупый, обидчивый. Ей внимание, помощь нужна.

– А мне, что? Помощь не нужна? Ты меня как собачонку... и она тоже – пусть учится выплывать... Через год школу заканчивает, про любовь уже объяснять не надо... Подруга ее на той неделе аборт сделала.

Ящик «Прощай, не рожденный ребенок» – вовек бы его не открывать...

«...моя мать двоих родила, а я четверых рожу... Илья говорит – хоть пятерых – три мальчика, две девочки... Ну, свекровь... – а я ее мамой называла: «Один ребенок есть, и хватит! Сначала своим жильем обзаведитесь, как кошка беременеешь... Чего ревешь? Иди в больницу. Чик-чик и – сво-

бодна...»

Свободна... Клич брошен: « Женщине самой решать – рожать или не рожать...»

Трепещи мужское начало, раз женщины решения принимают – тебе обабиться предстоит. В петушиных боях подна-торевшие логика и ум левого полушария – захлебнулось ты, мужское начало, сомнением – на глазах хиреешь... Типаж хорошего мужа для жены, словно подружка закадычная: «Говоришь, у нас еще один ребенок будет? Ну, смотри, дорогая... тебе решать (читай между строк: сама своих детей сможешь прокормить?)». Все просто – чик-чик... свободна...

Матерь божья! Где скрыты корни убийственной вседозволенности? Господи, почему до сих пор в недрах православной души гул стоит от сброшенных на землю колоколов?.. Расплата за обезглавленную оцерквленность большинства – потеряность ... поди теперь – отыщи Бога...

Смертельно-заразительная игра количеств – большевики и меньшевики. Карантинная стена между «белыми» и «красными» (размытый розовый земному богу не по душе...). Противостояние между «око за око...» и «ударили по щеке – подставь другую...» – между безглазо-бледнолицыми и гла-засто-краснолицыми...

«Словно зеницу ока берегите воду святую...» А как сле-

пым и беззубым (око за око, зуб за зуб...) изначальную структуру воды сберечь?! Вот она, оскверненная селями грязевыми... с ума сошедшими реками из берегов выходит... с ураганным ветром в обнимку в смертоносные штормы выливается. И... кровь (кто сказал, что вода не кровь? Ложь!), кровь – вода бездумно проливается... Время – кровотоцит...

В тех местах, где земля жиреет от крови, – в небесах гул стоит, переходящий в клекот, – души людские (подранки молодые) в огромные сбиваясь стаи, по специальному туннелю в карантинную зону небес уходят...

Привыкание к боли – притупление информационным эфиром. Мешанина трагедий и фарса, как эфир для наркоза, хлороформ перед операцией. Анестезия безучастности, отрешенности. И тут – что?! Слезы по нерожденным лить? Подумаешь, несколько грамм чей-то незнакомой жизни прилепилось... «Женщина сама знает – рожать или не рожать!» Нечего ей в земную душу лезть! Подумаешь – страдание в небесах – стоны невоплощенных душ – больных, лишенных права на выздоровление... Как сказано в изумрудной скрижали Гермеса: «То, что внизу, – подобно тому, что вверху...» Что на земле песочница несмышленных детей, такая же и в небесах подлунного мира – песочница обиженных душ людских эмбрионов: «... раз ты меня в жизнь земную не пустила – выскребалась, гадина такая, и я тебя тоже!.. Придет мое время – даже двух месяцев не протянешь – скребком тебя

из матки, да в лоток... а за то, что ты меня шестимесечно-го жизни лишила – искусственные роды вызвала – я тебе с лихвой долг отдам... погоди – придет мое время!..»

Откуда в ящике «... Не рожденные дети» такие сведения? Так Елене во сне прабабушка нет-нет да и выдаст порцию знаний. Как говорится, из первых уст. Да и ничего такого особенного прабабка не показала («То, что вверху, – подобно тому, что внизу»). При желании можно и самим догадаться, что на небесах очереди для воплощающихся на землю душ – в точности как во времена перестройки за дефицитом в столичных универмагах... Кто-то пошустрее норовит вперед пролезть, мол, мне позарез на эту Землю нужно! Квоты с каждым столетием сокращаются...

Вот так влезешь в чужую очередь – свое долги отработать придется и – за того, чье место занял... свои грехи замаливать плюс чужие довеском...

Спроси взрослая внучка свою бабушку-писательницу:

– Бабуля, если бы ты снова стала молодой, по случайному залету аборт сделала бы, или нет?

– Да я бы, девочка моя, занимаясь сексом, мужчину без презерватива на пушечный выстрел не подпустила. День-ночь молилась, чтобы в будущем не коснулась меня и мое потомство смертельная возня в небесной песочнице...

Придет время, и ты, внучка, поймешь: как на земле, так и

на небе, – нужна реформа здравоохранения...

-Мама, папа! Я сегодня день рождения отмечать буду – чуть под машину не попала!!! Представляете, дорогу переходить – а меня как будто кто-то двумя руками прямо в грудь. Стена между мной и дорогой. А двоих людей, они всего пару шагов сделали – какой-то гад лихач – насмерть!..

Ящик двадцать пятый « Низкий поклон вам ангелы-хранители».

«Стой! Замри! Куда, тебя глупую, несет?.. Быстрее, давай быстрее! Ух! Пронесло...»

Если ангелам-хранителям дать способность говорить, а простому смертному подслушать, о, какие бы потрясающие истории обличились переплетами книг. К примеру, один из семи небесных охранителей Елены, благодаря которому она с судьбой в кошки-мышки сыграла. Непременно вспомнил бы крылатый трудяга случай с летным полем аэропорта. Не жалея ангельских сил ставил преграды своей подопечной – палец дверью прищемила, молния на сапоге порвалась, рейсовый автобус под носом ушел (водителю вдруг втемяшилось на пару минут раньше уехать). Но... – упрямая! И не

сказать девчонка – двадцать два года! Попробуй удержать, тем более, когда судьба зеленую дорожку расстелила: « Не оглядываясь по сторонам, беги Лена, к своему будущему мужу! Ничего страшного, что ты его пока не любишь. За руку берет – не тошнит, и, слава богу... Ваши девчачьи любви до замужества – неудачные пробы полета – эх!.. Времени сколько вхолостую, пока на крыло встанете...»

И вот юная Елена, несмотря ни на что, отправилась к Илье на работу. После летного училища он сажал и поднимал самолеты в небе Заполярья, город Анадырь (она дырка...). Елена после распределения тоже попала туда – аптека военного госпиталя.

Время два часа дня, но – сумерки – полярная ночь. Доехала на попутке до аэропорта. Как идти, знала. Илюша еще в первый раз объяснил: «... видишь, в снегу тропинка. Прямо по ней... а теперь через летное поле, давай побыстрее! Смотри не поскользнись... Видишь – снова тропинка, главное не промахнуться... Вот, еще двадцать метров... и ты у меня на работе». Специально оборудованный вагончик. Тепло, светло. Илья увлеченно показывал рабочее место – навигационные приборы, локаторы... дежурство двадцать четыре часа. Поднялась пурга, погода нелетная. Пили чай с пряниками, целовались, обнимались...

«Звонарев!!! Вы, что там охринели?! Кто к тебе по полосе бежит?! Борт московский на посадку идет!..» – орущий голос

начальника службы по громкой связи...

Споткнись девушка, замешкайся на пять секунд – не добежала бы до края летного поля. Судьба выдернула бы из под ног зеленую дорожку... Сделав четыре шага по тропинке, Елена упала в снег от воздушной волны – самолет со свистом промчался по полосе летного поля...

А что там с ангелом-хранителем, сколько перьев потерял... – одна небесная канцелярия знает...

Да одному ему, без помощи других ангельски-крылатых в такой ситуации в жизнь не справиться! Тем более что линия жизни на левой ладони Елены имела небольшой разрыв... Если бы не ангел-стажер (В животе Елены, спустя месяц того чаепития с пряниками... уже обитала четырехнедельная Ника...) – вокруг пальца судьбу обвести вряд ли удалось. Но... душа Ники неистово желала снова прорваться в земную жизнь (в прошлых воплощениях столько дров наломала...). Еще будучи в подлунно-надземном пространстве, жаждала эта душа вырваться из круга родовых проклятий...

И на небе звезды так сложились, что Елена для Ники как мать, – единственный шанс, другие родители не потянули бы... А тут мамочке будущей приспичило наперерез самолету бежать...

От судьбы уйти – никто не уходит. Но отсрочка, конечно, возможна... особенно для беременных. А для тех, кто через ад токсикоза прошел, в родах чуть богу душу не отдал, до

двух лет от ребенка ни на шаг... – очень даже приличное послабление. Три года спустя, Елена, переходя дорогу, поскользнулась – полгода в гипсе... А могла обойтись ушибом.

Неужели трудно для собственных ангелов-хранителей в благодарность хоть изредка чай с молоком разбрызгивать в окружающее воздушное пространство?...

– Баб Лен, а разве можно с книжкой разговаривать? Она неживая, а ты ей: «Здравствуйте, дорогая Марина Ивановна».

–Данька! А как ты тут? Подсматривал? Ты вроде чаю попил, домой пошел.

–А я тихонько за дверь встал. Мне ж интересно, как ты пишешь. Я, может, тоже хочу. А кто такая Марина Ивановна? Почему просишь, чтобы рядом была, помогала; спасибо ей говорила? Я видел, ты книжку к груди прижимала.

–Ах, ты, мой зоркий глаз, чуткое ухо. Давай, будущий писатель, сначала выучи «Моим стихам, написанным так рано, что и не знала я, что я – поэт...», да так, чтоб от зубов отлетало. Потом поговорим.

Ящик тринадцатый «Одна голова хорошо, а две – в двести

раз лучше».

Действительно, почему не попросить помощь у книги, если та отвечает? Это как с иконой. Иконописец о Боге круглосуточно думал – икона работает. Так и книга. Если, конечно, полновесная – с жутью темной глубины и радостью просветляющей высоты. И как клей «Момент» увлекательным промежуточным состоянием. Разговаривать с автором такой книги – счастье неопишемое.

Задавая вопрос, выпрашивая помощь, как в случае с иконой – надо иметь зрительный контакт. Желательна фотография в анфас, разговор тогда глаза в глаза. Нет разницы – здравствующий писатель или ушедший в мир иной. Для тех, кто дружит с воображением, труда не составляет – раз, и собеседник рядом. То у окна стоит, то на диване сидит. Известный факт: ушедшие в другое измерение слов не произносят. Приснившись ночью, а бывает и днем, могут что-то важное в руки дать, пальцем погрозить или по голове погладить. Однако если удастся вызвать их наяву (как медиумы вызывают духов) – включают особый механизм общения. Заставляют собеседников (собратьев по перу) спотыкаться там, где налицо словесная недоработка. К примеру, берет начинающий поэт книгу Осипа Мандельштама. Говорит: «Здравствуйте, несравненный Осип Эмильевич». Затем, взглядываясь в портрет, читает ему свой с годик отлежавшийся стих. Скороспелую зелень не предлагать. Все-таки император российской поэзии! Сам пустышек не любил, другим не про-

шал. Результат не заставит ждать. Рука начинающего вычеркнет ранее не замеченную глупость, неточность. Придут нужная форма мысли, берущие за живое краски. Стих заиграет неповторимостью образа.

Механизм стыковки двух миров (зримого и незримого) работает, как правило, без осечек. С одним, не грех повториться, условием: в течение года автор свои стихи, рассказы должен пытаться собственными силами реанимировать, чтоб дышали, не померли сразу. Как говорится: на Бога надейся, а сам не плошай. Но перед тем как свое творение в люди вывести, у каждого творца есть резон достучаться до небес...Перфекционисты – те, которые сами в себе копаются, они породу улучшают...

Памятка для начинающих: вариться в собственном литературном соку – замыливать оба глаза. Особенно если автор-самоучка. Институт литературный ему не светил, даже попасть на курсы – получил от ворот поворот. Мол, пенсионеры должны грядки пропалывать. Вот и выходит, с возрастом без Мандельштама и Цветаевой никак.

– Баб Лен, а что тебе Борис Пастернак сказал такого особенного, чего я не знаю? – девятиклассница Оля, ухмыляясь, очищала яблоко от кожуры.

– Да хотя бы то, что, сочиняя стих, слова надо писать, буквы ручкой обводя. А не тыкать в них пальцем на пишущей машинке, компьютере. С уважением надо к букве. Да ты, Оля, не гримасничай, послушай. В школах раньше чистописание было. И не зря. Рука, старательно букву описывая, глубину слова прощупывает. А просто тыкать пальцем, в поверхностный слой упруешься, ничего путевого не напишешь. Запомни, девочка, черновик толковый, он только рукописный. Правило для начинающих писателей – ручка в ручке. Потому что сила удваивается. Понимаешь? Это потом уже на печатной машинке, выводя на чистовую...

– Ты, бабушка, о чем? Да так все делают. Что, я должна эсемеску сначала на бумаге?!

– Да я, деточка, тебе о рукописях, которые не горят. Булгакова еще в школе не проходили?

– Ой, бабуль, мама правду говорит. Ты точно с приветом.

«Ленка, ты что, дурочка? Мать, погляди, дочь твоя чуть ли ни ведро раков слопала! Глупая, теперь до конца жизни на них глядеть не сможешь. Что? Тошнит. Мать, дай ей марганцовки...»

Действительно, с того момента Елена больше – ни разу, ни одного рака. Кто знает, может, это правильный путь – дорваться до чего-то, выложиться по полной программе... И,

зная характер Елены, можно предположить – придет время и рука ее легко будет выводить странные, на первый взгляд, строки: «Привет тебе, время перенасыщения. Еще секунда, и вот он, удивительный просвет в голове. Пустые ящики, свой век отжившего комода... Солнечный ветер гуляет в проемах – прогревает, дезинфицирует. Само собой отпадает желание мучиться вопросами: почему то или вот это случилось именно так, а не иначе? Причины конфликтов, последствия – муть застарелой воды.

Пусть скорее уходит эта вода... Жизнь, хочет она того или нет, обживает эру Водолея. Вода выливается... Сосуд освобождается... Готовится место для еще пока невиданного Света... А посему низкий поклон тому, кто впервые на Земле вывел формулу таблетки спокойствия за вселенскую жизнь: «Природа не терпит пустоты...».

– Бабушка, а Ильдус говорит про тебя: вот ты мясо не ешь – потому ненормальная.

– Данечка, да мы с тобой только что суп куриный ели. Я целую тарелку, два крылышка умяла. Ем я мясо. Но только птичье – гуся, утку, индюшку. А знаешь, какие пельмени из индоутки вкусные – о!..

–Бабуля, а почему только птицу?

– Даня, я и рыбу ем, морепродукты. Мне во как хватает!

– Нет, ба, – я о мясе. Почему ты говядину не ешь, свини-

ну? Я сам, бабуля, тоже не люблю. В школе дадут котлету – не ем. А твою из курочки – слопаю и добавку попрошу. Почему так?

– Данька, этот разговор в три минуты не уложишь. А тебе на теннис пора. Опоздаешь – от тренера втык получишь. Давай в другой раз.

– Ну, бабуль...

Одиннадцатый ящик, справа:

«... Лошади, коровы, быки едят траву, злаки и – силы им не занимать – мощные, красивые... После Рождественского поста даже мясо птицы в горло не идет, только если под рюмку водки. Выпил – и пошло-поехало... Господи! Как во время поста пишется – ясность в голове, мысли толковые как из рога изобилия... Рука записывать не успевает... Идеи необычные, новые темы – про болячки забываешь... Как там, у Островского в «Грозе», – «...почему люди не летают?..» Да потому что мясо млекопитающих едят...»

Если бы двадцать пять лет назад кто-нибудь сказал Елене, что придет время и ее стошнит от шашлыка из молодого барашка или нежирной свинины, – рассмеявшись, повертела бы пальцем у виска. До тридцати восьми лет слово «всеядность» ухо ей не резало. Сочные чебуреки, беляши из смеси

говяжьего фарша со свиным, азу из молодой телятины, ароматный плов из барашка – чмокала кончики пальцев.

И как теперь объяснить внуку или какому другому ребенку произошедшую с ней метаморфозу? Как объяснить, что человек тоже, как планета Земля, может менять полюса? С рождения питался как все – ел мясо животных, а потом вдруг – раз!.. И ведь не вегетарианец, по поводу жалости к убиенным тварям слезы не льет. Понимает, что этот подлунный мир – арена, где сегодняшний палач завтра становится жертвой. Но... – мясо млекопитающих отныне – табу!..

После разговора с внуком, Елена собиралась с мыслями. Первым делом вспомнила, как впервые наткнулась на эту вдруг появившуюся стену – ощутила прилив тошноты, головокружение при виде сырого красного мяса. Неприятие его ни в вареном, ни в копченом виде. Даже слюна перестала отзываться на запахи, которые еще совсем недавно нагоняли аппетит...

Конец августа. Спустя две недели после ее дня рождения, чуть не утонул в море шестилетний Юра...

В середине сентября, всей семьей отправились на сельскохозяйственную ярмарку. В одном павильоне продажа сырого мяса и молочных продуктов. Проходя мимо рядов со свиньями, говяжьими тушами, прилавками с нарубленными кусками мяса, она вдруг прочувствовала ранее незнакомое ощущение. Ноги, еле двигаясь, становились ватными. А главное – не могла дышать. Воздух, пропитанный сладковато при-

торным запахом свеженины, был для Елены перекрыт. Ощущение, когда хочется выскочить пробкой из бутылки, где со-
держимое стало смертельно опасным...

Вроде, понятная вещь, но... как объяснить тому, кто ни
разу в жизни не ел сладкого, – какой вкус у сахара?..

– Бабуля, ты обещала – давай про мясо...

– Хорошо, дорогой, только внимательно слушай. Вот сей-
час, Даня, встань, подойди к зеркалу. Видишь свое отраже-
ние – светловолосый, сероглазый замечательный мальчик. А
где ты еще себя можешь увидеть?

– Ой, бабуля, в большой луже после дождя. Я подошел,
наклонился – лицо свое увидел. А еще в озере при тихой
погоде – небо, деревья отражаются.

– Верно, Данька. Люди свое телесное отражение могут ви-
деть в спокойной незамутненной воде. Испачкал ты нос, по-
глядел в водную гладь, и – умылся. А как быть с душой? Что
служит зеркалом для души, когда она испачкана гневом или,
наоборот, сияет в лучах радости?..

– Бабуля, – я не знаю.

– Душа, Даня, она... ее, как воду, рукой не потрогаешь. И
воздух – рукой не потрогаешь. Вот душа в воздухе, Данька,
и отражается! Небо, видит эту душу. И как в случае с водой,
если страсти кипят, волны возмущения, не дай бог, ненави-

сти, небо эту душу не увидит. Время не нее тратить не станет. Дружба же с небом... – человек стихи, музыку гениальную писать будет, ученым станет – Нобелевскую премию получит. Я тебе, Данька, понятно объясняю?

– Ой, бабушка, ты мне такое еще не рассказывала.

– А теперь, внук, переходим к мясу. Только, Даня, дай слово, что разговор между нами. Особенно с детьми не делись – не поймут, засмеют, начнут дразнить.

– Бабуля, я не маленький, понимаю...

– Хорошо, мой друг. Итак, вспоминай, я как-то тебе говорила, что очень, очень давно на Землю прилетели и какое-то время жили наши создатели.

– Да, бабуля, ты мне эту сказку рассказывала. Они там людей всему научили. Землю обрабатывать, от болезней лечится. Пирамиды выстроили...

– Так вот, мой внук, они – наши небесные прародители поклонялись Млечному Пути (млеко от слова молоко). Потому мясо млекопитающих, т.е. своих собратьев не ели. Питались злаками, орехами, фруктами, пили молоко. Однако людям, которых создали, разрешили изредка есть птицу и рыбу. Люди, существа не совершенные, нуждались в дополнительном питании – на Земле жизнь была не сахар...

– А почему мы не послушались, и стали есть все что хотим? Я читал, были даже людоеды!

– Не знаю, Даня... Может, для того чтобы в один прекрасный момент вдруг отказаться от привычного, казалось бы

незыблемого, и – раз! Преобразиться... Полюса на земле меняются, люди – тоже в определенный момент, словно бабочки из кокона...

– Бабуля, а для чего я живу?..

– Что бы, Данечка, душа твоя подружилась с Небом... И вот вопрос, мой внук: как научиться быть зеркально спокойным для взгляда Неба, если тело в котором душа находится, чуть ли не с рождения запрещенным мясом пичкают? Вот, к примеру, люди, склонные к агрессии, обожают, в ресторанах заказывают филейные слабо прожаренные куски с кровью. Детские врачи – я помню, ты маленький был, ангиной переболел, гемоглобин низкий – говяжьё печенку тебе прописывали. Там железо – необходимое для детской крови. А я куриную давала. И вон какой ты вымахал.

– Ой, бабушка, я тебя так люблю.

– А уж как я тебя люблю – слов нет...

Все, как в песнях поется: «Лучшие друзья девушек – бриллианты...», «И с другом не будет драки, если у вас друга нет». Интересно, какая сила движет алмазным лучом, что если не в свои сани сел, то крыша едет? Кристаллы-провокаторы – природные усилители как доброго нрава, так и дурного...

Ах, ты лучик синенький, цветочек аленький, что сказоч-

ное чудище охраняет. Сорвали запретное, покрасовались перед зеркалом – получайте свое...

Спрашивается, зачем Ника выкрала бриллиантовые серьги матери? Оно, конечно, можно понять. Раз подарили, грубо говоря, не фиг отнимать. Тем более на глазах Ольки: – Бабушка! Да разве так можно? Мама, не отдавай! Это теперь наши серьги! Что ты за человек, бабушка?! Смотри, мама плачет...

– Оля, детка, пойми: она не имеет права их носить! У нее сердце черствое! Это же надо, взять в дом кошку, приручить. Трое слепых котят. И – видите ли, гадят! Побросать в коробку, вывезти за город, попросту вышвырнуть на помойку! Мол, ничего страшного, не пропадут. Да там их собаки разорвут! Какие тебе, красавица, серьги?! У тебя же где-то там, в душе, – чудовище...

– Да что б ты ни говорила, не отдам! Ты мать, моралистка! А сама, что – святая?! Отцу изменяла, я знаю!..

– Ну, все, сучий потрох. Смотри, Вероника. Не отдашь – попадешь в аварию. Вон, новая твоя машина – всмятку будет. И не знаю, уцелеешь ли ты сама. Гляди, девка, я свое слово сказала.

– Да на, забери свои серьги! И иди, иди отсюда!.. И дети мои к тебе ходить не будут!..

Утром, чуть свет, снова в окошко тук, тук – улыбающееся лицо Дани. Хлеб с маслом, зеленый чай с мятой. После, как всегда, вопросы:

– Бабуля, помнишь, ты мне в детстве сказку читала про девушку и ее братьев-лебедей. Колдунья за что-то их наказала, превратила в птиц. Представляешь, они, люди, могли летать. Высоко-высоко. Здорово-то как! Ба, а зачем им – опять в люди?

– Данька, а ты представь – каждая птица мечтает стать человеком. Потому сестра и спасала братьев. День, ночь из жгучей крапивы (представляешь, какие волдыри на руках?) мастерила рубашки. А на восходе солнца накинула на каждого, вернула им прежний вид.

– А почему младшему рукав не довязала? Вот ходит он по белу свету с одной рукой и одним крылом.

– Даня! Да ведь он, младший – самый счастливый. И рукой приловчится, что надо смастерит. А главное, крыло!.. Лети, куда хочешь!

– А разве на одном крыле можно куда улететь?

– Так у него рука есть. Обязательно сделает второе крыло. Одно крыло – рукотворное, а другое – природой данное. Лети, куда пожелаешь! В иные измерения проникай. Из галактики в галактику... Так что, младшему повезло. Его старшие братья об этом пока только мечтают.

– Бабуля, а люди и человеки – это одно и то же?

– Нет, Даня. Люди, они просто рукастые. Крылья им по ночам снятся. А вот такие, с рукой и крылом, – человечество.

– Так, может, сестра специально не довязала рукав младшему брату?

– Все может быть, дорогой мой... Но это – другая будет сказка. А в этой, поверь мне на слово, старалась девушка изо всех сил. Руки обжигала, думала об одном – успеть, закончить, чтобы все было по-людски...

– Илья, хочу летнюю кухню. Помнишь, как в Крыму, у мамы моей. Еду готовишь, переночевать можно. С огорода в дом грязь не носишь. Вон там, около забора, построим, – Елена направила указательный палец в сторону участка дочери.

Сказано – сделано. Через два месяца на том месте, куда Елена указала пальцем, стояло небольшое сооружение из пеноблоков, крытое шифером. Внутренние стены небольшой комнаты отделали вагонкой. Поставили кухонный стол, небольшой диванчик. Через месяц собирались подвести газ, пока же обходились электроплитой.

Пожар случился в конце июля. Неделю до этого Елена затеяла ремонт спальни. Выкрасила масляной краской окна, двери. Запах, плохо выветриваясь, плавал по всему дому.

Елене пришлось перебраться в летнюю кухню. Дневала там и ночевала. Прополку, полив огорода чередовала с работой над рукописью. По вечерам заносила готовый текст в компьютер. Работа спорилась, пятигодичный труд предчувствовал завершение. Елена даже не ломала голову над концовкой: настолько ясно понимала, о чем пишет, для чего пишет.

– Бабушка, а какое название будет у твоей книжки?

– «Разбитая сахарница».

– А почему?

– Подрастешь, Данька, прочитаешь – поймешь. А сейчас не мельтеши перед глазами. Кыш домой!

За день до пожара у Елены разболелся зуб. Ночь провела с анальгином. Через интернет повезло взять талон к врачу. Вызвала такси. Закрыла калитку на ключ, и тут на улице – Оля с двумя незнакомыми парнями. Внучка демонстративно повернулась спиной. Елена, было, открыла рот, но тут подъехал такси. Время поджимало. У врача же время растянулось: сначала направили на рентген зуба, а там очередь... потом все-таки зуб вырвали.

Когда Елена подъехала к своему дому, пожарные сворачивали шланги.

– Лена! Где ты б-была?! Почему те-телефон отключила?! – У подбежавшей соседки очки съехали на нос. От волнения заикаясь, она выдала:

– У тебя к-к-кухня летняя сгорела!

Обугленные стропила крыши. Тошнотворный запах оплавленного сайдинга. Почти что выгоревшая дверь, за которой просматривалась жуткая чернота...

– Лена, ой как горело! Я как увидела – сразу в пожарную звонить! Ветер поднялся! Хорошо, на дом не перекинулось! А ты знаешь, что это твоя Ольга?! Она там с какими-то парнями разожгла костер в огороде. Я крикнула: «Вы чего творите?!». А они мне: «Мы шашлыки жарить будем». Я потом в дом ушла. А через полчаса глядь в окно, а у тебя уже полыхает. Может, ветром от костра... А может, и специально – окно-то в кухне разбито... может чурку горящую и закинули...

Елена, оцепенев, молчала. В голове пульсировала мысль: там, на кухне, вся рукопись, компьютер... И в то же время, странное дело, она спиной ощущала Ольгин взгляд. Будто внучка была где-то рядом.

На вопрос приехавшей полиции: «Какая причина пожара?» – Елена даже не раздумывала: «Забыла выключить электроплитку». Пенсионерка, с памятью проблемы, и все такое. Внучка? Боже упаси! Хорошая девочка, в школе отличница... Соседка говорит? Ошиблась, да и очки носит – подслеповата. И соседка, притихнув, в знак согласия кивала головой...

-Ильдус, ты сам говорил – надо или выкрасть у бабки роман, или поджечь ее! Вот мы кухню и подожгли, – У Ольги от возбуждения лихорадочно горели глаза.

– Ой, кажется, мама с работы пришла, – девочка кинулась к матери:

– Мама! Тебе нечего теперь бояться. У бабки все сгорело! Никто про нашу жизнь ничего не узнает. А ей так и надо! Вот и Ильдус говорит.

– Боже, что вы еще натворили? – Ника, сбросив туфли с ног, поставила пакеты с продуктами на стол. Мешковато опустилась на стул.

– А ничего. Остались от козлика рожки да ножки. Ты вот на, прочитай, – Ильдус протянул жене тетрадный листок:

– Мальчишки вчера к ней в гости ходили. Она им бумагу, карандаши дала, чтобы рисовали. А этот листок Маратик со стола случайно взял. Тут много чего непонятно, обрывки, но – концовка! Ты прочти, что тебя в ее писанине ждет. Хороша мать... Да ее в психушку надо, – от возмущения лицо, шея Ильдуса покрывались красноватыми пятнами.

На одной стороне тетрадного листа неровным почерком наброски какого-то текста. На другой – нарисованные детской рукой танки. Ника вышла во двор:

– За мной не ходите!

На крыльце табуретка – села. Прикусив от волнения гу-

бу, стала читать. Кое-где строки зачеркнуты, похоже на стенографию – рука матери старалась успеть за быстро следующими мыслями. Обычное дело, когда пишется на одном дыхании.

Острый ум Ники с какой-то жадностью, будто делая что-то запрещенное, ощупывал глазами каждое слово – старался восстановить общую картину. Наброски текста, действительно, содержали в себе концовку рукописи матери:

«... Что еще такое должно произойти между мной и Никой, чтобы рассыпалась стена хронического противостояния? Чтобы обнулились последствия разбитой сахарницы... сколько же можно «сено-мочало, начинай сначала»! Тупиковое, неблагодарное дело: в следующем воплощении снова притираться друг к другу, выставлять счет, кто кому что должен...

И какие молитвы, дополняющие «Отче наш... прости долги наши, как и мы прощаем должников наших...», надо мне включить, чтобы дочь не попала в ДТП? А с другой стороны, может, и надо Веронике, заигравшейся в игру «потеряй маму», вылететь на скамейку штрафников? Конечно, Господи, помилуй – кровожадный вариант исключен! Вполне достаточно дней на пять просто выпасть из привычной жизни. Под капельницами, искусственным дыханием отлежаться в краткосрочной коме. Включить защитную функцию организма от навороченных глупостей. Войти в программу обновления. Говорят же люди, вышедшие из комы, о собственном преоб-

ражении. Да и окружающие их восторга не скрывают «Ой, был такой гад, жмот, а сейчас, ну хоть молись на него...»

А посему, житель дурдома, да найдет тебя спасительная кома. В клинической смерти побегаешь ты по тоннелю, в конце которого ярчайший Свет. Хоть на мгновениепустишь Его в себя. Пройдет Свет сквозь мозг, сердце, обогащая генетическую структуру крови. Обновит иммунитет. Никакая зараза отныне не страшна. Прощай, карантин для родственников...»

Прочитав, Вероника минут пять сидела на табуретке, неотрывно смотря в одну точку. А именно в щель от выломанной доски забора между двумя домами: ее и родителей. Просвет выходил на открытое окно родительской столовой. Ника потянула носом – слегка пахло краской. Штор на окне не было. Дочь видела, как мать ужинала: намазывала масло на хлеб, размешивала сахар в кружке. Потом мама потянулась к телефону. Поговорив с минуту, кивая головой в знак согласия, она вдруг рассмеялась. Ника, давно не видевшая, как смеется ее мама, внезапно поймала себя на том, что тоже улыбается.

Спустившись с крыльца во двор, она достала из сумочки зажигалку. В голове пульсировала мысль: «Рассыпанный сахар должен сгореть...» Лист разгорелся сразу. Ветер подхватил пепел...

Солнце, полая июльским зноем, садилось за горизонт. Елена с забинтованным пальцем, сидя около окна, допивала травяной чай. Заварила успокаивающий. Денек выпал аховский... Мало того что разгар полнолуния из равновесия выбивает, а тут еще сгоревшие кухня, рукопись... компьютер – старый боевой товарищ... Сказать «жалко до слез» – ничего не сказать.

«Рукописи не горят... рукописи не горят...» Кто бы спорил. Елена, как каждый нормальный писатель знает, что горит бумага, а слова уходят к Богу.

А потом флешка-то – на что?! Это Мастеру булгаковскому не повезло – жил не в то время. Сунул сгоряча рукопись в печку. Потом, небось, остыл, а – поезд ушел, потому и – здравствуй палата психиатрической больницы...

У Елены же почти весь материал в целости, сохранности. За два дня до пожара она по привычке сбросила на электронный носитель только что написанную главу. И... что-то толкнуло отнести флешку в дом, положить в шкатулку, где она раньше и лежала. Компьютер взамен сгоревшему купить тоже не проблема. Работай, писательница, доводи дело до ума.

Но – бессонные ночи... вырванный зуб, нервный тик левого глаза, пепелище... все это, помноженное на полнолу-

ние, – на Елену свалился приступ психоза. В просторечье – баба съехала с катушек. В голове ее словно дятел по дереву: « Да пошло оно... Да гори оно... Чтоб я еще раз взялась правду об этой жизни говорить!.. Роман мне подавай – идиотка! Собрала всю подноготную о родных людях – душу свою выматывала. Кому нужна такая правда?! Врагом стала для внучки... Дочь как чужая... Как там Иисус нам пел: «Возлюби врага своего...» Как же – разбежались – не про нас та песня... погладь против шерсти, все как один – петухи бойцовские... Все, хватит! На фантастику перейду! Тебя же, флешка, зараза, сейчас прихлопну...».

Вначале Елена топнула по ней ногой, обутой в тапок. И сразу резкая боль в коленном суставе. Флешке – хоть бы хны. Затем, взяв в руки молоток для отбивания мяса, замахнулась, и – мимо! В третий раз, уже придерживая флешку рукой, размахнувшись, она врезала – по пальцу... сгоряча вспомнила чью-то мать... прикладывала к пальцу холод. А флешка улетела под диван.

– Вот зараза... Я тебя потом все одно достану...

Выпив чаю, Елена еще долго сидела у раскрытого окна. Через образовавшуюся щель в заборе смотрела, как дочь около крыльца купает маленького сына. Тот – в глаза попало мыло – хныкал. Ника, споласкивая его водой, приговаривала:

– Терпи, казак, атаманом будешь.

Из дома послышался голос Ильдуса:

– Давайте скорее, ужин стынет!

Укутав ребенка в банное полотенце, взяв его на руки, напевая какую-то песенку, Ника зашла в дом.

А в окно вдруг залетели две синекрылые стрекозы. Одна как-то раз и прилепилась к другой.

– Ты гляди, – улыбнулась Елена, – все хотят любви...